

МАРІЯ ГОРЯИНОВА

Сирень цвѣла...

БЕРЛИНЪ
1 9 2 4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сирень цвѣла	5
Сказка	52
Концертъ	74
Пасхальный пріемъ	83
Старшая	100

Сирень цвѣла.

I.

Яркая сѣверная весна цвѣла, сіяла юной красотой. Шаловливый май попалъ въ сѣти волшебницы, сирени, которая, пышными лиловыми гроздьями покрыла скромные кусты, стыдливо незамѣтные подъ благоухающимъ уборомъ. Смѣлый опяняющій аромат лился изъ каждаго цвѣтика, суля счастье и наслажденіе. — Наступалъ тотъ тихій майскій вечеръ, когда, послѣ ликующаго дня, природа замираетъ, а соловей, мечтательный пѣвецъ весны, сначала робко, а затѣмъ все громче поетъ о любви своей кратковременной подругѣ. На балконѣ, освѣщенной заходящими лучами солнца, дачи — появилась тоненькая дѣвушка и, неслышной походкой сбѣжавъ по деревяннымъ ступенькамъ, скользнула въ аллею нѣжно зеленыхъ березокъ. Добѣжавъ до конца дорожки и не найдя того, кого надѣялась увидеть — она взглянула внизъ, съ горки на лужокъ, постояла, прислушиваясь нѣсколько мгновений и, нетерпѣливо сорвавъ вѣтку сирени, спрятала въ нее свое зардѣвшееся смуглое личико. Но это повидимому ее не успокоило; сѣрые глаза вспыхнули гнѣвнымъ огонькомъ, маленькая ручка смела и отбросила душистый цвѣтокъ и, рѣшительно сдвинувъ широкія брови, дѣвушка собралась, было, уже уходить — какъ вдругъ остановилась. Все

крутомъ такъ благоухало. такъ говорило о радости и любви, что невольно гнѣвъ и нетерпѣніе быстро смѣнились на ея подвижныхъ чертахъ выраженіемъ искренняго восторга и, уже забывъ о своемъ разочарованіи и отдавшись новому впечатлѣнію, она стояла, не шевелясь, боясь нарушить очарованіе:

— «Боже мой, какъ хорошо! Какое счастье — жить, видѣть всю эту красоту, и — любить» — тихо воскликнула она и, внезапно вся вспыхнувъ — смущенно замолчала...

«Татьяна Николаевна, наконецъ то!» — неожиданно появившись изъ за широкаго куста. на поворотѣ дорожки, и быстро подбѣгая. — радостно говорилъ стройный, молодой офицеръ.

— «А я ужъ думалъ, вы не придете!» уже тише продолжалъ онъ, сжимая ея руку и сіяющими, влюбленными глазами окидывая весь стройный обликъ.

— «Сидѣлъ, ждалъ, ждалъ васъ. и такъ стало грустно. И гитару захватилъ. но безъ васъ не пѣлось. Вѣдь Софья Александровна разрѣшила намъ погулять; отчего вы запретили мнѣ зайти за вами?» спрашивалъ онъ, ласково заглядывая ей въ глаза.

«Я уже и весь садъ обошелъ крутомъ. а васъ все нѣтъ, да нѣтъ...»

«Маму вызвали въ городъ. и нужно было посидѣть съ тетей. Вотъ почему я не могла раньше притти». оправляясь отъ смущенія. отвѣтила дѣвушка.

«А встрѣтиться съ вами мнѣ хотѣлось непременно тутъ, у самой горки, чтобы скорѣе итти гулять. Такъ жалко потерять хоть часочекъ въ такую чудесную погоду», продолжала она, опять покраснѣвъ подъ его восторженнымъ взглядомъ.

«Ну, а теперь пойдете. Владимиръ Сергѣевичъ, — сначала на лужокъ, а потомъ вдоль рѣчки, по моей

тропинкѣ... Гитару лучше оставьте, споете когда вернемся.» — И радостные, счастливые, молодые люди стали весело спускаться съ горы...

Таня Обухова переживала то блаженное состояніе влюбленности, которое даже самую сѣренькую жизнь превращаетъ въ красивую сказку; а сѣренькой — жизнь Тани назвать было нельзя. — Потерявъ рано мужа, Софья Александровна, мать Тани — вся отдалась воспитанію единственнаго ребенка. Таня росла одна, но отсутствіе сверстниковъ не отразилось на ея характерѣ. Живая, впечатлительная дѣвочка всегда находила откликъ въ Софѣ Александровнѣ, которая, будучи еще сама молодой — изъ спокойной, любящей матери, нерѣдко становилась веселымъ товарищемъ рѣзвыхъ игръ. Всѣ интересы Таниной дѣтской жизни составляли, казалось, и главный смыслъ существованія Софьи Александровны, и съ годами дѣвочка привыкла смотрѣть на мать, какъ на неразлучную старшую подругу. Незамѣтно пролетѣло время. Софья Александровна утратила свѣжесть и прелесть молодости, а Таня, изъ хорошенькаго ребенка — превратилась въ очаровательную дѣвушку. Судьба, повидимому, рѣшила сдѣлать ее свей баловницей. Съ чуткой душой и живымъ умомъ, хорошенькая, веселая Таня была общей любимицей и, выросши въ довольствѣ и даже роскоши, привыкла смотрѣть на жизнь, какъ на заманчивый праздникъ. Мать и дочь переживали вмѣстѣ всѣ радости и волненія, и Софья Александровна не представляла себѣ того момента, когда у «ея маленькой Тани» начнется своя личная жизнь. Если иногда смутная тревога и страхъ передъ неизбѣжнымъ и закрадывались въ ея сердце, она сразу себя успокаивала обычными фразами:

«Какія глупости, вѣдь она еще совсѣмъ ребенокъ,» и облегченно, любовно оглядывала сѣроглазую любимицу.

— И вдругъ это неизбѣжное пришло, — и пришло неожиданно, какъ и все нежеланное. — На одномъ изъ рождественскихъ, танцевальныхъ вечеровъ, Таня, всегда съ увлеченіемъ танцовавшая, не отдавая изъ молодежи предпочтенія никому — пережила нѣчто совсѣмъ новое, незнакомое... Передъ котильономъ хозяйка дома подвела къ ней молодого корнета, Владимира Сергѣевича Талызина, пріѣхавшаго на праздники къ родителямъ — и представила какъ прекраснаго танцора.

— Высокій, статный, съ открытымъ веселымъ лицомъ и прекрасной улыбкой, открывавшей изъ подъ черныхъ усиковъ рядъ ослѣпительныхъ зубовъ, Талызинъ привлекалъ вниманіе, и хотя его нельзя было назвать красавцемъ, всякій, глядя на него — ласково улыбался и мысленно произносилъ — «какой молодець.» Лишь осенью выпущенный офицеромъ въ полкъ, который сразу сталъ для него самымъ главнымъ и дорогимъ въ жизни, онъ все таки съ радостью ѣхалъ на Рождество въ милый Петербургъ, «къ своимъ», заранѣе предвкушая счастье родителей и вихрь удовольствій. —

Тоненькая, смуглая Таня, съ разгорѣвшимися щечками и блестящими глазами, въ бѣломъ кисейномъ платицѣ и розаномъ въ густыхъ, черныхъ волосахъ — явилась молодому человѣку живымъ воплощеніемъ его мечтаній и, не умѣя скрывать своихъ чувствъ, онъ открыто въ этомъ признавался, слѣдя за ней восхищеннымъ взоромъ. Таню, избалованную успѣхами, не удивила новая побѣда, но когда, послѣ веселаго котильона Талызинъ отвелъ свою даму на мѣсто, и, склонивъ почтительно русую голову, поблагодарилъ, — ей показалось, что она осталась совсѣмъ одна, кругомъ все, какъ то, потускнѣло, а оживленный балъ сталъ вдругъ скучнымъ и неинтереснымъ. —

Шумно проходили праздники: елки, танцы, катанье съ горъ и на конькахъ — шли пестрой чередой, но Таня̆ обычнаго веселья съ собой не приносили. Талызинъ былъ неожиданно вызванъ въ полкъ, замѣнить захворавшаго товарища, а отпускъ его перенесенъ на масляницу. — Съ тревогой и заботой замѣчала Софья Александровна, что Таня не та, — разсѣянна, грустна, но, приписывая ея настроеніе усталости отъ избытка развлеченій, совѣтовала хорошенько отдохнуть и запасть силами къ близкой масляницѣ.

Вотъ пріѣхала и она — широкая, съ блинами, тройками, ряжеными, балаганами...

Хмурый, строгій Петербургъ — вдругъ помолодѣлъ. Оживилось Марсово поле, разошелся балаганный дѣдъ, бойко стали зазывать румяные разнощѣки праздный людъ полакомиться сластями, заливаясь колокольчиками, запестрѣли разукрашенныя вейки, на радость благодарному сѣдоку — беззаботной дѣтворѣ и мелкому чиновнику. Понеслись звуки гармонки и подгулявшіе голоса разухабистой плясовой. Солнце засвѣтило ярче, снѣгъ на улицахъ пожелтѣлъ, а на Невѣ порыхлѣлъ, быстрѣе мчались по Набережной рысаки, не такъ сурово окликалъ бравый городской невпопадъ сующагося чухну. Даже хлопотливые воробы засуетились по весеннему...

Съ мясляницей рѣзко измѣнилось и настроеніе Тани, и, изъ тоскливаго и вялаго, стала нервно-лихорадочнымъ. — Устраивалось катанье на тройкахъ.

Когда, наконецъ, въ морозный день, всѣ собрались, и Таня, среди, разсаживавшейся по широкимъ санямъ съ говоромъ и смѣхомъ, молодежи вдругъ увидала милое лицо въ бѣлой фуражкѣ, лукаво улыбавшееся изъ подъ боброваго воротника — сердце ея застучало громко,

громко, въ глазахъ все закружилось, и блаженное состояніе охватило всю...

Недѣля пролетѣла какъ чудный сонъ. Молодые люди боялись словъ, но краснорѣчивые взгляды и смущеніе при ежедневныхъ встрѣчахъ выдавали ихъ тайну.—

Отпускъ Талызина кончался съ масляницей.

Въ воскресенье, послѣ катанья съ горъ, распрощалась молодежь съ весельемъ, и еще возбужденная, но грустная разъѣзжалась по домамъ.

Въ низкихъ саночкахъ неслись съ острововъ Таня и Талызинъ. Обхвативъ рукою тонкій станъ своей молоденькой спутницы и стараясь поймать взглядъ слегка испуганныхъ глазъ, взволнованный, смущенный — дѣлалъ Талызинъ свое первое признаніе.

«Татьяна Николаевна, я никогда не забуду этихъ дней и буду терпѣливо ждать мая, чтобы васъ снова увидеть. Вы не забудете меня? Какъ грустно мнѣ уѣзжать опять въ полкъ, который еще такъ недавно замѣнялъ мнѣ все.» —

Грудь Тани порывисто дышала, кровь горячей волной прилиwała къ сердцу... Словъ не было. Къ горлу подступали слезы, и близко, близко наклонившійся къ ея разгоряченному личику Талызинъ — прочелъ отвѣтъ въ блеснувшемъ слезою взорѣ, довѣрчивыхъ, сѣрыхъ глазъ. —

Розовое небо потемнѣло, замерцали далекія звѣзды. Раздался и повисъ въ воздухѣ первый ударъ унылага Великопюстнаго колескола...

Софья Александровна, ревниво охранявшая свою дѣвочку, чутьемъ угадала зародившееся чувство и, посмотря на искреннюю симпатію къ Талызину, увидала въ немъ того недруга, который, по праву, можетъ отнять у нея ея сокровище. —

Таня, до сихъ поръ не имѣвшая тайнъ отъ матери, по какому то непонятному, стыдливому чувству удерживалась отъ откровеннаго признанія и избѣгала прежнихъ задушевныхъ бесѣдъ съ нею. Софья Александровна знала отъ Тани, что Талызинъ пріѣдетъ въ маѣ. Она видѣла и чувствовала, что Таня отъ нея отошла, что въ душѣ ея созданъ уголокъ, гдѣ ей, любимой всегда мамѣ, мѣста нѣтъ, и что таковъ законъ природы — противъ котораго бороться нельзя. — И сердце ея тоскливо ныло, въ душѣ поднималась горечь незаслуженной обиды. —

Для Софьи Александровны — май, съ пріѣздомъ «врага», означалъ начало ея страданій, когда кончалось «ея» счастье, и начиналось самое страшное въ жизни немолодой женщины — одиночество. —

Для Тани май, съ пріѣздомъ того, кому принадлежали всѣ ея мысли и сердце, несъ съ собою то счастье, безъ котораго жизнь не имѣла смысла.

Мать и дочь молчали, и каждая, по своему, ожидала весны. —

И вотъ, прилетѣлъ онъ — этотъ беззаботный волшебникъ-май, съ плѣнительной весной, царицей сиренью, мечтательнымъ соловьемъ, и властно и громко сталъ звать къ любви и радостямъ. —

Въ этотъ, какъ и въ прошлые годы, Софья Александровна переѣхала съ наступленіемъ весны на свою любимую Сиверскую, гдѣ она всегда жила на одной и той же дачѣ, у спуска горы къ рѣкѣ. Родители Талызина рѣшили провести предстоящее лѣто тоже тамъ и стали сосѣдями Обуховой. Пріѣздъ сына ожидался со дня на день.

Въ яркое, майское утро, Софья Александровна, мирно сидѣвшая на террасѣ, окончательно растерялась, неожиданно увидавъ передъ собою взволнованнаго Та-

лызина, довѣрчиво и радостно спросившаго ее послѣ первыхъ привѣтствій о Танѣ. — Таня сръзала въ саду сирень и, издали увидавъ гостя — сначала такъ смутилась, а затѣмъ радостно просіяла, что сердце Софьи Александровны упало, и то, чему она боялась вѣрить, превратилось въ страшную дѣйствительность. Ей оставалось лишь ждать — рѣшенія.

Молодые люди шли вдоль рѣчки, отъ которой поднимался туманъ. Прозрачный воздухъ поддернулся легкой дымкой, тонкія березки потянулись вверхъ, холодный сергіѣ народившагося мѣсяца бѣлѣлъ въ высокомъ небѣ. Отъ острога аромата кружилась голова. —

«Татьяна Николаевна, Таня», говорилъ Талызинъ, сжимая ея руки и приближая свое лицо къ ея счастливымъ яснымъ глазамъ. —

«Я васъ люблю, и вы меня не оттолкнете. — Я чувствую, что и я вамъ дорогъ... Скажите, да?»

Яркимъ свѣтомъ все вдругъ засвѣтилось и озарилось, счастье и умиленіе унесло въ невѣдомый миръ и, вся затрепетавъ — Таня положила свои тонкія руки на сильныя плечи Талызина.

«Таня, лагушка, радость моя,» прошепталъ онъ страстно и горячими губами прильнулъ къ ея похолодѣвшимъ, полуоткрытымъ устамъ...

Поджидавшая на балконѣ ихъ возвращенія Софья Александровна, сразу, по сіяющимъ, взволнованнымъ лицамъ увидала, что приговоръ надъ нею произнесенъ. —

«Мама, родная моя мамочка, — какъ я счастлива — если бы ты только знала,» обнимая и прижимаясь къ матери, говорила, часъ спустя, Таня, взобравшись къ Софьѣ Александровнѣ на постель и укладываясь около нея, калачикомъ, какъ въ дѣтствѣ. когда нужно было повѣдать что-либо важное. —

«Онъ меня любить, и какъ любить! Мамочка, скажи, ты это знала, видѣла давно?» нѣжно, любовно глядя руку матери, спрашивала дѣвушка, стыдливо улыбаясь и не замѣчая ея грустныхъ глазъ.

«Мы будемъ очень, очень счастливы. Завтра онъ пріѣдетъ просить у тебя моей руки, и объ одномъ прошу тебя, мамочка, не откладывая на-долго нашу свадьбу. Мнѣ такъ хочется быть всегда съ нимъ, не расставаясь ни на одну минутку. Мы такъ весело и уютно устроимъ нашу жизнь въ полку, и ты будешь къ намъ пріѣзжать.» И не дожидаясь отвѣта — Таня отдалась грезамъ...

Безмолвная и неподвижная слушала Софья Александровна жестокая, такія безпощадная, для нея рѣчи «своей дѣвочки». Какой далекой и чужой явилась вдругъ «новая Таня», такъ легко, и даже радостно, уходящая изъ родного гнѣзда и отъ той, съ которой безмятежно прожила свою молодую жизнь... Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, и горькія слезы скатились медленно по щекамъ...

Тихо теплилась въ углу лампадка, въ саду щелкалъ соловей, сквозь полуоткрытое окно струился запахъ сирени...

Мирно дышала грудь, сладко улыбавшейся во снѣ, Тани.

Софья Александровна лежала съ открытыми глазами и покорно ждала удѣла старѣющей женщины — одиночества...

Свадьба была назначена въ октябрѣ.

Талызинъ скоро уѣхалъ въ полкъ, а для Софьи Александровны и Тани начались приготовленія къ приданому.

То и дѣло привозились изъ города картонки съ ворохомъ батиста, кружевъ, лентъ. Портниха съ дѣловымъ видомъ совѣщалась то съ Софьей Александровной,

то съ Таней. Въ домѣ царилъ тотъ, милый сердцу каждой женщины, беспорядокъ, который и наклонѣнъ лѣтъ вспоминается особенно трогательно и нѣжно...

Больше всего заботъ и споровъ доставляло подвѣчное платье. Танѣ его хотѣлось имѣть «особеннымъ» — какъ ни одно другое. Софья Александровна совѣтовала сдѣлать совѣтъ гладкое; портниха обиженно увѣряла, что гладкое придасть, и безъ того тоненькой, Танѣ ненужную худобу и просила положиться на ея умѣнье и вкусъ. —

Безъ жениха Таня будто не замѣчала ни окружавшей ее привычной обстановки, ни прелести лѣта и природы. Все, что раньше такъ естественно наполняло и украшало жизнь — знакомые, прогулки, книги, пикники — куда то отошло, потеряло всякій смыслъ и цѣну. По привычкѣ ласковая съ матерью, она разсѣянна и невнимательно, часто невпопадъ, отвѣчала Софьѣ Александровнѣ, всѣми мыслями и чувствами принадлежа одному, сейчасъ далекому, Талызину. Между молодыми людьми шла правильная переписка, и только видъ почтальона и письма приводили ее въ радостное оживленіе.

Софья Александровна создавала себѣ болѣе, чѣмъ нужно, работы и хлопотъ, чаще увѣждала, долго не возвращалась, лишь бы поменьше быть съ Таней и не выдать ей своего душевнаго состоянія. Не одно нежеланіе огорчить свою любимицу, но и другое, болѣе сложное чувство оскорбленной материнской гордости, заставляло ее казаться довольной и спокойной въ то время, какъ въ душѣ ея звучало — «лишняя, лишняя.»

Послѣ вѣнца молодые увѣждали въ Крымъ. —

Какъ въ туманѣ проплыла передъ Софьей Александровной прозрачная и воздушная, подъ длинной фатой, съ букетомъ бѣлыхъ розъ — Таня... Какъ будто издалека принеслось стройное пѣніе — «Исаія ликуй»... Неестест-

венно улыбаясь, со слезами въ сердцѣ, выслушивала она шумныя поздравленія... Растерянная, сама себѣ жалкая, кивала она съ другими, стоящимъ у открытаго окна, наполненнаго роскошными цвѣтами кушѣ — новобрачнымъ и, шатаясь, одинокая, среди толпы провожающихъ, уходила съ вдругъ опустѣвшаго унылаго дебаркадера...

Для Софьи Александровны потянулись безконечные, тоскливые дни. Недавнее, такое полное, оборвалось. Искать новое, могущее хоть немного возмѣстить ушедшее — было бессмысленно. — Она жила безъ времени, свѣта, интересовъ... Отъ Тани прилетали письма, какъ отголосокъ яркаго, солнечнаго счастья. Въ нихъ было все, онѣ были полны — но не для Софьи Александровны. Ее любили, помнили, но жизнь ея, была лишь «для нея». Прежняя Таня ушла. На ея мѣсто явилась новая, все такая же любимая, но далеко отъ нея строившая свою полную, сильную жизнь, гдѣ для Софьи Александровны, сейчасъ, мѣста не было.

Полкъ принялъ Таню, какъ долгожданную гостью. Женатыхъ офицеровъ обыкновенно въ кавалерійскихъ полкахъ было немного, и Таню баловали наперерывъ. Талызина товарищи любили, а для молоденькой жены его создавали одно удовольствіе за другимъ. — Душею всѣхъ баловъ была Таня, пикники, любительскіе спектакли, устраивались для нея. Влюбленные другъ въ друга Талызины такъ рѣдко оставались одни, что о матери Таня думала мало, хотя писала ей аккуратно. —

На первый день Рождества въ полковомъ собраніи устраивалась елка. Въ сочельникъ, неожиданно для Тани, пришла изъ Петербурга посылка. — При видѣ ея любимыхъ сластей, и даже рябчиковъ, (рѣдкости для Польши гдѣ стоялъ полкъ), такъ заботливо уложенныхъ любящей рукой, обрадованная Таня вдругъ смутилась. Въ ней заговорило неловкое чувство непонятной вины,

и вернувшийся изъ эскадрона Талызинъ удивился ея провинившемуся виду...

»Что съ тобой, моя хорошая?» спросилъ онъ съ безпокойствомъ. —

«Ничего, ничего, Володя. Я просто такъ обрадовалась маминой посылкѣ. Подумай, она вспомнила даже о моихъ любимыхъ рябчикахъ. Добрая, милая мама.»

«Пойдемъ, Танюша, скорѣй обѣдать.» заторопилъ жену Талызинъ. —

«Мнѣ нужно еще замянуть въ эскадронъ и кое что купить,» — многозначительно прибавилъ онъ, лукаво взглянувъ на молодую женщину.

«Надо, все успѣть до всенощной, вѣдь ты у меня, строгая, не любишь опаздывать въ церковь»...

Полковое собраніе было залито огнями. Къ дому, гдѣ оно помѣщалось, то и дѣло подѣзжали полковые и городскіе экипажи и сани съ нарядными дамами и барышнями. Старые и молодые офицеры, блестящіе, ловкіе, въ гусарской формѣ — собрались въ ожиданіи гостей. Хозяинъ собранія, распорядительный, бѣлокурый офицеръ, встрѣчалъ приглашенныхъ у входа въ гостиную, озабоченно давая быстрыя указанія двумъ, вытянувшимся въ струнку у дверей, гусарамъ. Въ ожиданіи елки старшая полковая дама, жена сѣдоусаго полковника, занимала разговоромъ вновь прибывающихъ. Изъ сосѣдней комнаты мягко неся упоительный вальсъ прекрасныхъ трубачей. —

Изящная, хорошенькая Таня, очаровательная въ розовомъ платьѣ, съ ниткой жемчуга на стройной, смуглой шейкѣ, выдѣлялась, даже среди красивыхъ женскихъ лицъ, своею прелестью и оживленіемъ. Молодые офицеры наперерывъ ухаживали за ней, стараясь угадать малѣйшее желаніе, а старые открыто любовались. — Наконецъ, дверь въ залу распахнулась, и богато раз-

украшенная, точно серебрянная, елка — засверкала множеством огней. Засвѣтились такіе же огоньки и во всѣхъ глазахъ, запахло смолистой елью, и сразу стало жарко. Въ душѣ Тани при видѣ елки что-то дрогнуло, сердце защемило и, несмотря на общее веселье, чего-то, и кого то, стало жаль... Но это было лишь мгновеніе. Опять смотрѣли на нее любимые, дорогіе глаза, кругомъ слышалась веселая рѣчь, и, положивъ руку на плечо ожидавшаго ее кавалера, она плавно понеслась по залу...

Великимъ постомъ, Таня, подавшись обманчивой ранней веснѣ, простудилась и уже нѣсколько дней лежала въ постели. Талызинъ такъ встревожился, такъ внимательно ухаживалъ за ней, былъ такъ милъ и не-ловокъ въ роли сидѣлки, что ей было, даже пріятно, немножко похворать и посидѣть дома.

Хорошо было по вечерамъ, въ голубомъ будуарѣ, при мягкомъ свѣтѣ лампы, лежать на положеніи больной и слушать рассказъ или чтеніе, сидящаго рядомъ, въ низкомъ, удобномъ креслѣ. Володи. Ей такъ нравились эти вечера вдвоемъ, что уже съ утра она ждала ихъ съ нетерпѣніемъ. —

«Танюша, сегодня вечеромъ намъ не придется почитать,» сообщилъ Талызинъ, заходя домой въ перерывѣ между занятіями.

«Рѣшено устроить проводы Горину сегодня, такъ какъ послѣ завтра пріѣзжаетъ начальникъ дивизіи. — Ты ужъ поскучай немножко сегодня одна, засни пораньше». —

«Какъ жаль, Володя, — а я такъ радовалась,» жалобно протянула Таня. —

«Ну ничего, это небольшое горе,» шутливо отвѣтилъ Талызинъ, поцѣловавъ жену, и торопливо пристегивая саблю.

«Я еще забѣгу передъ собраніемъ.» уже изъ передней крикнулъ онъ.

Вечеръ тянулся долго. Таня пробовала читать, но книга показалась скучной. Попробовала заснуть, но не спалось. Было лишь десять часовъ, а раньше двѣнадцати Талызинъ вернуться не могъ. Въ квартирѣ было тихо, лишь равномѣрно тикали часы, и Танѣ становилось жутко и тоскливо. Монотонно и гулко пробили въ столовой часы одиннадцать, потомъ двѣнадцать...

Таня все не спала, прислушивалась... Грустные мысли ползли со всѣхъ сторонъ, ей стало жаль себя, и вдругъ, неожиданно всхлинувъ, она, по дѣтски, заплакала. Горькія слезы текли неудержимо и падали на подушку, сердце билось и рвалось куда-то. Ясно представилась ей любящая и добрая мать. Такъ сильно вдругъ потянуло Таню къ ней, такъ страстно захотѣлось почувствовать знакомый запахъ ея свѣжихъ, милыхъ рукъ, услышать ласковый, тихій голосъ...

«Мама, мамочка», громко простонала она и — остановилась... Казалось, звукъ собственнаго голоса пробудилъ ее отъ долгаго сна...

Она увидѣла Софью Александровну, тамъ, далеко, въ ихъ милой квартирѣ на Моховой, гдѣ столько было пережито хорошаго и беззаботнаго, гдѣ обѣ онѣ жили такъ мирно и дружно, и гдѣ теперь ея мама совсѣмъ одна, какъ сейчасъ тутъ и она, Таня, слушаетъ въ безмолвной тишинѣ комнаты, лишь тиканіе часовъ... И уже другія слезы, слезы раскаянія, глубокой нѣжности и жалости къ покинутой, молчаливо страдающей матери, брызнули изъ ея глазъ...

Когда, гораздо позже, чѣмъ онъ предполагалъ, возбужденный отъ выпитаго вина и прощальныхъ тостовъ. Талызинъ вошелъ въ спальню, онъ очень удивился, заставъ Таню не спящей, съ заплаканнымъ лицомъ.

«Танюша, радость моя, ты на меня сердиться, или у тебя чтонибудь болит?» — спрашивалъ онъ, бросаясь къ ней и цѣлуя мокрые глаза. —

«Нѣтъ, Володя, я на тебя не сержусь, и совсѣмъ здорова, но мнѣ такъ грустно безъ мамы и такъ захотѣлось къ ней,» сказала Таня, и опять губы ея дрогнули, и на глаза навернулись слезы.

«Я такъ давно ее не видала. Прощу тебя, Володя, возьми отпускъ и поѣдемъ къ ней, или отпусти меня одну...»

«Не плачь, моя Танюша, я все сдѣлаю, какъ ты хочешь,» отвѣтилъ Талызинъ и, обнявъ жену, притянулъ къ себѣ...

Безотрадная для Софьи Александровны зима окончилась. Повѣяло весной, и надо было подумать о переездѣ на дачу. Машинально, какъ и все, что она теперь дѣлала, собиралась Софья Александровна на Сиверскую. Отъ Тани она получала милыя письма съ обѣщаніемъ пріѣхать къ ней лѣтомъ, но, помня отсутствующее, безразличное состояніе дочери, когда она осталась безъ жениха, не ждала особенной радости отъ этого пріѣзда.

«Ей будетъ скучно у меня, вѣдь Володя не получитъ отпуска», думала Софья Александровна. «А видѣть ее тоскующей, и не знать, чѣмъ помочь — такъ тяжело.»

Какъ то разъ, придя отъ обѣдни, уже передъ самымъ переездомъ, старая горничная, Агаша, подала ей голубой конвертъ со знакомымъ почеркомъ. Спокойно распечатала Софья Александровна письмо и принялась читать. По мѣрѣ чтенія, спокойствіе на ея лицѣ уступало мѣсто внутреннему волненію, розовыя пятна появились на поблекшихъ щекахъ, а потухшіе, все еще прекрасные, глаза засвѣтились тихимъ свѣтомъ...

«Моя дорогая мамуленька.» писала Таня, «я так по тебе соскучилась, так мнѣ тебя не достаетъ, что не дожидаясь лѣта, когда полкъ уйдетъ на маневры, я просила Володю отвезти меня къ тебѣ въ маѣ, и мы съ тобой по старому проведемъ все лѣто...» Софья Александровна глубоко вздохнула, схватила рукою за сердце и заплакала счастливыми слезами...

Старая ворчунья Агаша не узнавала своей помолодѣвшей барыни, которая, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Агаша къ ней поступила, весело и торопливо принялась за сборы къ Сиверской.

«Ужъ не пойму я васъ, барыня, съ чего это у васъ все такъ загорѣлось?» ворчала она, едва поспѣвая исполнять приказанія Софьи Александровны. —

«Жили мы тихо, смирно, все какъ Богъ велѣлъ, и вотъ, пожалуйста: скорѣй, скорѣй, а куда скорѣй то? Вѣдь только май на дворѣ. Все лѣто впереди, — успѣете нагуляться, еще соскучитесь по городу.» —

«Агаша, да пойми ты, что Таня приѣзжаетъ. Вѣдь надо переѣхать, все устроить, протопить хорошенько комнаты» — приводила ей доводы барыня.

«Да когда она приѣдетъ-то, стрекоза наша? Мало ли что писать можно?» нарочно разочаровывала она Софью Александровну, радуясь въ душѣ, но боясь обмануться въ ожиданіи, и въ то же время, торопясь съ укладкой.

Опять развернулъ свои чары прилетѣвшій май. Лиловымъ моремъ разлилась по застѣнчивымъ кустамъ пышная сирень. Золотыми звѣздами замерцали по зеленому лугу желтые одуванчики. Зацелкалъ на зоряхъ сладкій соловей. Отъ бѣлыхъ принарядившихся березокъ запахло распутившимися почками.

Какъ влюбленная дѣвочка, готовилась Софья Александровна къ приѣзду Тани. На балконѣ, въ гостиной,

спальнѣ, всюду красовались въ хрустальныхъ вазахъ пахучіе букеты сирени и свѣжихъ, еще росистыхъ, ландышей. — Чуть не въ сотый разъ обходила Софья Александровна всѣ комнаты и садъ, наводя порядокъ и поглядывая украдкой на, бѣлѣющую между густыми зелеными, дорогу къ станціи. Напрасно старалась она унять холодными руками расходившееся сердце... —

Агаша, въ накрахмаленномъ чепчикѣ и фартукѣ, тоже поминутно смотрѣла, не покажется ли завѣтная коляска? Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, обѣ женщины не услышали, какъ кто-то подѣхалъ, какъ чьи-то быстрые, легкіе шаги бѣжали по дорожкѣ и, лишь войдя на балконъ, Софья Александровна увидала, уже по ступенькамъ несущуюся къ ней прежнюю, тоненькую Таню, со взволнованнымъ личикомъ и горящими глазами...

«Мамочка.»

«Таня.»

И быстрымъ движеніемъ охвативъ шею матери, Таня, плача и смѣясь, прижалась къ ея сладко замиравшей груди...

Горячо молилась въ этотъ вечеръ Софья Александровна. Безмолвствовала бѣлая ночь, — до утра было еще далеко.

Въ душѣ Софьи Александровны занялась и расцвѣла новая заря — озарившая тихимъ свѣтомъ ея надвигающуюся старость....

II.

Гнѣдая тройка неслась по проселочной дорогѣ. Молодцеватый кучеръ съ трудомъ сдерживалъ горячаго коренника, за которымъ едва поспѣвали скачущія пристяжныя. Справа и слѣва поднималась уже высокая рожь, изъ которой, то и дѣло выпархивали, взвивались съ серебристой пѣснею и пропадали въ голубой выси жаворонки.

Въ низкой коляскѣ, покачиваясь на мягкихъ подушкахъ, сидѣли, близко касаясь другъ друга, молодая женщина и среднихъ лѣтъ, худощавый господинъ. На небольшой головкѣ съ пышными каштановыми волосами, кокетливо сидѣла кругленькая соломенная шляпка, а изъ подъ густой вуали, тщательно защищавшей отъ загара, задорно блестѣли синіе, съ длинными рѣсницами глаза, и виднѣлся прелестный ротикъ. Легкое англійское пальто строго застегивалось у самаго подбородка; будто желая охранить отъ малѣйшей пылинки. Весь элегантнѣйшій и изящнѣйшій видъ молодой женщины выдавалъ въ ней столичную жительницу. Временами, приносившій душистую волну, теплый вѣтерокъ пріятно обвѣвалъ лицо, которое она, закрывши глаза, съ наслажденіемъ ему подставляла. —

«Сергѣй Михайловичъ, еще далеко?» капризно спросила, у своего молчаливаго до сихъ поръ спутника, дама.

«Версты полторы. А что? Уже надоѣло, Ольга Сергѣевна?» — насмѣшливо произнесъ тотъ.

«Не очень, а просто хочется скорѣе увидеть вашу хваленую усадьбу, которая, по вашимъ словамъ, такъ необыкновенно хороша во время цвѣтенія сирени.» тѣмъ же тономъ продолжала она. «Я боюсь, что будетъ поздно, солнце теперь садится довольно рано, а хочется погулять, пока не темно. Возвращаться, какъ никакъ, придется ночью.»

«А вамъ это неприятно?» уже серьезнѣе сказалъ господинъ, вопросительно на нее посмотрѣвъ и, не получивъ отвѣта, сталъ спокойно закуривать папиросу. —

«Какой упорный, равнодушный, и какъ онъ мнѣ нравится», произнесла про себя молодая женщина, урядкой разглядывая своего сосѣда, и рѣшила, будто впервые увидавъ его: «красивъ, очень красивъ».

Съ прямымъ носомъ, близорукими карими глазами, казавшимися въ ринсе-пезъ больше, и остроконечной бородкой, загорѣвшаго, съ густымъ румянцемъ и правильно очерченнымъ ртомъ, его, дѣйствительно, можно было назвать красивымъ. —

«А вотъ сейчасъ и Привольное увидимъ», — неожиданно отозвался кучеръ.

«Только на гору взлетимъ. — Ну, вы, милтыя,» лихо закричалъ онъ, пуская вскачь рѣзвую, вѣмыленную тройку. . . .

Шесть лѣтъ тому назадъ Ольга Сергѣевна вышла замужъ за Николая Николаевича Неволина, офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ, по пылкой, взаимной любви. Семейная идиллія продолжалась недолго, и быстро пришедшая любовь, также быстро и прошла. Молодые супруги, безъ особенныхъ страданій, съ этимъ примирились и зажили каждый своею жизнью. Мужъ любилъ общество товарищей и веселыхъ дамъ, а жена

искала забвенія въ легкихъ увлеченіяхъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ. Четырехлѣтняя дочь, Ниночка, занимала мать дѣтскимъ лепетомъ, а воспитаніе ея было возложено на француженку, М-ше Marie, прекрасно болтавшую на чистомъ французскомъ языкѣ, и отлично рекомендованную одной изъ пріятельницъ Ольги Сергѣевны. Избалованная, молодая женщина познакомилась зимой, на одномъ изъ скучныхъ вечеровъ у своей тетушки, съ Сергѣемъ Михайловичемъ Варгунинымъ, пріѣхавшимъ освѣжиться въ Петербургъ послѣ деревни, гдѣ онъ хозяйничалъ и служилъ по выборамъ. Потерявъ весной молодую жену, онъ прожилъ безвыѣздно все время въ своей усадьбѣ и, лишь уступивъ просьбамъ сестры, занимавшейся воспитаніемъ маленькаго сына, рѣшилъ отвлечься отъ тяжелыхъ воспоминаній и встряхнуться. На Ольгу Сергѣевну Варгунинъ сразу произвелъ сильное впечатлѣніе своею внѣшностью, и, увѣренная въ быстрой побѣдѣ, она была неприятно удивлена его равнодушіемъ и сдержанностью. Варгунинъ, еще не оправившійся отъ понесенной утраты, нашелъ молодую женщину хорошенькой, но пустой и, несмотря на ея явное вниманіе и нѣкоторое кокетство, оставался безучастнымъ. Это еще болѣе раздражало Ольгу Сергѣевну, и она рѣшилась, во что бы то ни стало, его покорить. Но какъ? Варгунинъ уже давно былъ у себя въ деревнѣ, и она не надѣялась его скоро увидеть. Неожиданный случай помогъ ей. Ниночка захворала маляріей, особенно опасной во время Петербургской весны, и докторъ усиленно совѣтовалъ перемѣнить климатъ. Институтская подруга, Талочка, по мужу Скарятинъ, оказалась сосѣдкой по имѣнію Варгунина, узнавъ изъ письма Ольги Сергѣевны о предписаніи доктора, взволновалась и стала усиленно звать «дорогую Олю съ ея ангелочкомъ, Ниночкой», немедленно пріѣхать въ Воскресенское, гдѣ, здоровый воз-

духъ, густыя сливки и свѣжія яйца, быстро поправятъ дѣвочку, а обѣ подружки вспомнятъ на свободѣ свое институтское время. — Неволина, неособенно встревоженная нездоровьемъ дочери, но обрадованная возможностью осуществить свой планъ, энергично ухватилась за эту мысль, и черезъ недѣлю, скорый поѣздъ Николаевской желѣзной дороги — уносилъ, еще похорошѣвшую, въ «простомъ» дорожномъ костюмѣ, Ольгу Сергѣевну, больную Ниночку и Mlle Marie, а. пришедшіе проводить и выразить сочувствіе, друзья и знакомые были неожиданно удивлены безчисленному количеству картонокъ, чемоданчиковъ и баульчиковъ. (уже не говоря о большомъ багажѣ), съ которыми горничная Саша едва размѣстилась въ сосѣднемъ вагонѣ. —

Послѣ радостной и даже трогательной встрѣчи, съ объятіями, восклицаніями и слезами, подружки, всласть наговорившись о милымъ институтѣ, стали отводить душу, горько жалуясь на разочарованіе, неудовлетворенность, непонятость, утѣшаясь надеждой встрѣтить, наконецъ, того, кто пойметъ и оцѣнитъ ихъ истрадавшіеся сердца. Когда же выяснилось, что Ольга Сергѣевна уже нашла «родную душу», и что это никто иной, какъ недавно овдовѣвшій и все еще не забывшій жену интересный Варгунинъ, Талочка развеселилась и рѣшила помочь «столько пережившей Олечкѣ.» —

Кудрявое, усадьба Варгунина, лежало въ пяти верстахъ отъ Воскресенскаго, гдѣ, въ старинномъ барскомъ домѣ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ и англійскимъ паркомъ, жили построянно молодые Скарятинны. Часто приглашая грустящаго сосѣда и изобрѣтая все новые предлоги, вѣрная подруга, чуть не ежедневно, устраивала встрѣчи, которая мало по малу увлекли сдержаннаго Варгунина, и Ольга Сергѣевна стала дразнить его воображеніе. Неволина, хорошо изучившая

мужчинъ, на этотъ разъ ошиблась, принимая за равнодушнѣе сдержанность и, не ожидая близкой побѣды, а наоборотъ, сама все больше поддаваясь новому чувству; терялась, нервничала и капризничала.

Стоялъ май, все кругомъ цвѣло, и Варгунинъ, много разъ съ увлеченіемъ говорившій о Привольномъ, гдѣ онъ родился, выросъ, и куда лишь на лѣто пріѣзжала его мать, предложилъ молодой женщинѣ посмотреть на него во всей красѣ — когда цвѣтеть сирень...

Съ горы неожиданно открывались, уходящія въ даль, волнистыя поля, среди которыхъ вилась узкая дорога. На лѣвой сторонѣ раскинулось небольшое село со скромной церковкой, на правой, по высокой горкѣ спускалось свѣтлое Привольное. Горделиво возвышался бѣлый, съ колоннами, домъ, точно любуясь разросшимся передъ нимъ садомъ и радуясь сплошному морю, окружавшей его со всѣхъ сторонъ, сирени.

«Какъ красиво,» искренно вырвалось у Ольги Сергѣевны, дѣйствительно пораженной растилавшейся картиной.

«Подождите, вы увидите какъ необыкновенно хорошо видъ съ терассы», отвѣтилъ Варгунинъ, и она уловила въ его голосѣ непривычную теплоту. Коляска, миновавъ садъ, уже въѣзжала на широкій, покрытый муравкой дворъ, гдѣ; заслышавши еще издали бубенчики, ихъ встрѣтили конторщикъ и кучеръ.

«Здравствуйте батюшка, Сергѣй Михайловичъ — давненько васъ ожидаемъ... Наконецъ то пожаловали. Совсѣмъ забыли усадьбу нашу. — А теперь самая тутъ благодать — вишь, какъ сирень то разбушевалась...» низко кланяясь и перебивая другъ дружку, привѣтствовали барина плутоватый конторщикъ и сухой, старый кучеръ.»

«Здравствуйте, здравствуйте. Марьясь, ну, какъ, тебя ноги еще носить?» шутил Варгунинъ надъ старымъ кучеромъ, который помнилъ его еще мальчикомъ. «А лошади какъ? Застоялись небось?»

«И, что вы баринъ, да развѣ можно? Каждый день помаленько проѣзжаю, только худя чего то стали? Трофимычъ скупо овесъ отпускаетъ», не преминулъ пожаловаться, привыкшій къ шуткамъ, старикъ.

«Ну, а у тебя, Трофимычъ, все благополучно?»

«Все, слава Богу», бросая любопытные взгляды, на стоящую рядомъ, улыбающуюся незнакомую барыню, спокойно отвѣдилъ конторщикъ. —

«Такъ вотъ что. Приказки Дарьѣ приготовить намъ ужинъ, да поторопи. — Ольга Сергѣевна, вы любите спаржу? Привольное славится ею!» — и на ея утвердительный кивокъ продолжалъ: «спаржи, да побольше, и затѣмъ все остальное. Дарья уже сама знаетъ. И столъ пусть накретъ на открытомъ балконѣ. Я хочу барынѣ показать нашъ садъ.» прибавилъ, будто не замѣчая ихъ любопытства, Варгунинъ и, обратясь къ Невוליной: «Пойдемте, Ольга Сергѣевна, я поведу васъ на самыя красивыя мѣста,» направился съ ней къ высокимъ зеленѣющимъ деревьямъ. — «Поглядите на эти старыя липы», оживленно говорилъ Варгунинъ, идя съ молодой женщиной по широкой, тѣнистой аллеѣ, куда, сквозь молодую листву, проникали лучи, еще высоко стоявшаго солнца. «Лѣтомъ, когда зелень гуще, тутъ, въ самый сильный зной всегда прохладно. Въ дѣтствѣ она мнѣ казалась такой страшной» — просто продолжалъ онъ; точно радуясь возможности подѣлиться далекими воспоминаніями; «я боялся одинъ по ней бѣгать...»

Неволина отъ его задушевнаго голоса становилась мягкой и, съ видимымъ удовольствіемъ, слушала.

«А вотъ начинается нашъ старыи фруктовый садъ. Какъ хороше онъ, когда яблони въ цвѣту,» увлекаясь, рассказывалъ онъ дальше, замѣтивъ, что это ей нравится. — Липовая аллея кончалась, и по, поросшей высокой травой, полянѣ стояли разбросанными большія, вѣтвистыя яблони.

«Да, хорошо тутъ,» сказала наконецъ и Ольга Сергѣевна. «Посидимте прямо на травѣ,» и она опустилась подъ старой яблоней, указывая Варгунину мѣсто рядомъ.

Въ Привольномъ, гдѣ Сергѣи Михайловичъ явился ей совсѣмъ новымъ, и Ольга Сергѣевна почувствовала себя иной, кокетство само собою исчезло и глаза, обыкновенно задорные, стали задумчивыми и мечтательными. Варгунинъ это почувствовалъ и, взявъ ея руку — повернулъ къ себѣ и поцѣловалъ въ розовую ладонь.

«А вы, все таки хорошая, добрая, и не такой, какъ я думалъ, мотылекъ», — вдругъ медленно проговорилъ онъ, взглянувъ на нее и цѣлуя опять руку. Ольга Сергѣевна вздрогнула и густо покраснѣла. — Поцѣлуй руки ее странно взволновалъ и обрадовалъ, а мнѣніе о ней, какъ о мотылькѣ, задѣло за живое. Она выдернула руку и живо возразила:

«Какой вы медвѣдь. Совсѣмъ отучились въ вашей деревнѣ различать подъ свѣтской оболочкой, настоящее — отъ необходимаго, чего требуетъ свѣтъ.»

«Ну не сердитесь. Я такъ радъ что ошибался въ васъ,» ласково поймавъ опять ея руку и прижимаясь къ ней щекой, примирительно попросилъ онъ.

«Нѣтъ, положительно я веду себя, какъ дѣвочка», опять вспыхнувъ отъ этой новой ласки, пронеслось въ головѣ молодой женщины, но и эта мысль не могла остановить новаго прилива радости, отъ чего то большого, счастливаго, такъ непохожаго на прежнія увлеченія, что подступило къ самому сердцу. —

«Ну, довольно сидѣть, уже становится свѣжо,» чтобы какъ нибудь скрыть волненіе, торопливо сказала она и, быстро поднявшись на ноги, пошла впередъ.

Бросая прощальные лучи, солнце, золотымъ шаромъ, будто уходило въ землю. Большое, деревенское стадо, рассыпавшись, торопилось домой. Съ луговъ возвращались мужики въ телѣгахъ со свѣже-скошенной травой. Надъ селомъ, то тутъ, то тамъ поднялся дымокъ, и стоялъ гамъ отъ блеянія овецъ и крика, загонявшихъ скотину, бабъ. Ольга Сергѣевна и Варгунинъ, обойдя всю усадьбу, поднимались по старымъ, шаткимъ ступенькамъ. — Поднявшись на послѣднюю, и выйдя на огромный балконъ, Неволіна, скорѣе равнодушная къ природѣ, громко вскрикнула; такъ далеко была она отъ того, что увидела. — Четыре бѣлыя колонны поддерживали легкій мезонинъ, съ горѣвшими на заходящемъ солнцѣ окнами. Бѣлая, отъ времени кое гдѣ почернѣвшая, балюстрада, окаймляла, словно ограждая отъ буйно растущей сирени, жимолости и жасмина, балконъ, напоминающій палубу парохода. Кругомъ и внизу, опускаясь до большой аллеи, лежалъ роскошный лиловый коверъ, уже отцвѣтающей, сирени...

Вся даль съ окрестностями была какъ на ладони, а надъ головой стоялъ сводъ высокаго неба...

«Замѣчательно, что за видъ.» восхищенно повторила Ольга Сергѣевна. — «А сирень, сирень. И сколько ее!»

«Вотъ видите, а вы не хотѣли вѣрить!» — торжествовалъ Варгунинъ. «Молодецъ Дарья, у тебя уже все готово! здравствуй,» весело поздоровался онъ съ появившейся круглолицей бабой, которая несла блюдо со спаржей и, поставивъ его на покрытый бѣлый скатертью столъ, гдѣ уже стояли молоко, редиска, масло и нарѣзанный большими ломтями хлѣбъ, почтительно поклонилась.

«Здравствуйте, баринъ. — здравствуйте, барыня. Отвѣдайте нашей спаржи. Масло тоже свѣжее. Вчера, лишь, сбѣла.» принялась угощать, словоохотливая и обрадованная случаю поговорить съ господами, Дарья. «А барыня то, видно, нездѣшная?» вполголоса обратилась она къ Варгунину, подавая ему кринку съ молокомъ.

«Нездѣшная.»

«То то, сразу видать. А не знаете баринъ — скоро прѣдутъ Анна Васильевна?» —

«А ты, небось, соскучилась?»

«Да какже не соскучиться? Вѣдь столько лѣтъ я уже при домѣ то? Вы молоденькимъ были, какъ я на усалдбу ходить стала. А съ тѣхъ поръ, какъ мужъ померъ, такъ каждое лѣто при барынь,» пустилась въ разговоры Дарья. —

«Послушай, Дарьюшка, мы съ Ольгой Сергѣевной пройдемъ послѣ ужина въ залу и гостинную; что у тебя комнаты въ порядкѣ?»

«Все прибрано, Сергѣй Михайловичъ, какже. Я всеі то думала, не прѣхали бы Анна Васильевна поньче раньше? Все прибрала, пойду только лампы заправлю.» — Деревенскій ужинъ вдвоемъ, далеко отъ всѣхъ, среди людей и обстановки, знавшихъ и видавшихъ Варгунина еще ребенкомъ — казался Невוליной особенно милымъ, а самъ Варгунинъ сталъ ей вдругъ совсѣмъ близкимъ и дорогимъ. Весело и непринужденно говорили они, съ аппетитомъ пробуя и находя превосходнымъ все, что Дарья такъ вкусно приготовила, не замѣчая надвигавшейся темноты . . . »

«Сергѣй Михайловичъ, становится темно. — пора ѣхать,» съ сожалѣніемъ произнесла молодая женщина, лишь теперь замѣтивъ, что солнце сѣло, и кругомъ все померкло. —

«Пройдемте въ гостинную, мнѣ хочется показать вамъ, хоть при огнѣ, мою любимую комнату,» предложилъ Варгуниинъ и вошелъ съ ней въ широко открытую, изъ глубоко глядѣвшей гостинной, дверь. Слабо освѣщенные, стоявшей передъ стариннымъ диваномъ лампой, глядѣли со стѣны старые портреты, а на столѣ, въ круглой рамкѣ, улыбалась молодая мать Варгунина, въ высокой, съ локонами прическѣ и широкомъ платьѣ, держа на рукахъ хоршенькаго, въ бархатной курточкѣ, мальчика.

«Такъ вотъ какимъ вы были», улыбнулась, разглядывая карточку, Ольга Сергѣевна.

«Да, а видите какимъ сталъ,» ей въ тонъ отвѣтилъ онъ и тоже засмѣялся. «Сядемте въ уголкѣ, посмотримъ старые альбомы,» попросилъ Варгуниинъ, наклоняясь и тоже смстря черезъ ея плечо на себя, «маленькаго».

Молодая женщина чувствовала его дыханіе, а кончикомъ усовъ онъ задѣлъ ее нечаянно по щекѣ... Она сдѣлала безотчѣтное движеніе, чтобы отодвинуться, но вмѣсто этого, помимо воли, прикоснулась къ его рукѣ и, не помня какъ, вдругъ очутилась въ сильныхъ объятіяхъ, а близко передъ собой увидала измѣнившееся лицо Варгунина, покрывавшаго поцѣлуями ея губы, глаза, шею... Одно мгновеніе она хотѣла его оттолкнуть, но это было лишь мгновеніемъ. Безъ разсужденія, силъ, не принадлежа больше себѣ, она закрыла глаза и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, тѣсно прижалась къ нему...

Въ Воскресенскомъ уже всѣ спали, когда подѣхала коляска, и Сергѣй Михайловичъ помогъ выйти утомленной Ольгѣ Сергѣевнѣ. Дорбогой они оба молчали, но Варгуниинъ нѣсколько разъ, молча, притягивалъ ее къ себѣ и неслышно цѣловалъ; и каждый разъ, сладкая истома охватывала молодую женщину... Тихонько поднявшись въ свою комнату, она раздѣлась, но не легла, а долго, сидя передъ зеркаломъ, разсматривала свое лицо.

Оно ей казалось новымъ, такъ необычны были, ушедшія въ глубь и чему то загадочно улыбавшіеся, глаза. Начинало свѣтать, когда Неволіна, поблѣднѣвшая, все съ той же улыбкой, стала засыпать...

Варгунинъ возвращался домой, не переставая ощущать близость молодой женщины. Онъ не могъ вполнѣ разобраться въ своихъ чувствахъ, но сознавалъ, что къ ней влекла его, главнымъ образомъ, страсть, къ которой теперь примѣшивалась и нѣкоторая нѣжность. Сравнить это чувство съ тѣмъ, которое онъ уже испыталъ къ своей покойной женѣ, и которое онъ считалъ любовью, онъ не пытался, да и не задумывался надъ этимъ вопросомъ. — Сейчасъ ему было хорошо. — Лошади, почуявъ близость дома, чаще фыркали и неслись быстрее. Въ стоявшей тишинѣ, лишь изрѣдка слышался крикъ незнакомой птицы и звукъ ударявшейся подковы одной изъ пристяжныхъ. Ночной воздухъ, будто, опьянѣлъ отъ крѣпкаго запаха душистыхъ полевыхъ травъ. Варгунинъ широко вздохнулъ, закрылъ глаза и опять увидалъ трепещущія губы, затуманенный взоръ и всю ее, гибкую, тянущуюся къ нему.

Наступила уже пора сѣнокоса, а Ольга Сергѣевна, пріѣхавшая сюда на полтора мѣсяца, боялась думать о скоромъ отъѣздѣ въ Петергофъ, гдѣ Неволіны проводили каждое лѣто, и гдѣ у нихъ была собственная дача. Ниночка поправилась и оставаться ради нея у гостепріимныхъ Скарятиныхъ, не было причины. Уѣхать же, и не видѣть больше Варгунина, казалось ей невыносимымъ. Она была имъ такъ полна, а страсть къ нему — такой властной, что безъ его любви — жизнь ей не представлялась возможной. Каждое свиданіе, маленькая ласка, дѣлали ее счастливой. — Наталья Петровна, по институтскому Талочка, посвященная во всѣ переживанія своего друга, съ одной стороны радовалась за Ольгу Сер-

гѣвну, а съ другой, не зная, какова будетъ развязка, не предвидѣла ничего хорошаго. Никогда не подозрѣвая, что игривая, свѣтская Оля способна на такое, какъ она думала, глубокое чувство, она рисовала себѣ будущее въ мрачныхъ краскахъ, ни секунды не сомнѣваясь, что послѣ счастливой семейной жизни, любящей деревню, Варгунинъ не женится на избалованной, и при-выкшей къ свѣту, Ольгѣ.

На тѣнистой, густо обросшей повеликой и дикимъ виноградомъ терассѣ, за послѣобѣденнымъ чаемъ, со слобными лепешками, вареньемъ, а въ этотъ день и первую земляникой, сидѣли подруги и собирались съ Ниночкой и М-ле Marie ѣхать на скошенный, близъ Кудряваго, лугъ. Наталья Петровна допивала свою чашку, когда послышался стукъ колесъ, и длинная долгуша, запряженная парю сытыхъ сѣрыхъ лошадей, объѣхавъ большую клумбу, остановилась передъ домомъ. Ниночка захлопала въ ладоши, М-ле Marie засуетилась, а высокій, съ окладистой черной бородой, Иванъ появился съ пальто и зонтиками, ожидая, когда господа усядутся.

«Барыня, можно и мнѣ на лугъ?» подбѣжавъ, попросилась, повязанная по деревенски платочкомъ, франтоватая Саша. «Такъ хочется побывать на сѣнокосѣ.»

«Хочешь вспомнить свою деревню, Саша? — Талочка можно ей съ нами?»

«Конечно, садись, Саша, рядомъ съ барышней.» Наконецъ всѣ разсѣлись, зонтики раскрылись, и лошади, къ немалой радости Ниночки, тронулись мелкой рысью.

«Увижу я его или нѣтъ? Вѣдь онъ знаетъ, что мы сегодня сюда собираемся?» задавала себѣ нѣсколько разъ одинъ и тотъ же вопросъ Ольга Сергѣевна и, подбѣжавъ, съ волненіемъ посмотрѣла на лугъ, пестрѣвшій красными сарафанами, ворошившихъ сѣно бабъ. Лошади остановились, Ниночка съ Сашей побѣжала къ

копнамъ, а молодыя женщины медленно направились къ работницамъ, весело встряхивающимъ вилами и граблями свѣжее сѣно. Звонко разносились женскій смѣхъ и говоръ. Бойко здоровались и говорили бабы съ проходившими барынями. Вдали бѣлѣли рубахи, ровно нагибающихся, косцовъ, и доносился звенящій звукъ оттачиваемой косы. «А вѣдь намъ скоро придется уѣзжать», неожиданно проговорила Ольга Сергѣевна и замолчала. Наталья Петровна удивленно взглянула на нее.

«Отчего ты теперь объ этомъ вдругъ вспомнила?»

«Оттого, что эта мысль мучаетъ меня уже нѣсколько дней, а въ эту минуту, я особенно ясно почувствовала, какъ ужасно будетъ мнѣ очутиться далеко отсюда, въ моей прежней обстановкѣ,» грустно проговорила она. «Вотъ сейчасъ я жду его» — продолжала Ольга Сергѣевна тише, «и знаю, что если онъ не приѣдетъ, весь вечеръ будетъ для меня потерянь. Я положительно страдаю, если хоть одинъ день проходитъ безъ него,» явно волнуясь, произнесла она, и легкая тѣнь страданія прошла по ея лицу.

«Оля, милая,» начала было утѣшать ее Наталья Петровна, но, взглянувъ на взволнованное лицо подруги, умолкла.

«Талочка, скажи, что мнѣ дѣлать, какъ быть дальше?» опять заговорила Ольга Сергѣевна, и въ голосѣ у нея зазвенѣли слезы. Наталья Петровна искренно хотѣлось утѣшить своего друга, помочь ей, но, видя ея горе, она уже винила въ этомъ, отчасти, себя и боялась что либо совѣтовать.

«Оля, дорогая, ты должна сегодня же поговорить со всемъ съ Сергѣемъ Михайловичемъ,» отвѣтила она; «узнать, какъ смотритъ онъ на ваши отношенія? — И не думай ты, ради Бога, объ отъѣздѣ,» уже шутливо сердясь, прибавила она дальше. «Мы такъ рады, что ты у насъ.

Николай Николаевичъ, повидимому, тоже ничего не имѣеть противъ этого.» Ольга Сергѣевна слабо усмѣхнулась.

«Ну, о немъ говорить не приходится. Талочка, какая ты добрая, хорошая,» тепло произнесла она, благодарно на нее взглянувъ.

«А вотъ, кажись, и баринъ изъ Кудряваго» послышался, среди говора, смѣха и шутокъ, голосъ одной бабы.

«И впрямь онъ,» засмѣялась другая. Обѣ женщины быстро обернулись и увидали Варгунина, верхомъ, на рыжей, шедшей плавной рысью, лошади. Онъ ѣхаль по лугу, прямо къ нимъ, и уже совсѣмъ близко, сразу сдержалъ лошадь, улыбнулся и весело поздоровался. —

«Вы уже давно тутъ?» спросилъ онъ. «А я никакъ не могъ раньше выбраться; пришелъ староста, привезли изъ города почту. За то теперь я освободился на весь вечеръ,» и прищуривъ каріе глаза: «Богъ въ помощь, красавицы» крикнулъ, глядѣвшимъ и потталкивающимъ другъ дружку, бабамъ. Въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ, мужественный, загорѣлый, — Варгунинъ казался еще болѣе смуглымъ и даже суровымъ, но улыбка придавала ему мягкое выраженіе. Онъ пристально взглянулъ на, всплывшую и радостно смотрѣвшую на него, Ольгу Сергѣевну и отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ.

«Мы побудемъ еще тутъ. Такъ славно пахнетъ сѣномъ. Вы пойдете съ нами, Сергѣй Михайловичъ,» спросила Наталья Петровна, невольно любуясь, какъ всадникомъ, такъ и породистой, нервной лошадыю, нетерпѣливо переступающей на мѣстѣ и дергающей тонкой, съ красивымъ умнымъ глазомъ — головой.

«Я поѣду рядомъ съ вами. Цесаревна не будетъ спокойно стоять, она боится мухъ,» отвѣтилъ онъ, заста-

вляя итти лошадь шагомъ. «Ольга Сергѣевна, отчего вы сегодня такъ молчаливы?» наклоняясь, спросилъ Варгунинъ у молчавшей Невониной. «Вы не въ духѣ?»

«Нѣтъ» медленно протянула она и подняла на него глаза.

«Случилось что нибудь?», уже серьезнѣе переспросилъ онъ и, не найдя въ ея взглядѣ недавной радости, нахмурился. «Такъ что же произошло?» обратился онъ уже съ недоумѣніемъ къ Натальѣ Петровнѣ.»

«Просто Оля разнервничалась... Она вамъ дома сама расскажетъ, вечеромъ,» смущенно пояснила Талочка, желая ему дать понять, что причина есть, и что это касается и его. —

«А все таки уже пора. Для Ниночки будетъ поздно», спохватилась Ольга Сергѣевна, когда дѣвочка, вся раскраснѣвшись, подбѣжала къ матери. «Саша, Mlle Marie, домой!» позвала она, съ увлеченіемъ помогавшую бабамъ горничную и гувернантку, снисходительно смотрѣвшую, какъ работаютъ «des babas russes».

«Нѣтъ, я не въ силахъ уѣхать», думала Ольга Сергѣевна, глядя на ѣхавшаго рядомъ Варгунина; «но я должна сегодня же узнать, какъ онъ отнесется къ моему отъѣзду», рѣшила она. Ровно катилась долгуша, дѣвочка задремала у Саши на рукахъ. Наталья Петровна перекидывалась незначительными словами съ Варгунинымъ, который, изрѣдка, вопросительно взглядывалъ на затихшую Невонину.

Лаской и тепломъ вѣяло отъ іюньской ночи. Въ полѣ перекликались перепела. На скамейкѣ, въ отдаленной части сада, сидѣли Ольга Сергѣевна и Варгунинъ. Онъ держалъ ея горячую руку въ своей и, приблизивъ лицо, старался въ темнотѣ разглядѣть ея глаза. «Ольга, дорогая, что съ тобой?» спросилъ онъ въ третій разъ безмолвную молодую женщину. «Ну скажи же наконецъ»,

уже настойчиво повторилъ онъ и привлекъ ее совѣмъ къ себѣ, а губами прикоснулся къ полуоткрытой шеѣ. — Она вздрогнула и наклонила голову.

«Ахъ Сергѣй, все такъ сложно, что я право не знаю, какъ тебѣ объяснить», начала она и остановилась.

«Ты получила неприятныя вѣсти?» уже нетерпѣливо продолжалъ онъ.

«Нѣтъ милый, все это не то», живо возразила она и, даже, усмѣхнулась. «Какъ далека ты, однако, отъ того, что я чувствую», промелькнуло у нея въ головѣ. — «Сергѣй, скажи, ты дѣйствительно меня искренно, сильно любишь?» — «особеннымъ» — какъ вдругъ показалось Варгунину, голосомъ проговорила Ольга Сергѣевна и, освободившись изъ его объятій, повернула къ нему свое лицо, а обѣ руки положила на его плечи. —

«Что за вопросъ? И почему ты объ этомъ вдругъ спрашиваешь?» смѣшавшись, самъ не понимая почему, тихо спросилъ Варгунинъ.

«А потому, что все это должно кончиться», сказала она, и въ голосѣ ея послышались слезы.

«Почему скоро?» — опять чувствуя неловкость, также тихо спросилъ онъ. —

«А потому, что я должна, когда нибудь, уѣхать, и тогда, само собой, всему будетъ конецъ,» уже раздражаясь, отвѣтила Неволина и остановилась, смутно ожидая чего то и надѣясь услышать отъ него то, что сразу разсѣетъ ея тяжелыя мысли. —

«Ольга», помолчавъ, нерѣшительно произнесъ Варгунинъ и опять смутился; «не рѣшай ничего, предоставь все времени, я тебя люблю, ты это знаешь, и объ отъѣздѣ твоёмъ мы оба и не задумывались, пока...» —

«Какъ хорошо, что я съ нимъ не говорила такъ, какъ съ Талочкой», почему то подумала Ольга Сергѣевна.

«Объ одномъ прошу тебя, Ольга, не торжнись уѣзжать» — уже оправившись отъ смутнаго, непріятнаго чувства, продолжалъ тверже Варгунинъ, и притянувъ ее къ себѣ, — добавилъ:

«Я, какъ-то, не представляю себѣ Воскресенскаго безъ тебя.»

Ольга Сергѣевна ничего не отвѣтила, но въ первый разъ, послѣ того памятнаго вечера въ Привольномъ, у нея шевельнулось къ Варгунину чувство горечи, а жизнь показалась не такой, какъ въ эти послѣднія недѣли.—

Талочка не могла добиться отъ Ольги, чѣмъ окончилось объясненіе между нею и Сергѣемъ Михайловичемъ, но по печальному лицу своего друга увидала, что она была права, и что его увлеченіе оставалось лишь увлеченіемъ, а у Ольги перешло въ настоящее чувство.

Послѣ разговора, Сергѣй Михайловичъ впервые задумался надъ своими отношеніями къ Неволіной. Онъ прекрасно видѣлъ, что молодая женщина его полюбила, но — поскольку серьезно могло быть, вообще, ея чувство, рѣшить не могъ. Самъ сильно любящій своего сына, онъ не разъ удивлялся полному, на его взглядъ, отсутствію материнской любви у Ольги Сергѣевны, и маленькая Ниночка, всецѣло отданная попеченіямъ болтливой, пустой француженки, внушала ему искреннюю жалость. Слово «женитьба» никогда не приходило ему въ голову, такъ какъ одна мысль объ этомъ показалась бы ему оскорбленіемъ памяти покойной жены, которой онъ, въ порывѣ отчаянія, обѣщаль не давать мачехи ихъ ребенка. Увлеченіе Ольгой Сергѣевной оказалось сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и когда она сама подняла вопросъ объ отъѣздѣ, Варгунинъ ощутилъ даже нѣкоторую боль. Онъ рѣшилъ уговорить ее остаться у Скарятинныхъ до осени, въ душѣ однако сознавая, что не совсѣмъ правъ.

Въ Воскресенскомъ ждали гостей. Наталья Петровна была именинницей, и въ этотъ день, съ тѣхъ поръ, какъ Скарятинъ привезъ молодую жену, каждый годъ собирались сосѣди къ пирогу и оставались на весь день. Въ просторной, бѣлой спальнѣ, за туалетнымъ столомъ, съ дорогимъ серебрянымъ приборомъ и всевозможными флаконами, коробочками, передъ овальнымъ зеркаломъ, сидѣла Наталья Петровна и прикалывала свои волнистые, бѣлокурые волосы. Непохожая на остальные, эта комната, со свѣтлой, низкой мебелью, бѣлой лампой подъ кружевнымъ абажуромъ, большимъ, во всю комнату, мягкимъ ковромъ и душистыми, въ вазахъ, цвѣтами, прекрасно гармонировала съ хозяйкой, пышной блондинкой, бѣлой, розовой, съ голубыми, слегка выпуклыми, глазами.

«Талочка, можно?» раздалось за дверью, и въ комнату, не ожидая отвѣта, вся въ бѣломъ, впрорхнула Ольга Сергѣевна. — «Талочка дорогая! Поздравляю тебя и желаю тебѣ всего, всего хорошаго», сказала она и крѣпко ее поцѣловала. «Какая ты сегодня интересная! И какое хорошенькое платье.» прибавила она, оглядывая подругу.

«Ну, а ты Оля, сама прелесть,» — искренно отвѣтила Скарятинна и съ нескрываемымъ удовольствіемъ посмотрѣла на гибкую, стройную Неволину.

«А гдѣ же Алексѣй Алексѣвичъ? Неужели и сегодня въ полѣ?»

«Нѣтъ, не въ полѣ, а пошелъ на гумно осматривать новую молотилку. — Онъ не можетъ не пойти по хозяйству, это уже его болѣзнь,» — шутливо серьезно произнесла Наталья Петровна.

«Да, можетъ это и правда», улыбнувшись, согласилась Ольга Сергѣевна, — «но ты, Талочка для него одна, а за это можно со многимъ примириться,» съ легкимъ вздохомъ прибавила она. — «Ты готова? пойдѣмъ внизъ.»

«Минуточку, еще остались только руки,» и Наталья Петровна взяла пилочку.

«Ну, тогда еще можно посидѣть,» замѣтила Ольга, опускаясь въ кресло. — «Талочка у меня сегодня такое особенное настроеніе, праздничное.» —

«Да оно теперь у тебя всегда праздничное», размѣялась Наталья Петровна.

«Нѣтъ, ты не думай, я себя держу въ рукахъ, не допускаю грустныхъ мыслей. Помнишь, тогда, послѣ нашего разговора на сѣнокошѣ, я тебѣ не все сказала?»

«Да, я знаю, что ты отъ меня что то скрыла, и что то, для тебя неприятное.»

«Нѣтъ, не только неприятное. Варгунинъ мнѣ сдѣлалъ больно, очень больно, и я рѣшила не задумываться надъ будущимъ, а брать отъ жизни то, что она мнѣ даетъ. И сказавъ это себѣ — совсѣмъ перемѣнилась.» «Ну, положимъ, не перемѣнилась», лукаво протянула Талочка. «Я вѣдь вижу, какъ ты его ждешь, и совсѣмъ не представляю себѣ тебя — въ Петербургѣ.»

«Да, это правда, но, «пока», я объ этомъ не думаю, хотя осталось уже такъ мало времени. Даже Коля «будто» соскучился по мнѣ...» насмѣшливо прибавила она. «Но сегодня, никакихъ неприятныхъ разговоровъ, мыслей...» И Ольга Сергѣевна легко вскочила и подошла къ раскрытому окну. «А вотъ и Алексѣй Алексѣвичъ,» сказала она, кивая головой, вышедшему изъ темной аллеи и идущему среди клумбъ, съ пестрыми георгинами, душистымъ табакомъ и какими то яркими цвѣтами, высокому Скарятину.

«Готовы, наконецъ? — сейчасъ гости будутъ,» снизу крикнулъ онъ, увидя въ окно Ольгу Сергѣевну и, подождавшую къ ней, жену. —

«Сейчасъ идемъ» — отвѣтили онѣ сверху и вышли изъ комнаты.

«Ну, и жарко же сегодня,» снявъ панаму и вытирая влажный лобъ, говорилъ Скарятинъ, входя въ портретную, куда спустились молодыя женщины. «Ухъ, какъ вы обѣ хороши,» смѣясь, прибавилъ онъ сочнымъ голосомъ и, нагнувшись, поцѣловаль руку у Ольги Сергѣевны и у жены.

«А знаешь, Алеша? ты сегодня тоже очень, очень милъ,» кокетливо замѣтила Наталья Петровна, окидывая глазами плотную, въ свѣтломъ англійскомъ костюмѣ, фигуру и бритое добродушное лицо мужа. «Неправда ли, Оля?»

«Онъ всегда милъ, но таковъ ужъ законъ. Мы никогда не бываемъ довольны нашими мужьями,» пошутила Ольга Сергѣевна, по привычкѣ впадая, говоря съ мужчинами, въ слегка игривый тонъ.

«Польщенъ и тронуть,» опять цѣлуя ея руку, съ притворнымъ паѳосомъ воскликнулъ Скарятинъ и предложилъ обѣимъ дамамъ руку «Ну, а теперь направимте наши стопы въ храмъ наслажденія.»

«Ахъ, Алеша, ты неисправимъ» простонала Наталья Петровна. «Храмъ — гдѣ ѣда. Какая проза.»

«Талочка, не сердись. — Вкусно поѣсть — это одно изъ высшихъ наслажденій нашего брэннаго существованія.»

«Ну, перестань Алеша. И о хозяйствѣ сегодня за обѣдомъ, ни гу-гу,» погрозила она мужу пальчикомъ. —

Въ огромной столовой, со стариннымъ буфетомъ и рядами такихъ же стульевъ по стѣнамъ и вокругъ длиннаго стола — все было готово. Свѣжестью вѣяло отъ фарфора и бѣлоснѣжной скатерти, хрусталь и серебро блестяли, а на самой серединѣ, — огнемъ горѣли ярко красныя свѣты. Строгий, торжественный Иванъ и ловкая, опытная Саша хлопотали у закусочнаго столика.

«Иванъ, а вѣдь, пожалуй, можно и остальные закуски принести? Уже скоро часъ. Пора, пора», обратился, осмотрѣвъ съ видомъ знатока и оставшись всѣмъ довольный, Скарятинъ къ Ивану, внимательно слѣдившимъ за лицомъ барина. —

«Талочка, Алексѣй Алексѣевичъ пойдите скорѣе. Кажется, кто то уже ѣдетъ.» вдругъ заторопила, все время поглядывавшая въ окно, Ольга Сергѣевна и поспѣшила, увлекая за собой Скарятиныхъ, на балконъ. —

Издали заливались бубенчики, но Неволина, хорошо изучившая густой, дружный звонъ Варгуниновскихъ лошадей, сразу увидала, что это не онъ. — Поднимая по дорогѣ облака пыли, мчалась вороная тройка и черезъ минуту, щегольская коляска съ черноусымъ кучеромъ, въ желтой рубахѣ и плисовой безрукавкѣ, въѣхала въ усадьбу. —

«А, Сашокъ», весело закричалъ Скарятинъ, мѣшкомъ сидѣвшему, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, пухлому господину, когда лошади, однимъ духомъ облетѣвъ зеленую лужайку, сразу стали, и онъ, пыхтя и отдуваясь, выходилъ изъ экипажа.

«Ну, и пылице же сегодня», жаловался Горевъ; ближайшій сосѣдъ Скарятиныхъ, войдя на балконъ и снимая широкій полотняный балахонъ. «Стыдно въ такомъ видѣ и именинницѣ показаться.» продолжалъ онъ, вытирая круглое, съ мясистымъ носомъ лицо и подходя къ Натальѣ Петровнѣ. «Поздравляю васъ, Наталья Петровна, съ днемъ вашего ангела, а васъ, Ольга Сергѣевна, и тебя, Алексѣй Алексѣевичъ, съ дорогой именинницей. Батюшки мои. Счастливецъ ты. Живешь среди такихъ двухъ ангеловъ,» не отрывая глазъ отъ молодыхъ женщинъ и сладко, какъ котъ, жмурясь, неожиданно высокимъ голосомъ воскликнулъ онъ. «А вы все дальше хо-

рошѣте. Ольга Сергѣевна. Пожалѣйте же насъ, бѣдныхъ. Убѣдете и позабудете о насъ, покинутыхъ.»

«А можетъ и не позабуду?» начала было Неволіна, какъ вдругъ налетѣлъ звукъ новыхъ колокольчиковъ, и вдали, по дорогѣ показалась пыль....

Оживленный шумный обѣдъ подходилъ къ концу. То вспыхивая, то хмурия тонкія брови, слушала Ольга Сергѣевна сидѣвшаго рядомъ Варгунина, и неуловимое кокетство и задоръ опять звучали въ ея легкихъ рѣчахъ, а глаза свѣтились то загадочно, то ясно. Сергѣй Михайловичъ тоже чувствовалъ себя не, какъ всегда. Выпитое-ли вино, общее-ли настроеніе, близость ли сверкавшей оживленіемъ, обворожительной, любившей его молодой женщины — вліяло на него такъ? Но все ему казалось прсто, увлеченіе Ольгой Сергѣевной настоящимъ чувствомъ, а будущее — возможнымъ, лишь, съ ней...

Когда они, съ игравшимъ въ тонкихъ бокалахъ холоднымъ шампанскимъ, подошли среди другихъ гостей поздравить именинницу, Ольга поцѣловала ее гораздо крѣпче, а онъ задержалъ въ своей — руку Натальи Петровны дольше. Скарятина внимательно взглянула на обоихъ.

Зной быстро спалъ. Съ вечернимъ воздухомъ слился весь сильный аромать осеннихъ травъ. Безмолвно — величавые стояли темно-зеленые дубы; бѣлѣли, перешептываясь, березы.... Окутанная мягкимъ сумракомъ, сидѣла неподвижно на скамьѣ Ольга Сергѣевна, а передъ ней, на колѣняхъ, обвивъ рукою вздрагивавшій станъ, стоялъ Варгунинъ — и молча, долго, цѣловалъ ея опущенныя руки...

«Ольга, ты моя? Тебя не страшитъ длинная осень и суровая зима въ моемъ закинутомъ Кудрявомъ?...»

Неволіна молчала. Тихо шелестѣлъ кругомъ старый паркъ...

«Ольга . . . » — повторялъ Варгунинь. «Дорогая . . . »

На другой день солнце стояло совѣсьмъ надъ головой, когда Саша подняла темныя шторы, и Ольга Сергѣевна медленно и молчаливо стала одѣваться. — Также медленно, когда солнце кидало свои косые лучи на расчищенные дорожки парка, проходили по нимъ обѣ молодыя женщины. Талочка слушала своего друга, слѣдя за падающими, пожелтѣвшими листьями пригорюнившихся березъ. — Оля рисовала ей свое будущее счастье съ Сергѣемъ, такъ близко отъ нея, въ Кудрявомъ, когда въ темные осенніе вечера, онѣ будутъ вмѣстѣ, какъ въ институтѣ, повѣрять одна другой свои радости и горести, а зимой, въ снѣжную вьюгу и лютой морозъ, грѣться у камина и смотрѣть на бѣгающій по раскаленнымъ уголькамъ синій огонекъ, подъ дружескую бесѣду ихъ мужей... Натальѣ Петровнѣ такъ хотѣлось вѣрить этому, но въ воображеніи ея вставала изящная свѣтская Оля — не въ тихомъ, одиноко стоявшемъ, среди унылыхъ, плачущихъ полей — Кудрявомъ, а въ мягкой, тонущей, среди шелка и ковровъ, гостинной или, въ залитомъ огнями — блистающемъ, холодномъ залѣ . . .

Какъ прорвавшійся бурный потокъ, смела, казалось, новая страсть все то, что составляло у Варгунина основу его жизни. Обольстительная, будто лишь теперь появившаяся, Ольга позвала его, и онъ покорно послѣдовалъ за ней. Еще такъ недавно, недопускающій мысли о женитьбѣ, вообще, а на Неволіной, особенно, Сергѣй Михайловичъ говорилъ о ней съ молодой женщиной, какъ о рѣшенной, и весь вопросъ былъ лишь во времени. Стояло бабье лѣто, когда густо синее небо особенно высоко, прозрачный воздухъ чистъ и свѣжъ, а легкія, бѣлыя нити летать и исчезаютъ въ дрожащей голубой лазури. Бросивъ поводья, медленно ѣхаль Варгунинь на своей легкой Цесаревнѣ и задумчивымъ взглядомъ обво-

диль покоившіеся родныя поля. Увѣренностью и твердостью дышали его мужественныя черты, а рука ласково трепала шелковистую шею любимой лошади. Какъ эти широкія поля, лежало передъ нимъ и его широкое, безбрежное счастье, и чувство неожиданной силы росло и крѣпло въ его освободившейся груди.

Сѣрая, дождливая осень рѣшила, наконецъ, вступить въ свои права. Низкія, мутныя тучи мчались надъ сразу почернѣвшей землей, косой дождь съ утра бился о стекла, и капли, непрерывно, одна за другой, катились и разсыпались по заплаканнымъ окнамъ. Не вѣрилось, что еще наканунѣ свѣтило спокойно солнце, и высоко стояло синее небо. Въ просторныхъ комнатахъ Воскресенскаго стало холодно и неудобно. Привыкшая къ деревнѣ во всякое время года, Талочка подтрунивала надъ приунывшей и забнувшей подругой.

«Какая же ты деревенская жительница; то ли еще бываетъ? Это только начало», смѣялась она, глядя, на кутавшуюся въ пуховой платокъ, Ольгу. —

Къ вечеру въ домѣ стало теплѣе, зажглись лампы, и, приѣхавшій уже въ сумерки, Варгунинь нашель Ольгу Сергѣевну, какъ всегда, любящей и радостной. — Дольше обыкновеннаго сидѣли всѣ въ этотъ вечеръ, послѣ ужина, въ угловой. Для всѣхъ было ясно — что пришла неизбежная осень. Мужчинъ ждала охота, земскія дѣла. Талочка собиралась на ноябрь въ Москву. Ольга Сергѣевна съ Варгунинымъ рѣшили, что настало время покинуть ей деревню, вернуться въ Петербургъ и, въ ожиданіи его приѣзда — готовить разводъ.

Грустно смотрѣла Ольга Сергѣевна въ окно на убѣгавшія поля, деревни, рощи. Чернѣвшая равнина все дальше растилалась, унылыя мелькали станціи, дождь сѣялъ безъ конца. Темнѣло... Притихла Ниночка; въ углу дремала M-He Marie.

Передъ Невוליной, съ тоской во взорѣ, Варгунинъ стоялъ, не уходилъ . . . Въ ухахъ ея все также звучали прощальныя его слова. Кругомъ стояла темнота, лишь поѣздъ несея въ даль, и съ нимъ неслись, въ такую жъ даль, надежды и мечты задумчивой Ольги Сергѣевны . . .

Когда скорый поѣздъ подошелъ къ перрону, и Ольга Сергѣевна, выйдя изъ вагона, мило здоровалась со встрѣтившимъ ея мужемъ, а выросшая Ниночка, узнавъ палу, весело щебетала, — шесть мѣсяцевъ, отдѣлявшіе Неволину отъ того момента, когда она отсюда уѣзжала, показались ей мгновениемъ. А когда, послѣ долгаго пути и неудобствъ дороги, она вошла въ свою прекрасную квартиру и, взявъ ванну, въ халатикѣ, сѣла въ будуарѣ, у топившагося камина, и все та же быстрая Аннушка подала ей крѣпкое кофе съ густыми сливками и любимымъ горячимъ калачемъ, молодой женщиной почувдилось, что она, даже, не уѣзжала. Воскресенское, Кудрявое, Талочка и Варгунинъ — стали на мигъ далекими, разсѣялись, какъ дымъ.

Гнилая, желтая Петербургская погода вліяла угнетающе. Чиновники, желтые, нахмуренные, въ калошахъ, съ зонтиками, торопились въ свои департаменты, извозчики, съ поднятыми верхами, въ клеенчатыхъ накидкахъ, плелись по грязнымъ улицамъ, взирая безнадежно на, тщетно старавшихся убрать неприглядную мостовую, дворниковъ, ломовые съ руганью хлестали артачившихся лошадей.

Ольга Сергѣевна сидѣла у своего письменнаго столика и въ длинномъ посланіи описывала Варгунину свое настроеніе. Яркія картины промелькнувшаго лѣта, чарующій май и тотъ незабываемый вечеръ въ Привольномъ, вставали передъ ней. Ей такъ страстно хотѣлось почувствовать Варгунина около себя, такъ тоскливо и одиноко было на душѣ. Говорить съ мужемъ о разводѣ

— случая еще не представилось. Сразу, по приѣздѣ, поднять этотъ вопросъ было неудобно, а черезъ недѣлю Неволинъ неожиданно былъ командированъ на югъ по какому то неинтересующему ее дѣлу, и эта неопредѣленность дѣйствовала на нервы. Бѣольшая часть знакомыхъ еще не съѣхалась, сезонъ лишь начинался, новыхъ пьесъ въ театрахъ не давалось. Ниночка была здорова, французенкой Ольга Сергѣевна довольна. Жизнь проходила скучно.

Лишь проводивъ Неволину, почувствовалъ Варгунинъ, какое мѣсто заняла она въ его жизни, но дѣятельный по природѣ и строгій къ себѣ и своимъ обязанностямъ, онъ не поддавался тоскѣ, а съ бѣольшимъ рвеніемъ занялся хозяйствомъ, службой, отдавая часы досуга сыну и своей давнишней страсти — охотѣ. Частыя письма Ольги Сергѣевны приносили ему радость, а ея жалобы, на тоску по немъ и одиночество, укрѣпляло его вѣру къ ней. Служебныя и матеріальныя дѣла складывались такъ, что въ Петербургѣ Варгунинъ могъ уѣхать только въ январѣ.

«Ольга Сергѣевна, вы непременно должны участвовать въ нашемъ благотворительномъ спектаклѣ», уговаривалъ молодую женщину, въ одну изъ «ея» средъ, Диди Сумской, — извѣстный театраль, скакунъ, болтунъ, а въ скверныхъ случаяхъ, даже, и поэтъ. «Вы созданы для главной роли, и безъ васъ придется отказаться отъ этой благой мысли», картавя и неудачно изображая отчаяніе на безбровномъ, безцвѣтномъ лицѣ, продолжалъ онъ. «Сколькимъ несчастнымъ, покинутымъ дѣтямъ вы можете помочь. Вы сами мать и не откажитесь отъ этой цѣли».

Ольга Сергѣевна, рѣшившая, въ виду предстоявшей въ ея жизни перемѣны поменьше выѣзжать и показы-

ваться въ свѣтѣ, на этотъ разъ не сочла себя въ правѣ отказать и дала согласіе.

Репетиціи и роль такъ ее увлекли, что письма въ Кудрявомъ получались рѣже, и Варгунинъ, пробывшій на земскомъ съѣздѣ цѣлую недѣлю, очень удивился, найдя по возвращеніи лишь нѣсколько поверхностныхъ строкъ, въ которыхъ Ольга Сергѣевна ему сообщала о своемъ участіи въ спектаклѣ въ пользу бѣдныхъ. Непереносившаго вообще такого рода благотворительность, Сергѣя Михайловича отъ этого извѣстія покоробило, но еще болѣе неприятно поразила небрежность молодой женщины къ нему. —

Спектакль приближался, Неволинъ вернулся въ Петербургъ, но Ольга Сергѣевна была такъ занята и озабочена, а всякія волненія могли такъ скверно отразиться на ея игрѣ, что поднимать сейчасъ вопросъ развода было неумно, да и къ тому же, нельзя было, не подготовивши, огорчать, если и безупречнаго, то все-таки внимательнаго, супруга и разбивать среди зимы давно налаженную жизнь. Она ждала Варгунина, какъ раньше, но надо было покончить съ разъ взятой на себя задачей и выйти изъ нея съ триумфомъ. Обо всѣхъ этихъ соображеніяхъ Ольга Сергѣевна, наконецъ, подробно написала Сергѣю Михайловичу, вполне увѣренная, что онъ ее одобритъ и пойметъ, и хотя отвѣтъ еще полученъ не былъ, она на этотъ счетъ не безпокоилась и ждала съ тревогой лишь шестое декабря, когда «ихъ милый свѣтъ» ее оцѣнитъ въ новой роли.

Свѣтъ не могъ не оцѣнить «очаровательную, несравненную Ольгу Сергѣевну.»

«Сколько граціи и тонкаго кокетства въ ея неподражаемой игрѣ. Какой огонь! Нѣтъ, она положительно талантъ. А какъ хороша!» — раздавалось со всѣхъ сто-

ронъ, когда занавѣсъ опустился, и довольная, нарядная публика, терпѣливо ожидая, когда заснувшіе на козлахъ Кузьмы и Василии подадутъ, наконецъ, захоладавшія кареты, ужъ далеко за полночь стала развѣзжаться.

Упоенная своимъ выдающимся успѣхомъ, среди благоухающихъ трофеевъ, дорогихъ цвѣтовъ, сидѣла Ольга Сергѣевна за письмомъ въ Кудрявое. — «Она горда и счастлива не только за себя, но и за него, любимаго Сергѣя. — Ея триумфъ не можетъ не польстить его мужскому самолюбію. Но какъ она страдаетъ, и какъ ей грустно, что онъ такъ далеко и не видалъ ея вчера, въ такой прекрасной роли!» — торопилась она обрадовать Варгунина, запечатывая продолговатый, раздушенный конвертъ.

Необозримой пеленой покрылись молчалия поля. Въ бѣлыхъ сугробахъ потонуло неслышное Кудрявое. Откинувшись на креслѣ, сидѣлъ Варгунинъ передъ письменнымъ столомъ. Отъ позабытой папиросы тонкой струйкой ползъ дымокъ, весь низкій, длинный кабинетъ глядѣлъ угрюмо, и только лампа, спокойно освѣщая исписанныя мелкимъ почеркомъ листки, бросала свѣтъ на нахмуренный лобъ и крѣпко сжатія губы, глядѣвшаго въ пространство Сергѣя Михайловича. Угасать ужъ стала лампа, когда онъ поднялся и медленно, не глядя, взявъ листки, одинъ, вслѣдъ за другимъ, спокойно разорвалъ и кинулъ на тлѣвшіе въ каминѣ угольки...

Ольга Сергѣевна такъ и не дождалась Варгунина. На письма ея отвѣта тоже не было. Онъ умолкъ. Теряясь въ догадкахъ, она пространно описала все Талочкѣ, прося скорѣе разрѣшить ея томительное ожиданіе. — Нескоро откликнулась и Талочка. Кратко, и какъ показалось Ольгѣ — даже нѣсколько сухо, сообщала она своей подругѣ, что Варгунинъ былъ въ Воскресенскомъ лишь одинъ разъ, на Рождество, и такъ странно себя

держалъ, ни разу не упомянувъ ни объ Олѣ, ни о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, что оба они, какъ Алексѣй Алексѣевичъ, такъ и она, не рѣшились его объ этомъ спрашивать. Въ заключеніе Талочка совѣтовала Олѣ не грустить, такъ какъ жизни въ деревнѣ, хотя и съ любимымъ мужемъ, она, въ концѣ концовъ, не вынесла бы.

Цѣлую недѣлю пролежала Ольга Сергѣевна въ своей полутемной спальнѣ. Много разъ принималась она горько плакать и сѣтовать на суроваго, равнодушнаго, такъ мало ее любившаго и не желавшаго понять свѣтскихъ обязанностей, Варгунина. — Но вѣчнаго горя не бываетъ, и, посѣтившіе въ среду Ольгу Сергѣевну, знакомые и поклонники нашли, немного поблѣднѣвшую, молодую женщину еще интереснѣе и похорошѣвшей. —

Былъ май. Курьерскій поѣздъ подошелъ къ Лугѣ. У открытаго окна вагона перваго класса стояла Ольга Сергѣевна и съ любопытствомъ оглядывала ѣдущихъ, какъ и она, за границу пассажировъ. Элегантная публика медленно прохаживалась передъ вагонами. Въ преддверіи бѣлой ночи, стоялъ такой же блѣдный вечеръ. Грустныя сосны и тонкія березы вырисовывались въ майскихъ сумеркахъ. Въ воздухѣ пахло распустившимися почками. — Молодая женщина незамѣтно и беззаботно вдыхала весенній ароматъ, какъ вдругъ, неожиданно донесшійся, острый, сладкій запахъ зацвѣтающей сирени, ядовитой струей пронизалъ ее всю, и тихая щемящая боль надвинулась издалека... Ольга Сергѣевна вздрогнула, закрыла глаза и опустилась на диванъ... Свѣтлое Приволье и тотъ тихій вечеръ встали ярко передъ ней. Низко склонила она голову, легкая тѣнь страданія пробѣжала по всегда задорному личику, и маленькія слезинки, задрожавъ на ея глазахъ, быстро упали съ пушистыхъ рѣсницъ....

Въ Привольномъ также буйно зацвѣла сирень, и также страстно щелкала въ ея густыхъ кустахъ влюбленный соловей. —

Но, кромѣ Трофимыча и стараго Маркела, нѣкому было смотрѣть на «эту благодать». —

«И барина то, чтой то не видать», вздыхалъ старикъ.

Одна, лишь дура, Дарья божилась и клялась, что намедни, поутру, она увидѣла, какъ баринъ, подѣхавъ къ самому балкону, вдругъ повернулъ и ускакалъ на быстрой Цесаревнѣ.

Сказка.

«Няня, нянечка, расскажи мнѣ сказку», просить, лежа въ своей бѣлой кроваткѣ, подъ мягкимъ голубымъ одѣяльцемъ, съ туго заплетенными на ночь косичками, шестилѣтняя Муся.

«Спи, Мусенька, спи. Я тебѣ буду рассказывать, а ты закрой глазки, да спи. Мама разсердится, если услышитъ, что ты еще не спишь.»

«Ну нянечка, начинай же про сѣраго волка и юнаго царевича.»

«Опять про него? Ну, хорошо.»

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ царь съ молодой царицей,» начинаетъ, сидя у самой кровати, тихимъ, журчащимъ голосомъ сѣденькая няня, съ добрыми, изъ глубины ласково глядящими, глазами.

«Няня, а царевичъ не боялся волка? Онъ его не могъ съѣсть?»

«И, что ты, касаточка? Царевичъ былъ добрый, а добраго и волкъ жалѣеть.» Маленькое сердечко дѣвочки успокаивается; ей такъ хочется, чтобы царевичу было хорошо. Она смотритъ уже полузакрытыми глазами на сморщенное нянино лицо, которое дѣлается все меньше, ея убаюкивающій голосъ слышится все тише. Чуть-чуть еще свѣтится золотой огонекъ лампадки, которую няня

каждое утро зажигаетъ передъ Добраю Богородицею, съ Маленькимъ Мальчикомъ на рукахъ.

«Няня, а для чего зажигаешь ты лампадочку, когда свѣтло?» — хочется знать Мусѣ.

«А для того, солнышко мое, чтобы Божія Матерь лучше видѣла, какъ ты себя ведешь. Слушаешь ли маму, папу? Если ты дѣвочка послушная, Она тебѣ вечеромъ посылаетъ Ангела Хранителя, чтобы Онъ тебя ночью охранялъ.» И каждый вечеръ спрашиваетъ Мусю няню, прилетитъ ли сегодня сторожить ее бѣлый, съ легкими крыльями, Ангелъ?»

Все также продолжаетъ няня свою сказку, и когда дѣвочка, не шевелясь, ровно начинаетъ дышать, старушка, низко наклонившись и ее перекрестивъ, удаляется тихо, точно тѣнь.

«Знаешь, Надя, мнѣ отчего то страшно дѣлается за Мусю? Ужъ очень она кроткая, и глаза у нея мечтательные, не по ея годамъ.» — часто говорилъ Андрей Петровичъ Курындинъ своей женѣ. «Сравни ты ее съ другими дѣтьми, ну, хотя бы, съ нашимъ Жоржикомъ. Когда ему было шесть лѣтъ, какимъ онъ былъ буяномъ. А Муси не слышать.»

«Ахъ André, ты право же несносенъ съ твоими вѣчными страхами,» недовольно отвѣчала на это Надежда Дмитріевна, любимцемъ которой былъ двѣнадцатилѣтній, веселый, румяный Жоржикъ, уже два года отличавшійся, даже въ корпусѣ, среди шалуновъ-товарищей, своими шалостями. «Мусю, дѣвочка, а дѣвочки всегда тише, и она, вдобавокъ, растетъ одна. Вотъ, Богъ дастъ, отдадимъ ее черезъ четыре года въ институтъ, тамъ она съ подругами станетъ другой.» —

«Не люблю я; матушка, твоихъ институтовъ,» всегда сердился, слыша это, Курындинъ.» — Въ такихъ случаяхъ Надежда Дмитріевна презрительно сжимала свои

тонкія губы, отчего ея блѣдное, обыкновенно миловидное лицо, становилось неприятнымъ, и язвительно возражала:

«Конечно, André, тебѣ надо было жениться на вульгарной гимназисткѣ съ либеральными взглядами . Институтскаго, тонкаго, поэтичнаго воспитанія ты не понимаешь.»

«Чепуху ты говоришь, Надя», отмахивался онъ отъ жены, какъ отъ надоѣдливой мухи и, морщась, продолжалъ. — «При чемъ тутъ либеральные взгляды? — Нужно, чтобы дѣвочка видѣла жизнь въ настоящемъ свѣтѣ, не жила въ мечтахъ и фантазіяхъ, строго оберегаемая отъ внѣшняго міра. Придется ей столкнуться съ жизнью, и каково будетъ тебѣ-же, если она ее сломаешь?»

Послѣ такого довода Надежда Дмитриевна умолкала, Андрей Петровичъ нервно проводилъ рукою по усамъ, и разговоръ переводился на другую тему. Муся любила родителей одинаково, но къ отцу льнула больше, будто чуя, что строгій на видъ папа ее сильнѣе любитъ и жалѣетъ, и часто, безъ страха, забиралась на диванъ, или усаживалась на колѣни, къ углубившемуся въ чтеніе, Курындину. — Но больше всего была она привязана къ своей нянѣ, сидѣть у которой и слушать безкончныя сказки было для дѣвочки настоящимъ праздникомъ. Комнатка няни была такая маленькая, свѣтленькая, въ углу у образовъ висѣли такія хорошенькія, пасхальныя яйца, рядомъ съ высокой постелью стоялъ большой сундукъ, и когда онъ открывался, столько въ немъ было интересныхъ вещей, а внутри, на крышкѣ, такія красивыя, раскрашенныя картинки. Иногда угощала няня свою свѣтлоокою звѣздочку собственнымъ вареньемъ, которое хранилось въ разноцвѣтной вазочкѣ, а чай наливала въ большую, съ золотыми буквами, чашку. Съ каждымъ своимъ горемъ, или при случайной провинности, прибѣгала дѣвочка къ своей горячей защитницѣ, а если она

заболѣвала, никто, кромѣ няни, не умѣлъ такъ осторожно и ласково положить холодный компрессъ или дать горькое лѣкарство, запить которое пріятно было сладкимъ клюквеннымъ морсомъ. — Уже къ десяти годамъ поражала Муся всѣхъ своимъ точенымъ, нѣжнымъ личикомъ, а за голубые, прозрачные, съ длинными рѣсницами, глаза и волнистые золотые волосы, всѣ звали ее, какъ въ сказкѣ, — «маленькой Гризли.»

Сколько ни спорили Надежда Дмитриевна и Андрей Петровичъ, какъ ни доказывалъ Курындинъ женѣ вредъ институтскаго воспитанія, ему пришлось, во избѣжаніи упрековъ и сценъ, въ концѣ концовъ уступить, и Мусю отдали въ институтъ.

Тихонько плакала она въ первый же вечеръ, когда вмѣсто своей постельки и няни легла въ холодную, такъ похожую на всѣ остальные — кровать, и совсѣмъ чужія дѣвочки затихли, наконецъ, въ большомъ, полуосвѣщенномъ тускло горѣвшей лампой, дортуарѣ, а требовательная, утомленная классная дама, въ послѣдній разъ коротко приказавъ:

«Eh bien, mesdemoiselles, dormez,» — ушла, и шаги ея гулко раздались и удалились по длинному, пустому корридору.

Семь, проведенныхъ въ институтскихъ стѣнахъ, лѣтъ не измѣнили Мусю. Казенныя, большія комнаты, жизнь по звонку, шумливыя подруги съ обожаніемъ учителей, педантично, то строгія, то добрыя «синявки», какъ звали классныхъ дамъ, и даже красивые, въ огромномъ, бѣломъ залѣ, рѣдкіе балы, которыхъ такъ нетерпѣливо ждали не только дѣвочки, но и ихъ братья, блестящіе пажи и лицеисты, вылощенные правовѣды, подтянутые юнкера и большею частью неловкіе кадеты — все это было чуждо натурѣ дѣвочки, которую влекло къ домашнему уюту, и институтъ, какъ былъ, такъ и остался ей немилъ. —

Счастливыми часами были тѣ, когда въ четвергъ и въ воскресенье, маленькая седьмушка являлась въ классъ и тоненькимъ голоскомъ вызывала — «Курындину въ пріемъ.» — И быстро поправляя пелеринку и обтягивая передникъ, стрѣлой летѣла Муся по лѣстницѣ на средній корридоръ, а оттуда въ залъ, гдѣ ее ждали мама, няня, а по воскресеньямъ и папа съ Жоржикомъ. Запыхавшись, радостно обнимала она улыбающуюся; всегда изящную, Надежду Дмитриевну и крѣпче прижималась къ морщинистой щекѣ, благообразно повязанной чернымъ платкомъ, няни. Втроемъ направлялись онѣ на любимое мѣстечко, въ самый конецъ зала, гдѣ, между колоннами, далеко отъ инспектрисы и двухъ классныхъ дамъ, торжественно возсѣдавшихъ подъ большимъ портретомъ Императрицы, какъ мгновеніе, проходилъ въ живой бесѣдѣ блаженный часъ. Но раздавался вдругъ звонокъ, и залъ, жужжащій какъ пчелиный рой, въ прощаніяхъ гудѣлъ и волновался громче, еще короткій мигъ и, отвѣсивъ синему синклиту глубокой реверансъ, скрывались дѣвочки за дверью въ корридоръ, а близкіе, знакомые, друзья — спускались медленно въ швейцарскую, гдѣ величественный, въ красномъ, съ золотомъ и множествомъ медалей на шеѣ и груди, Василій — достойно — важно имъ открывалъ тяжелую, со львиной лапой, дверь. Также любила Муся всеобщая, переносившія ее домой, когда она съ няней, а иногда и съ мамой, слушала въ мягкомъ полусумракѣ хоръ стройныхъ пѣвчихъ и смотрѣла на тоненькія свѣчи, кротко потрескивавшія съ колеблющимся огонькомъ, передъ Склоненнымъ Ликомъ Скорбящаго Христа. — Но были и такія счастливыя мгновенія, которыя могъ дать лишь институтъ, и ихъ сіяніе превращало въ хрустальный замокъ лучшей сказки, всегда такъ холодно глядѣвшій, непривѣтный домъ. То было въ дни Великаго Поста, когда Царица, а иногда и Царь, въ са-

няхъ, на сѣрыхъ, въ яблокахъ, подъ синей сѣткой, лоша-
дяхъ, съ широкоплечимъ, чернобородымъ кучеромъ-бо-
гатыремъ и стройнымъ на запяткахъ казакомъ, подѣхавъ
и войдя, въ тотъ мигъ же, ставшій свѣтлымъ, яснымъ —
строгій институтъ, — являлись дѣвочкамъ, какъ Божіи
посланцы, и со священнымъ трепетомъ и радостью скло-
нялись дѣвичьи сердца передъ исполиномъ Государемъ
и Лучезарною Царицей. —

Искренно счастливъ былъ Андрей Петровичъ, когда,
въ свѣтлый юньскій день, послѣ выпуска и прощального
молебна въ Казанскомъ Соборѣ, Муся, распрощавшись
съ подругами, вернулась подъ домашній кровъ. «Ну Му-
сенька, баста. Теперь ужъ мы съ тобой не разстанемся.
Балуи своего стараго папу!» сказалъ онъ своей юной
дочери, которая, какъ греза, вся въ бѣломъ, стояла въ сол-
нечныхъ лучахъ, среди цвѣтовъ, въ гостинной, и тихой
радостью, подъ золотымъ вѣнкомъ волосъ — свѣтились
ея прозрачные глаза.

«Папа, а какъ я рада то,» произнесла негромко Муся
и нѣжно обняла отца.

«Андрей, смотри не опоздай къ обѣду. Сегодня у
насъ ложа въ Маріинскомъ театрѣ. Идетъ Онѣгинъ съ
Медеей и Фигнеромъ,» напомнила мужу Надежда Дми-
тріевна, когда Андрей Петровичъ собирался ужъ уходить
въ свое министерство.

«Не опоздаю, сегодня у меня доклада нѣтъ. — А кто
съ нами еще въ ложѣ?»

«Гончаровы.»

«Ага, прекрасно. Какъ будетъ рада Муся! Ей такъ
давно хотѣлось услышать Онѣгина. Ну, до свиданія,» и
Андрей Петровичъ заторопился уходить.

Сквозь замерзшія окна, медленно подвигавшейся и
визжавшей колесами по мерзлому снѣгу, кареты, какъ
ни старалась Муся, — трудно было разобрать, по какимъ

улицамъ они проѣзжали, и обыкновенно спокойная, она сегодня волновалась и боялась опоздать къ началу. Пушкинская Татьяна и музыка Чайковскаго! Это должно было быть такъ прекрасно! —

Весь залитой бѣлымъ свѣтомъ сверкающей хрустальной люстры, съ тяжелыми шелками потонувшій въ голубыхъ коврахъ, благоухающій тепломъ и тонкими духами — являлся сказочнымъ, и не для Муся только — такъ царственно прекрасный Маринскій театр! Въ серебристо-голубомъ открытомъ платьѣ, съ рукой опущенною на барьеръ, сидѣла она, какъ зачарованная, въ глубокой ложѣ, внимая дивнымъ звукамъ и не отрывая глазъ, отъ открывающей въ письмѣ холодному Онѣгину свою стыдливую любовь, Татьяны. —

«Такъ вотъ какимъ могъ быть царевичъ; совсѣмъ не тотъ, какъ въ сказкѣ няни,» уже со страхомъ сама себя твердила Муся, страдая вмѣстѣ съ бѣдной Таней, и, лишь теперь, понявъ Онѣгина, котораго читала много разъ.

«Сher Alexis, смотри, кто тамъ сидитъ у самой царской логи?» Изумленно обратилась къ мужу Ирина Владиміровна Гончарова, пріятельница Надежды Дмитріевны. «Вѣдь это князь Ланской? Когда же онъ пріѣхалъ изъ Москвы? Онъ насъ узналъ, идетъ сюда,» заволновалась она, издали кивая головой блѣдному, средняго роста брюнету, безукоризненному въ черномъ фракѣ, который, поклонившись, пристально смотрѣлъ на ложу и медленно, давая пройти дамамъ, приближался къ нимъ.

«Когда пріѣхали вы, милый князь, и почему еще не были у насъ?» торопилась она узнать, забывъ его представить остальнымъ. «Вы незнакомы? Князь Ланской», спохватившись, назвала она его Курындиной и Мусѣ. «Надолго въ нашъ холодный Петербургъ? — Князь не

выносить Петербурга, какъ, впрочемъ, всё живущіе въ Москвѣ» прибавила она, чтобы извинить его.

«Нѣтъ, вы положительно несправедливы,» возразилъ Ланской послѣ поклона дамамъ, чуть усмѣхнувшись и взглянувъ на Мусю, которая сидѣла, устремивъ глаза — поверхъ всего, далекая, не слушая ихъ разговора. «Конечно, я привыкъ къ Москвѣ, къ ея простору, русской шири; но нашей Матушкѣ — далеко до вашего Красавца. А ужъ здѣшней оперы и Фигнера, вы знаете, какой я почитатель,» отвѣтилъ онъ и, обращаясь къ Мусѣ: «Не правда-ли, какъ хороша Медя въ сценѣ письма?» спросилъ, дольше остановивъ на ней взглядъ продолговатыхъ, черныхъ глазъ.

«Да,» будто очнувшись, не сразу отвѣтила она, переводя отсутствующій взоръ на, передъ ней стоявшаго, Ланскаго и посмотрѣла на тонкое, съ прекраснымъ лбомъ и легкой сѣдиной въ густыхъ вискахъ, грустно-насмѣшливое лицо. —

Уже замокъ на вѣкъ, отвергнутый веселой Ольгой, поэтъ любви — Ленскій — Фигнеръ, и голубой нарядный залъ, уставъ гремѣть рукоплесканіями, горѣлъ брилліантами, среди мѣховъ красавицъ сѣверной столицы, когда Ланской опять стоялъ у той же логи бенуара и, слушая восторги дамъ «о неподобномъ Фигнерѣ» и одобреніе мужчинъ, невольно ждалъ, изъ устъ опять въ мечтаніяхъ ушедшей Муси, услышать и ея восторгъ. Но дѣвушка была все такъ же молчалива.

«Вы слушаете Фигнера въ этой роли, лишь, первый разъ?» Какъ бы на зовъ его вернувшись издалека, взглянула Муся на него печальными глазами.

«Онѣгина я слушаю вообще впервые», промолвила она, и въ голосѣ ея звучала искренно печаль.

«Ну Мусенька, не будь ты такъ грустна,» сказалъ, стараясь своимъ шутливымъ тономъ разсѣять дочь, Ку-

рындинъ. «Ужъ этотъ Фигнеръ.. Хорошъ необычайно, но дамскія сердца легко подвергнуты страданію. Бѣда, бѣда,» шутилъ онъ дальше, но шутка не далась, и ужъ тревожно-нѣжно взглянулъ онъ на ея лицо.

Растерянно и молчаливо шла Муся съ общою волной изъ голубого, теперь таинственно-темнѣющаго зала, гдѣ такъ внезапно, въ ея душѣ померкла вѣра въ сказку няни, и въ первый разъ, такъ странно, непонятно, ее манилъ къ себѣ, совсѣмъ чужой ей, князь Ланской.

Князь Кирилль Алексѣевичъ Ланской принадлежалъ къ той родовитой Москвѣ, которая, имѣя и въ Петербургѣ безконечное число родственниковъ и знакомыхъ, людей одного и того же круга, привыкла считать настоящей столицей лишь Первопрестольную, а къ творенію Великаго Петра, несмотря на присутствіе въ немъ Двора, относиться съ легкимъ презрѣніемъ и мириться съ нимъ, какъ съ «бюрократической необходимостью,» не прощая, однако, въ душѣ этой «затѣи» его Основателю. Въ Ланскомъ, какъ въ человѣкѣ много и долго жившемъ за границей, этотъ взглядъ былъ непонятенъ, но, какъ ни странно, послѣ долгаго тамъ пребыванія, онъ съ особенной любовью возвращался въ Москву, будто еще сильнѣе цѣня ея за отсталость и нѣкоторую дикость, и въ Петербургъ выѣзжалъ нехотя и съ трудомъ. Потерявъ рано родителей, уже будучи студентомъ, жилъ онъ у своей бабушки, близъ Арбата, въ одномъ изъ особняковъ, которыми отличается лишь Москва, и въ которыхъ жизнь протекаетъ, какъ въ старое, доброе время. Такой же старый, въ гороховой ливреѣ, выѣздной лакей подсаживаетъ свою величавую барыню въ старомодную карету, и такой же старый кучеръ торжественно подвозитъ свою госпожу къ другому особняку, тоже бѣлому, съ колонками, зеленой крышей, ставнями и большимъ садомъ за высокой стѣной, который, въ яркій, зимній, съ пуши-

стымъ снѣгомъ день. настраиваетъ невольно даже и желчнаго Петербургскаго сановника на благодушный ладъ и вызываетъ въ немъ сожалѣнiе о невозвратной молодости. Обладатель большого состоянiя, независимый, не стремившiйся къ служебной карьерѣ, Ланской числился, для полученiя чиновъ, при какомъ то архивѣ, зиму проводилъ большей частью въ Москвѣ, наѣзжалъ изрѣдка и въ Петербургъ, а Великiй постъ заставлялъ его то въ Ниццѣ, то въ Парижѣ, а послѣднiе года, и въ Римѣ. За то, все лѣто и осень, до начала ноября, онъ отдавалъ деревнѣ, любя ея всѣмъ сердцемъ и душой и сознавая, что послѣ всѣхъ соблазновъ, впечатлѣнiй, Парижей, Ниццъ etc. etc. онъ, князь Ланской, лишь дома тутъ, въ своихъ «Прудахъ», гдѣ жили, родились и умирали — Ланской отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ.

Познавъ въ шестнадцать лѣтъ любовь и сладость увлеченiй, Ланской, къ тридцати годамъ, уже могъ насчитать двѣ-три серьезныхъ связи, одинъ романъ, довольно шумѣвшiй, и безъ числа побѣдъ. Но та любовь, что такъ въ стихахъ поэтами воспѣта и такъ сильна, что смерть ея слабѣе, была ему еще чужда, и онъ ее не звалъ, не ожидалъ. — Въ тотъ годъ, въ Москвѣ сияла своей молодостью и красотой княжна Турусова, съ загадочно зелеными глазами и золотомъ червоннаго отлива на пышныхъ локонахъ вкругъ гордаго чела. Ланской влюбился, — страстно, пылко, мечталъ, надѣялся, страдалъ — но, все напрасно. — Для Москвы такъ и осталось тайной, почему красавица княжна, вмѣсто Ланскаго, на зависть жениха и баловня судьбы, вдругъ предпочла ему извѣстнаго кутилу, ловеласа, Петра Орлова. Ланской, извѣстный сильной волей, вдругъ закутилъ. Кутилъ онъ такъ, что Стрѣльна, Яръ и вольные бывалые чавалы, давались диву лишь; но завершилъ онъ все такимъ концомъ, что даже удивилъ Москву. —

Вѣсть разнеслась, что князь Ланской вступаетъ въ бракъ съ цыганкой — Стешей, что пиръ готовится на славу, что хоръ весь приглашенъ на свадьбу, а молодые, прямо отъ вѣнца, прослѣдуютъ въ «Пруды», оставивъ пировать гостей безъ нихъ.

Два года, Ланскихъ, князя и новую княгиню, не видѣла Москва, а лишь слыхала, что въ этомъ бракѣ счастья нѣтъ, что князь въ деревнѣ пробылъ мало, уѣхалъ, будто, въ Римъ, а что княгиня, соскучившись сидѣть одна, пріѣхала въ Москву, но гдѣ живетъ, и какъ живетъ? — никто не зналъ и не видалъ.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, какъ прежде, явился въ домъ, на Поварской, къ кузинѣ Аннѣ Ржевской, въ ея четвергъ, Кириллъ Ланской и, будто лишь вчера уѣхавъ, заговорилъ о томъ, и о другомъ, но о женѣ своей — ни слова. Москва рѣшила, что брака онъ не признаетъ, что, «можетъ быть, онъ вовсе и не былъ?» . . . Повздыхала, поскорбѣла, но увидавъ, что князь все тотъ же, лишь взгляды немного стали грустнѣе, и въ волосахъ мелькаетъ сѣдина, нашла его еще милѣе, и князь Ланской — опять явился женихомъ. —

Изъ театра, вмѣсто Кюба, гдѣ его ждали, Ланской пріѣхалъ на Сергіевскую, домой, въ квартиру дяди, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ свои наѣзды въ Петербургъ и, отпустивъ лакея, прошелъ въ такъ хорошо ему знакомый, старика дяди, строгій кабинетъ. Было темно, тихо. Холодный, блѣдный свѣтъ хотѣлъ проникнуть сквозь тяжелыя портьеры у оконъ. Ланской, не зажигая лампы, сѣлъ въ уголь, на большой диванъ. Какъ непонятно былъ пораженъ онъ дѣвушкой, съ прозрачными глазами, явившейся ему въ прекрасномъ голубомъ блестящемъ залѣ и съ тихой, странною печалью — смотрѣвшей на него . . .

Ирина Владиміровна Гончарова собрала у себя въ субботу интимный кругъ друзей и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Ланской. Хозяйка дома наливала въ тонкія чашки изъ серебрянаго самоварика — «bouillotte» — душистый чай; на столѣ и столикахъ, стояли вазы, серебряныя корзиночки, маленькія тарелочки, съ конфектами, сэндвичами, печеньемъ, фруктами. Въ гостиной, гдѣ бархатъ, шелкъ, ковры, подушки, фарфоръ на стѣнахъ и портреты въ разнообразныхъ рамкахъ, давали тотъ интимный колоритъ, отсутствіемъ котораго страдаетъ часто Петербургъ, стоялъ пріятный, мягкій говоръ. Говорили о театрѣ, модахъ, послѣднихъ новостяхъ. Мужчины пытались судить политику и дипломатовъ, хотя вопросомъ самымъ интереснымъ являлись перемѣны, которыхъ ожидали на верхахъ. — Въ одномъ изъ уголковъ, подъ мягкимъ свѣтомъ лампы, сидѣла Муся, и около нея Ланской. Въ темномъ платьѣ, съ бѣлымъ кружевомъ у тонкой, нѣжной шеи, ея личико казалось еще дѣвственнѣй и строже. Князь ей рассказывалъ о Римѣ. Она ему внимала такъ спокойно, такъ тихо, ласково, лилась рѣчь и его, что если бы кто либо изъ московскихъ барынь Ланскаго въ этой роли увидаль, догадкамъ, шуткамъ, не было бы конца.

«Въ Римѣ,» говорилъ ей князь, «я чувствовалъ себя совсѣмъ инымъ. Васъ поражаетъ величіе его и простота. Не видно торопливой жизни, которая была бы оскорбленіемъ для памятниковъ великой старины. Передъ взоромъ, вездѣ и всюду, безсмертное искусство, мраморъ, камень, но тутъ же, рядомъ, журчитъ хрустальная вода въ фонтанахъ, изъ стѣнъ дворцовъ, домовъ, въ мраморныхъ бассейнахъ, — и море рѣдкостныхъ, подъ синимъ небомъ благоухающихъ, цвѣтовъ, кусты азалій, Палантинъ, гдѣ межъ руинъ Нероновскихъ дворцовъ, растетъ высокая трава, цвѣтетъ мечтательный шиповникъ, гудятъ шмели,

надъ одуванчикомъ кружась... И надъ всѣмъ, какъ бы паря надъ Древнимъ Римомъ, Соборъ Апостола Петра»....

Такъ, въ своей жизни не говорилъ еще Ланской ни съ кѣмъ, какъ съ этой дѣвушкой, полуробенкомъ, къ которой чувствовалъ не только восхищеніе, но нѣжность, бережность и непонятный страхъ.

Въ пятницу, пріемный день Надежды Дмитріевны, князь сдѣлалъ Курындинымъ визитъ и сталъ у нихъ бывать.

«Няня, какъ хорошо мнѣ у тебя сидѣть», усаживаясь около няни, въ ея теплой комнаткѣ, сказала Муся, въ одинъ изъ тѣхъ непріятныхъ мартовскихъ дней, когда снѣгъ широкими, мокрыми хлопьями закидываетъ улицы, дома, извожиковъ и глаза прохожимъ, будто стараясь доказать, что зима еще сильна и безъ борьбы не уступить своей власти идущей праздничной веснѣ.

«Ну и посиди, солнышко мое; погляди, что на улицѣ то дѣлается. Кости мои такъ и ломить отъ этой непогоды», отвѣтила, кряхтя старушка, и отложила въ сторону чулокъ, который старательно чинила. «Совсѣмъ стара я стала, ничего глаза не видятъ. — А не выпьемъ ли мы съ тобой чайку? Я для тебя любимый твой постный сахаръ припасла. Сладкоѣшка, ты, вѣдь, у меня,» лукаво улыбнулась она Мусѣ.

«Хорошо нянечка, давай попьемъ; да только ты не хлопочи; я сейчасъ Дашу позвоню.»

«И, что ты мать моя? На это силъ моихъ ужъ хватить. Сиди, сиди, я все сама устрою,» шутиливо приказала она ей, поставивъ чашки и вынимая сѣрый, съ постнымъ сахаромъ, кулекъ.

«Няня, а какой я сонъ то видѣла?» замѣтила, откусывая кусочекъ темнокраснаго квадрата и запивая его чаемъ, Муся и вопросительно посмотрѣла на, сидѣвшую противъ нея съ блюдцемъ въ рукахъ, няню.

«А ну, какой? Расскажи?»

«Вижу я, — стоит передо мной высокая, высокая лѣстница, вся, будто, изъ газа, голубая, и я по ней иду, иду, и когда взошла наверхъ, ужъ къ самымъ небесамъ — открылись вдругъ онѣ, и вижу я Христа, Который такъ грустно, кротко смотритъ на меня. И тутъ я чувствую, что наверху не удержусь и — падаю. И я проснулась.» Старушка, оставивъ блюдо, взглянула на нее, помолчала и покачала головой.

«Н-да Мусенька. Станный сонъ. Христось тебя за что то пожалѣеть. — А вотъ, что ты идешь, идешь, и все по голубому, да наверхъ, такъ это ты чего то ждешь, и кажется оно тебѣ хорошимъ, радостнымъ, а приведетъ оно тебя къ печали, горю. Ну, да не всё то сны сбываются,» поторопилась она успокоить Мусю, которая испуганно, съ вдругъ порозовѣвшимъ личикомъ, смѣшалась и отвела глаза. «Надо знать, подъ какой день ты видѣла его. А что Христось приснился, такъ вѣдь теперь Великій Постъ, ты часто въ церковь ходишь, молишься. Вотъ оттуда и думы о Христѣ,» успокаивала она, ужъ не только свою питомицу, но и себя, испугавшись сна, который, по ея толкованію, ничего хорошаго не предвѣщаль.

«Выпей еще чашечку, да не думай обо снѣ, касаточка моя», ласково старалась она уговорить, сразу ставшую грустной, дѣвушку.

«Нѣтъ няня, ты меня не успокаивай. Я такъ боюсь уже давно чего-то, а чего, сама не знаю?»

«А ты не бойся, да хорошенько помолись. Вѣдь это нечистый, все онъ, тебя пугаетъ. Вотъ пойдемъ съ тобой послѣ завтра въ Казанскій, на Стояніе Андрея Критскаго, помолимся, и забудешь ты обо всякихъ страхахъ.»

Мягко лились и уходили подъ самый сводъ Казанскаго Собора великопостные налѣвы. Трогательно звучаль голосъ старичка священника, тепло и съ вѣрою чи-

тавшаго слова Великаго Канона. Медленно крестились, прижимая подолгу сложенные пальцы ко лбу и ко груди, богомольныя старушки, громко шепча и повторяя: «Помилуй мя Боже, помилуй мя.» — Радужными огнями сияли самоцвѣтные камни на ризѣ Кротко Глядѣвшей Богоматери. Муся съ няней стояла въ полутемномъ мѣстѣ, у Голгофы, гдѣ Распятый Христось, съ Понижею Главой, давалъ примѣръ безропотныхъ страданій. Въ душѣ ея было тревожно. Она старалась сосредоточиться, молиться, слушать, думать лишь о томъ, что говорилъ священникъ, но передъ нею, неотступно, какъ лукавый, стоялъ Ланской. —

Наканунѣ, она сидѣла въ сумеркахъ, одна, въ гостинной, когда неслышно, чтобы передать обѣщанную книгу, вошелъ Ланской и послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ попросилъ ее спокойно выслушать его:

«Вамъ, Марія Андреевна, должно быть ясно», сказалъ онъ (какъ показалось можетъ ей?) даже робко, и съ нѣжной лаской взглянувши на нее, — «почему я часто сюда ѣзжу, съ вами ищу встрѣчь и позабылъ на время о Москвѣ; я васъ люблю, и цѣль и смыслъ всей моей жизни — быть вашимъ мужемъ, другомъ, братомъ. Скажите же и вы, смѣю-ль я просить вашей руки?» Муся помнила, какъ жутко, стыдно и болѣе, чѣмъ радостно, слушала она его голосъ и слова, и видѣла такъ близко черные, съ любовью на нее глядѣвшіе, глубокіе глаза. Но отвѣтить, сказать ему, что это и ея мечта, она не чувствовала въ себѣ силы и, наклонивъ головку, съ громко застучавшимъ сердцемъ, и нѣжно проступившей краской на щекахъ, протянула свою тоненькую, съ голубыми жилками маленькую ручку, которую онъ бережно поднесъ къ своимъ губамъ. «Теперь я съѣзжу лишь въ Москву, чтобы тамъ покончить съ однимъ тяжелымъ для меня вопросомъ», сказалъ ей дальше князь, и дымка грусти

пробѣжала по его чертамъ; «но къ Пасхѣ буду тутъ. Пропу васъ, пока я не вернусь, пусть наше чувство — остается тайною для всѣхъ.» Но эта просьба прозвучала какъ то глухо, и Мусѣ стало вдругъ не по себѣ. И стоя въ храмѣ, среди молящихся, къ молитвѣ и сама стремясь, она все не могла унять растущую тревогу и съ вѣрою, надеждой и мольбою ждала разгадки у Безмолвнаго Христа.

«Андрей, мнѣ кажется Ланской серьезно нашей Мусей увлечень.» говорила въ этотъ вечеръ въ спальнѣ, снимая кольца и собираясь причесываться на ночь, Надежда Дмитріевна мужу. «Какъ ты на это смотришь? Во всѣхъ смыслахъ, онъ, партія для Муси очень подходящая; да и какъ я замѣтила, онъ тоже ей не безразличенъ.»

«Все это такъ», не торопясь, выпускаая колѣчки дыма и слѣдя, какъ онѣ расплываются — отвѣтилъ Андрей Петровичъ. «Но надо знать подробности о немъ. Князь очень милъ, уменъ, красивъ, богатъ, но больше мы не знаемъ ничего. Да и для Муси онъ немолодъ. Какъ смотреть онъ на бракъ, вообще, тоже большой вопросъ?»

«Но Андрей, не станеть князь Ланской къ намъ ѣздить часто въ домъ, явно бывать лишь тамъ, гдѣ можетъ встрѣтить Мусю и смотреть на это, какъ на шутку,» ужъ возмутилась Надежда Дмитріевна.

«Да ты не сердись напрасно. Вы, женщины, рѣшаете все сразу. Я съ тобой не спорю, но долженъ и хочу быть остороженъ. О Ланскомъ, я мнѣнія того же, что и ты, но у мужчинъ въ его лѣтахъ всегда есть прошлое. — Впрочемъ,» прибавилъ онъ, «намъ торопиться съ Мусей некуда. Увидимъ. Въ Москву уѣхалъ князь вѣдь ненадолго.»

Незадумывавшіи́ся особенно надъ тѣмъ, что онъ женатъ, отчасти даже довольный, что этимъ бракомъ за-

страхованъ отъ второй женитьбы — Манской теперь былъ сзабочень. — Съ женой своею всего онъ прожилъ двѣ недѣли, съ тѣхъ поръ прошло уже пять лѣтъ, ее онъ больше не видалъ, но, по уговору, жить должна она была съ тѣни, за что и получала — пять тысячъ ежегодно. Его смущало, что тѣ же «вольные чавалы», родные и друзья «княгини», узнавъ, зачѣмъ ему нужна свобода, вернуть ему ее не такъ легко. Но все устроилось гораздо проще. За круглый кушъ съ усадьбой подъ Москвой, и «гонораръ вполне солидный» известному адвокату за труды — князь Манской, черезъ три мѣсяца, совсѣмъ освобождался отъ семейныхъ узъ. — Покончивъ съ этимъ «скучнымъ» дѣломъ и просмотрѣвъ отчетъ съ «Прудовъ», во избѣжаніи излишнихъ толковъ не заѣзжая ни къ кому, Манской, ужъ передъ самой Пасхой, обратно ѣхалъ въ Петербургъ. —

«Какъ солнышко сегодня свѣтитъ весело! Пойдемъ, Жоржикъ, съ тобою на Вербы.» обратилась Муся къ брату, крѣпкому, румяному офицеру, пріѣхавшему въ Вербное Воскресенье изъ Гатчины къ родителямъ.

«Пойдемъ, пойдемъ, милочка! Одѣвайся,» тотчасъ же согласился онъ.

Въ Гостинномъ и кругомъ него, на Невскомъ, по Садовой было не пройти. Медленно подвигалась безконечная волна. Молоденькія барышни и дѣвочки, гимназистки, институтки, наканунѣ отпущенныя на праздники домой, съ родителями и братьями, любопытно-весело поглядывали во всѣ стороны. Молодцеватые Николаевскіе юнкера, съ шапочками лихо сдвинутыми на ухо, въ длинныхъ шинеляхъ и бѣлыхъ щегольскихъ перчаткахъ, усиленно вытягивались и, звеня шпорами, отдавали честь встрѣчнымъ офицерамъ. Пажи, стараясь не терять достоинства, торопливо, будто не замѣчая вербъ, шли,

глядя лишь передь собой. Кадеты старшей роты, въ башлыкахъ, блестяще вычищенныхъ сапогахъ, въ душѣ страдая, что они еще не юнкера, и не желая замѣчать напей, ухаживали неудачно за сестрами товарищей. Въ треуголкахъ, шинеляхъ съ бобрами или прекрасно ихъ облегающихъ пальто — правовѣды, лиценсты, со скукой искренней, но чаще напускной, желая подражать прошедшимъ тернистой службы путь сановникамъ, презрительно оглядывали разнообразную толпу. — Скромные, съ пушистыми барашками, тоненькіе прутики — и сами удивлялись, что изъ-за нихъ, и ради нихъ идетъ такой гомонъ и шумъ. — Торговцы, степенные и молодые, въ теплыхъ шапкахъ и пальто съ барашковыми воротниками, учтиво, ловко, предлагали, вынесенный изъ лавки, свой товаръ. Бѣдныя старушки и бабы въ полушубкахъ, съ пучками вербочекъ и яркими бумажными цвѣтами, просили горничныхъ, чиновницъ и нянь съ дѣтьми, купить у нихъ для праздника цвѣтовъ и вербъ. Бойкій, въ валенкахъ, въ тулупѣ съ нестрымъ кушакомъ, мальчишка, настойчиво и громко предлагалъ публикѣ подивиться — на «жителя американскаго,» а рядомъ съ нимъ — пускалъ другой, со свистомъ, трескомъ, «змія лютаго,» «Божію коровку,» и тутъ же, третій надувалъ, пищалъ и сразу умолкалъ, чтобы вновь начать, то гуся, утку, пѣтуха, а иногда и размалеваннаго пузыря. Лотки съ орѣхами, халвой, рахатъ-лукумомъ, пряниками, миндалемъ и клюквой въ сахарѣ, ласкали взоръ не только дѣтвора.

Муся съ Жоржикомъ, насмотрѣвшись и накупивъ всего, возвращались домой, когда солнце свѣтило уже не такъ ярко, и въ морозномъ, немного розоватомъ воздухѣ плылъ звонъ колоколовъ зовущихъ въ храмъ передь Страстной Седьмидей.

«Няня, мнѣ что-то холодно и не по себѣ», сказала Муся, когда та вошла къ ней въ спальню и сѣла, чтобы передъ сномъ потолковать.

«Ужъ не прозябла ли ты, Мусенька, въ Гостинномъ? Вѣдь вы ходили часа два.»

«Не знаю, но не здоровится мнѣ сильно, и горлу глотать больно.»

«Ну погоди, я принесу тебѣ малишки и приготовлю горлышко пополоскать.»

«Няня, не уходи отъ меня. Мнѣ, отчего то грустно и даже жутковато.» —

«Не бойся, ласточка, я не уйду.»

Была ужъ ночь. Мягкій голубой фонарь бросалъ свой свѣтъ на бѣлую постель, гдѣ, съ пылающей головкой и потемнѣвшими глазами, Муся, тяжело дыша, всматривалась зорко въ совѣтъ ей новую, невѣдомую даль. Она была такъ далеко отъ своей комнаты, отъ подлѣзъ чутко спавшей няни, отъ папы, мамы, отъ всего... — Она летѣла такъ высоко и такъ легко среди воздушныхъ волнъ перистыхъ бѣлыхъ облаковъ, и онъ, Ланской, такой ей близкій, дорогой, летѣлъ съ ней рядомъ... И говорилъ онъ ей такія дивныя, звучащія небесной музыкой, слова... И самъ онъ былъ такой прекрасный, юный, какъ тотъ царевичъ въ сказкѣ няни...

Всю ночь прометалась Муся въ жару, и не на шутку перепугавшаяся няня подъ утро разбудила Надежду Дмитріевну. Широко открытыми глазами смотрѣла Муся передъ собой, не узнавая никого, и часто, часто повторяя несвязныя слова. Няня ночью лишь уловила имя князя и видѣла, какъ ея касаточка куда-то потянулась и протянула руки.

Три дня витала надъ бѣлой, теплой комнаткой холодная, безжалостная смерть, будто сама страшась и не

рѣшаясь взять у вновь расцвѣтающей весны одну из тѣхъ, кто былъ и для нея красой. Но для нея, непобѣдимой и зловѣщей — ни жалости, ни состраданія нѣтъ. И въ Страстной Четвергъ, рано утромъ, когда молочно-блѣдный, чуть, занимался день, померкъ въ очахъ безпомощно лежащей Муси свѣтъ, и слезы градомъ покатились изъ голубыхъ бездонныхъ глазъ.

Съ трудомъ съ помощью Даши удерживаль докторъ быющуюся въ истерикѣ Надежду Дмитриевну. Неузнаваемый, ставшій сразу старикомъ, стояль Андрей Петровичъ передъ своей кроткой Мусей, и тяжелая, точно свинцовая слеза толзла по его впалой щекѣ. Шагаясь и придерживаясь за любимую кроватку, съ нѣмымъ отчаяніемъ и благоговѣніемъ, глядѣла на свою, будто мирно спавшую, Мусеньку няня...

«Вотъ тебѣ, мое солнышко, и твоя голубая лѣстница и Самъ Христосъ», прошептала она и, поклонившись, поцѣловала и закрыла остановившіеся прозрачные глаза. — Одинъ, лишь, докторъ спокойно констатироваль смерть Муси отъ паралича мозга, послѣдствіе молніеносной скарлатины.

Спокойно радостный выѣхаль изъ Москвы въ Страстной Четвергъ Ланской, но утромъ проснулся въ вагонѣ очень рано изъ-за чувства непонятной тревоги, растущей въ немъ по мѣрѣ приближенія къ Петербургу. Приѣхавъ въ десять часовъ, умывшись и переодѣвшись, несмотря на ранній часъ, Ланской поѣхаль на Фурштадскую, къ Курындинымъ. Не заставъ въ швейцарской никого и быстро поднявшись по лѣстницѣ въ бельэтажъ, князь удивился, найдя дверь, такъ хорошо ему знакомой квартиры, незакрытой. Въ передней до него сразу донесся монотонно-читающій голосъ, отъ одного звука котораго, князь почувствовалъ страшный, въ самое

сердце, толчекъ. Еще не сознавая ясно, но смутно предчувствуя что-то страшное и непоправимое, вошелъ онъ въ гостинную и — остановился. Покрытая золотой волной волосъ, вся въ бѣломъ — лежала Муся, какъ скошенный цвѣтокъ, среди такихъ же нѣжныхъ, бѣлыхъ, какъ и она, цвѣтовъ. Сама смерть, казалось, не хотѣла положить своей печати на это тонкое, прелестное лицо, и дѣвушка, какъ спящая царевна, — торжественно, покойно почивала.

«Вотъ князь-батюшка, какъ встрѣтились вы снова,» — встаетъ передъ нимъ, какъ тѣнь, беззвучно прошептала няня. «Въ бреду звала васъ она, ласточка моя... На все Его Святая Воля,» прибавила старушка, но вдругъ не выдержала, затряслась и заплакала горько, безутѣшно.

Радостно замерцали тихія, блѣдныя звѣзды, когда ударился и разнесся первый колоколъ возвѣщающій Воскресенье Христово. Въ Александро-Невской Лаврѣ, на безмолвномъ кладбищѣ, къ покрытому еще неувядшими цвѣтами холмику, въ самую Заутреню, подошла старушка-няня. Долго смотрѣла она на могилку, гдѣ вѣчнымъ сномъ спала ея ненаглядная Мусенька. — Тихо опустилась она на колѣни и, низко поклонившись, прикоснулась лбомъ къ холодной, сырой землѣ. Медленно вынула она потомъ красное яичко, поцѣловала и положила на умирающіе цвѣты.

«Христось Воскресе, Мусенька,» прошептали ея губы, и покорныя, безнадежныя слезы выкатились изъ старческихъ глазъ.

Яркимъ золотомъ горѣли на солнцѣ купола Александро-Невской Лавры. Обрадовались уже рѣже свѣтившему солнышку и золотыя березки, щедро сыпавшія свои отжившіе листочки на дорожки и могилки кладбища. Бѣлый, съ легкими крылами, Ангелъ, возвышался надъ могилкой Муси.

«Парфень», обратился, къ подмставшему дорожку около ея могилы сторожку, проходившій молодой монахъ. «Няня то твоей барышни приказала вчера долго жить. Сейчасъ въ конторѣ я слыхалъ, какъ мѣсто ей заказывали. Рядышкомъ хотять ихъ положить.»

«То-то не видалъ ее я ужъ съ недѣлю. Ну, Царство ей небесное, смирная была старушка, хорошая. Да больно по покойницѣ ужъ сокрушалась,» — сказалъ, перекрестясь Парфень, вздохнулъ, и, надѣвъ шапку, подошелъ и смель опять упавшіе на памятникъ листы.

Концертъ.

Въ губернской горюдь К. прїѣзжала извѣстная, со-всѣмъ молоденькая пианистка. Елена Нилова, съ большимъ успѣхомъ выступавшая три года въ обѣихъ столицахъ и нѣкоторыхъ городахъ Россіи. Горюдь К. давно ужъ ее ожидалъ, но лежалъ онъ въ сторонѣ отъ центра, сообщеніе съ нимъ было неудобное, и потому концертъ долго не налаживался. Теперь онъ былъ объявленъ, и въ окнахъ магазиновъ, на столбахъ и на дверяхъ Дворянскаго Собранія — всюду виднѣлись большія, съ синими буквами афиши, а въ единственномъ музыкальномъ магазинѣ «Лира» былъ выставленъ и большой портретъ. Тоненькая дѣвочка, съ большими, вдумчивыми на маленькомъ личикѣ глазами и длинными, каштановыми, подхваченными сбоку большимъ бантомъ, распущенными волосами, сидѣла, откинувшись на креслѣ, а передъ нею, на колѣняхъ, лежала открытая нотная тетрадь.

Студентъ третьяго курса, Калининъ, страстный любитель музыки и самъ немного играющій на скрипкѣ, давно слыжалъ отъ сестры-курсистки, жившей въ Петербургѣ, о проликиновенной игрѣ чудесной дѣвочки и ждалъ съ нетерпѣніемъ ея концерта. Сынъ небогатаго, обремененнаго большой семьей сельскаго священника, противъ желанія отца предпочитавшій семинаріи университетъ, онъ съ трудомъ перебивался перепиской и грошевыми

уроками, урѣзывалъ себя во всемъ, подрывая и безъ того слабое здоровье и тратя послѣднее на концерты, куда онъ забирался обыкновенно на хоры. Перечитавшій все, что было можно, мечтательный, застѣнчивый по природѣ, онъ втайнѣ страстно надѣялся встрѣтить «свой идеаль», а пока, при встрѣчахъ съ обыкновенными барышнями краснѣлъ, смущался и о любви заговорить не рѣшился-бъ никогда. Портретъ знаменитой дѣвочки произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ уже нѣсколько разъ, проходя мимо «Лиры», останавливался подолгу передъ окномъ.

Дворянское Собраніе было освѣщено. Къ подъѣзду непрерывно подъѣзжали, но чаще подходили, желающіе, наконецъ, услышать давно ожидаемую піанистку. Было начало октября, еще тепло, дожди пока не начались; въ воздухѣ, отъ садовъ, и деревьевъ на улицахъ и на бульварѣ, стоялъ запахъ прѣлага листа и особенно крѣпко пахнувшей осенью акаціи. Публика ужъ собралась и, громко говоря, разсаживалась по мѣстамъ, въ бѣломъ залѣ, съ большимъ портретомъ Царя Освободителя посерединѣ и старинною, красного дерева мебелью, не только по сторонамъ, но и въ рядахъ. На стѣнахъ виднѣлись мраморныя съ золотыми надписями доски и характерныя лица, такъ или иначе поработавшихъ для своей губерніи, старыхъ дворянъ. За колоннами еще прогуливались, подручку, затянутыя и завитыя гимназистки, сообщающія другъ дружкѣ «по секрету» свои романы то со студентами, то съ гимназистами послѣднихъ классовъ. Наконецъ, послѣ губернатора пріѣхалъ и предводитель дворянства, высокій, сѣдой, съ черными, молодо и зорко глядѣвшими изъ подъ темныхъ бровей глазами и барскою осанкою, старикъ и. раскланиваясь и по пути разговаривая со знакомыми, направился къ своему креслу.

Всѣ ждали артистку.

Залъ сталъ загихать. Раскрылась незамѣтно стѣва дверь, и на эстраду, тоненькая какъ эльффъ, вся въ бѣломъ, съ волною темныхъ, по плечамъ распущенныхъ волосъ, взошла Елена Нилова. Скромно поклонившись присутствующимъ навстрѣчу ей аплодисментамъ, она спокойно сѣла за рояль и, дождавъ, когда все стихло, взяла аккордъ волшебными руками... Торжественно и строго, звучаль, лился, безсмертный, ясный Бахъ. Созерцаніемъ высокой, чистой красоты, являлись фантазія, прелюдъ и фуга германскаго великаго творца.

Все замерло, внимало. —

Но вотъ, по блестящимъ клавишамъ — мелкимъ, легкимъ бисеромъ, стариннымъ, тонкимъ кружевомъ — рассыпались, разсѣялись, французы, итальянцы — классици. Въ граціозномъ менуэтѣ, маркизы — напудренные, кокетливыя — скользили по гладкому паркету въ парѣ съ маркизами — томными, прелестными, умѣющими такъ тонко чувствовать любовь, луну, поэзію и понимать, когда и гдѣ сулить небесное блаженство таинственная мушка на нѣжно-розовой щекѣ...

Шумѣлъ и волновался залъ...

Все громче, все дружнѣе раздавался взрывъ рукоплесканій, все глубже горѣли вдохновеніемъ большіе, недѣтскіе глаза...

Калининъ, свѣсившись наполовину съ хоръ, сжимая нервно въ худой рукѣ листокъ программы, лихорадочно блестящими глазами впился въ Елену Нилову. Ея игра давала ему образы, одинъ другого ярче...

Онъ видѣлъ предъ собою готическій соборъ, гдѣ звуки мощнаго органа величественно уходятъ въ высь и умолкаютъ въ мрачныхъ сводахъ; строго-неподвижно внимаютъ имъ, такъ холодно наружно, какъ вѣющій отъ

каменнаго пола холодокъ. сыны и дочери германскаго, философа, народа

Такъ вольно-беззаботно кружился онъ, по празднично-пестрѣвшему цвѣтами дугу, подъ яркимъ, южнымъ солнцемъ, съ каивнями, веселыми пейзажами . . .

Умолкъ рояль, видѣнія исчезли. Гремѣль восторженно рукоплесканіями залъ. Слегка усталая, съ взволнованной улыбкой — артистка принимала букетъ роскошныхъ, бѣлыхъ хризантемъ. —

Опять все стихло.

Изящный, страстный, порою глубоко несчастный, мечтательный, скорбящей по своей странѣ, иногда на шумномъ балѣ ищущій забвенія, то призывая смерть съ стчаяніемъ и страхомъ, или лоя, ликующей, блестящей жизни, мигъ — любить, страдать, рыдать и умирать, чтобъ снова возродиться, единственный, такъ близкій къ Божеству — Шопень . . .

Казалось — все горе человѣческой души, ея страданіе, скорбь, тоска по невозвратному и боль обманутыхъ надеждъ — все было такъ ясно, такъ близко и молодой душѣ, лишь начинающей жить артистки.

Калининъ плакалъ. Онъ больше не видалъ, ни зала, ни людей, ни самой дѣвочки. Страдавшій самъ такъ много, тихо, въ лишеніяхъ не замѣчая часто боли ихъ, онъ лишь теперь, казалось въ первый разъ, узналъ тяжелое, гнетущее страданіе. Съ безжалостными, жадными глазами оно ходило по землѣ, и во дворцахъ, простыхъ домахъ, въ великолѣпныхъ городахъ и въ мирныхъ селахъ, среди торжествъ, богатства, славы, и въ сѣрой жизни маленькихъ людей — всѣмъ было такъ оно знакомо. такъ страшно каждому заранѣе суждено

Поблѣднѣвшая, совсѣмъ усталая, съ потухшими глазами, сидѣла пианистка въ глубокомъ креслѣ артистической — гостинной.

У дверей и въ комнатѣ толпились многіе, желающіе вблизи взглянуть на дѣвочку или получить ея автографъ. Въ сторонѣ отъ другихъ стоялъ Калининъ. Худой, блѣдный, съ небольшими, робко глядѣвшими глазами, довольно длинными, прямыми волосами и небольшою бородкой, въ поношенной студенческой тужуркѣ, съ фуражкой, которую онъ смущенно мять въ большихъ рукахъ, студентъ, среди нарядныхъ и тщательно одѣтыхъ лицъ, невольно поражалъ своимъ нуждающимся скромнымъ видомъ. Не отрывая глазъ отъ Ниловой, не смѣя подойти, издали смотрѣлъ онъ молча на нее, и, вѣроятно, во взглядѣ его было нѣчто, что отличало его отъ остальныхъ.

Артистка вдругъ увидала, а можетъ почувствовала, упорно устремленный взоръ... Ей, выше данной въ музыкѣ передавать страданія другихъ — понятно стало и безъ словъ все то, что чувствовалъ въ душѣ студентъ. Что-то дрогнуло около ея еще дѣтскаго рта, и искренняя жалость засвѣтилась во вдумчивыхъ глазахъ.

Быстро нагнувшись и написавъ нѣсколько словъ на, такъ хорошо уже знакомой ему по портрету, карточкѣ, она встала и подошла къ Калининѣ. Безъ словъ протянула она ему ее и, крѣпко пожавъ его руку — тотчасъ же отошла...

Огни погасли, публика ужъ разошлась.

У подъѣзда артистку ждала давно карета. Со своей матерью, неся въ рукахъ охапку пышныхъ хризантемъ, вошла Нилова въ растворенную дверцу и, легко вступивъ на подножку, почти скрылась въ полутьмѣ. Ужъ дверцы собирался захлопнуть почтительно провожавшій ихъ швейцаръ, какъ вдругъ, свѣтъ, мерцавшіаго предъ домомъ фонаря, упалъ на блѣдное лицо одиноко стоявшаго Калининна.

Одно мгновѣніе лишь промелькнуло, но дѣвочка увидала, какъ двѣ крупныя слезы катились по его худымъ щекамъ . . .

И не успѣли тронуться уставшія отъ долгаго стоянія лошади, какъ маленькая ручка, схвативъ двѣ серебристо-бѣлыя, роскошныя хризантемы уже протягивала ихъ, имѣющему такъ мало радостей, студенту . . .

Карета покатилаь.

Неслышно, молчаливо сидѣла юная піанистка, прижавшись въ уголокѣ, не радуясь успѣху и видя предъ собою ей незнакомаго, но близкаго своимъ страданіемъ, человѣка

По полутемнымъ, пустыннымъ улицамъ шель, далеко на окраинѣ живущій, Калининъ. Въ его душѣ, такъ много въ этотъ вечеръ пережившей, теперь все пѣло, ликовало. Въ ухахъ звучала незабываемая, божественная музыка, а та, которой было послано судьбою — ее любить, понять и дать другимъ все то, что красить сѣрую, унылую, безъ вдохновенія жизнь, была такъ хороша той рѣдкою, духовной красотой, передъ которою померкъ ея прекрасный юный обликъ.

Прошло шесть лѣтъ. Въ Москвѣ, къ большому Залу Дворянскаго Собранія подъѣзжали кареты, автомобили, сани. Околодочные и городовые слѣдили за строгой очередью подъѣзжающихъ и зычными голосами, не стѣсняясь, покрикивали на замѣшкавшихся извозчиковъ. Изъ каретъ и автомобилей выходили и поспѣшно скрывались въ ярко освѣщенномъ подъѣздѣ нарядныя дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ, драгоценностяхъ, мѣхахъ, и мужчины во фракахъ, смокингахъ, сюртукахъ. Въ огромномъ, бѣломъ, съ колоннами, пурпуромъ и золотомъ, залѣ стояла особенно — приподнятая атмосфера.

Горѣвшая немеркнувшей звѣздой на музыкальномъ небосклонѣ любимица Москвы, піанистка Елена Нилова,

на дняхъ была объявлена невѣстой извѣстнаго красавца, предмета зависти и тайныхъ воздыханій дамъ, дѣвиць — Григорія Мещерскаго. Помолвленныя, какъ это ни старо, всегда имѣютъ особенную прелесть для людей, а въ данномъ случаѣ ими являлись, артистка, барышня изъ общества, руки которой добивался ужь не одинъ — и завидный, богатый, молодой женихъ.

На красномъ бархатномъ диванѣ, окутанная, какъ облакомъ, воздушнымъ бѣлымъ платьемъ, съ густыми косами, положенными вѣнкомъ на небольшой головкѣ, сидѣла въ артистической счастливая влюбленная невѣста. Около нея стоялъ ея избранникъ — высокій, стройный, съ черными глазами на тонкомъ, съ густымъ румянцемъ, породистомъ лицѣ.

Въ третій разъ стальной звонокъ прорѣзалъ говоръ, шумъ... Дѣвушка, ужь чувствуя знакомое артистамъ лишь волненіе, съ дивана поднялась и взглянула на Мещерскаго, теперь не одному ему принадлежащимъ взглядомъ...

Громоу рукоплесканій привѣтствовали Нилову поклонники ея таланта. Вниманіе, лорнеты, бинокли, взоры — все было приковано къ сидѣвшей за роялемъ, прелестной, нѣжной, какъ весна, дошедшей до вершины славы — артисткѣ...

Рояль звучалъ то мощно, властно, то глубоко страдалъ и тосковалъ, то сожалѣлъ о прошломъ, невозвратномъ, то весь горѣлъ, блисталъ, сверкалъ...

Но вдругъ, все это будто позабывъ, въ одномъ порывѣ унесенный туда, гдѣ лишь царить любовь, онъ пѣлъ о ней со страстью, ликованіемъ, безъ думъ ей отдавалъ всего себя, сжигалъ все то, чему дотолѣ поклонялся и призывалъ ее такъ смѣло, съ торжествомъ...

Порабощенная, туда же унесенная толпа сначала безмолвствовала, но вдругъ, очнувшись, съ восторгомъ, кри-

комъ, горящими, то влажными глазами — старалась выразить артисткѣ восхищеніе, признательность и изумленіе передъ ея божественной игрой...

Сіяющая, съ горящимъ личикомъ, стояла на эстрадѣ, среди цвѣтовъ, Елена Нилова и, кланяясь, благодарила, съ пунцовыми благоухающими розами въ рукахъ...

Наверху, то холодѣя, то какъ въ жару горя, все слышалъ, видѣлъ, радовался, горевалъ, пріѣхавшій въ Москву на съѣздъ земскихъ врачей, Калининъ.

Послѣ пяти тяжелыхъ лѣтъ, полныхъ трудовъ, заботъ, лишениій — онъ былъ врачомъ въ больницѣ села Ивановскаго, на Окѣ. Болѣзни, недуги, невѣжество крестьянъ облегчалъ, смягчалъ онъ знаніемъ и сердечнымъ отношеніемъ. «Дохтура» Калинина любили, вѣрили ему и платили чѣмъ могли за доброту.

Все это время слѣдилъ Калининъ вездѣ, какъ могъ, за все растущей славой Елены Ниловой и мечталъ, надѣялся ее увидать еще и услышать. И вотъ, сейчасъ ее онъ слышалъ... Все тѣ же чувства, ощущенія будила ея музыка въ его душѣ, но было нѣчто новое въ ея игрѣ. Всесильное своимъ призывомъ, чему онъ, какъ прежде еще застѣнчивый студентъ, не дерзалъ, не смѣлъ внимать...

Окруженная блестящая толпою почитателей, отдыхала Нилова въ мягкомъ креслѣ и слушала, такъ много разъ ужъ слышанныя, — слова, мнѣнія, восторги, комплименты... Утомленіе смѣнялось мгновенно оживленіемъ на ея чертахъ, когда съ ней говорилъ, или наклонялся къ ней женихъ... И вдругъ, среди всѣхъ этихъ лицъ, она увидѣла, мелькнувшія минутнымъ, давнимъ прошлымъ, робко глядѣвшіе глаза, худыя щеки, бородку, прямые волосы... И городъ К. — ея концертъ, и одиноко стоявшій подъ тусклымъ фонаремъ и плакавшій студентъ, двѣ хризантемы протянутыя ему, стрѣлою пронеслись въ ея мозгу... И также, какъ тогда, безъ словъ,

безъ размышленій — артистка поднялась и, со вспыхнувшимъ во взглядѣ искреннемъ участіемъ, какъ къ старому знакомому, приблизилась къ нему. Молча, пожавъ ему лишь крѣпко руку, она взяла, изъ всѣхъ лежавшихъ передъ ней, двѣ царственные розы и ласково, смущенно ихъ протянула, вдругъ просіявшему Калинину.

Въ полутемной спальнѣ, утонувъ въ мягкой постели, уставшая, но счастливая, спала Нилова послѣ ея триумфовъ артистки, вѣря и ожидая счастья въ любви. Роскошные цвѣты благоухали и увядали за дверью въ пустой, тихой гостиной, и лишь однѣ алая розы въ хрустальной вазѣ виднѣлись на столикѣ, рядомъ съ тихо дышавшей, и улыбавшейся чему-то во снѣ, дѣвушкой...

Длинный поѣздъ на Казанскомъ вокзалѣ готовился къ отъѣзду. Пыхтѣль и сопѣль паровозъ, опоздавшіе пассажиры торопливо бѣжали по платформѣ. У окна, въ вагонѣ третьяго класса, со скромнымъ потертымъ чемоданчикомъ, сидѣлъ Калининъ. Онъ торопился въ Ивановское, къ своимъ больнымъ. Въ душѣ его было свѣтло. Съѣздъ обѣщаль такъ много хорошаго, и онъ этому вѣрилъ, надѣялся...

Поѣздъ тронулся...

Сначала медленно, потомъ все быстрѣе, замелькали дома, улицы съ остановившимися ломовыми и извозчиками, домики съ палисадниками, мелькнула первая будка съ вышедшимъ навстрѣчу сторожемъ, и, наконецъ, бѣлая, безконечная равнина поплыла въ окнѣ...

Калининъ всталъ, открылъ свой чемоданчикъ, вынулъ лежавшій наверху свертокъ и бережно его раскрылъ....

Двѣ алая, темнѣющія уже, розы печально, тихо увядали...

Застѣнчивымъ, нѣжнымъ взглядомъ остановился на нихъ молодой докторъ, и легкая краска проступила на его блѣдныхъ щекахъ...

Пасхальный приѣмъ.

Уѣздный городъ О. — лежавшій на рѣкѣ Тихой Соснѣ, готовился къ Свѣтлому Празднику. Три дня непрерывно продолжался на покрытой соломой, навозомъ и кое-гдѣ крѣпкимъ, за всю зиму слежавшимся, не всюду еще стаявшимъ снѣгомъ, площади базаръ. Тѣсно, одна къ другой, стояли телѣги съ выпряженными и тутъ же рядомъ жующими сѣно, солому, а изрѣдка и овесъ — лошадьми. На возахъ горой лежала свинина, говядина, колбаса и сало. Отчаянно визжали поросята, нахохлившись и полузакрывая крутлыя, какъ бусы, глаза, сидѣли куры на рукахъ у бабъ, вытягиваль длинную шею гусь, жалобно и глупо потягивала индошка. Передъ сидѣвшими въ длинномъ ряду торговками, стояли ведра съ творогомъ, яйцами и горшки со сметаной. Въ темныхъ кофтахъ и платкахъ, нѣмки, изъ лежащей подъ самымъ городомъ колоніи, продавали славящіеся на весь уѣздъ окорока и масло. Въ двухъ переполненныхъ свѣжимъ товаромъ колониальныхъ магазинахъ были выставлены хорошенькія, всевозможныхъ размѣровъ, пасхальныя яйца и лаконичныя, съ крупными буквами, надписи: «полученъ свѣжій балыкъ, Тамбовскіе окорока», «конфеты Пока, Абрикосова.» — Хозяйки закупаали провизію, въ домахъ все чистилось, мылось, бабы обмазывали заново бѣлья, часто съ синеватымъ отливомъ — хаты. Городокъ жилъ полной предпраздничной жизнью, думаль о земномъ, не-

смотря на уныло-звучація, расположенныхъ на площади и въблизи ея бѣлыхъ церквей, колокола, призывающихъ православныхъ подумать о Страстяхъ Господнихъ. Стояла дружная весна. Тихая Сосна, изъ узкой, съ высокими по берегамъ камышами, рѣчки, превратилась въ цѣлую, огромной ширины, рѣку, которая затопила вплоть до самыхъ хатъ всѣ огороды и доходила до самого полотна желѣзной дороги. Надъ городкомъ часто слышались крики тянувшихся на востокъ журавлей, дикихъ гусей, и виднѣлись стайки, часто махавшихъ крыльями и туда же направлявшихся, дикихъ утокъ. Вороватый охотникъ съ оглядкой продавалъ застрѣленныхъ на тягѣ, въ запрещенной роцѣ, вальдшнеповъ.

Около вокзала, за рѣчкой, въ красивомъ, одноэтажномъ, съ молодымъ, тщательно содержанымъ садомъ, домѣ начальника дистанціи, Василія Іосифовича Малиновскаго — шли дѣятельныя приготовленія. Ею маленькая, хорошенькая жена, Людмила Николаевна, энергичная, образцовая хозяйка — каждый годъ устраивала такой пасхальный столъ, съ которымъ въ О. никто конкурировать не могъ. — Ни у кого не выходили такими высокими, румяными — съдобные куличи, воздушныя бабы, а польскія мазурки — королевскія, миндальныя и шеколадныя, заслуживали одобренія даже все критикующихъ дамъ. Фаршированные поросенокъ, утка, тонкіе паштеты, приготовленныя ловкими ручками очаровательной Людмилы Николаевны, вспоминались нерѣдко и въ году, любящимъ хорошо и плотно покушать, предсѣдателемъ Земской Управы — Ильей Афанасьевичемъ Софроновымъ, — а всевозможныя наливки, настойки, водки, служили магнитомъ для стараго ротмистра, Николая Николаевича Кирьякова, собаку съѣвшаго по части спиртнаго, о чемъ ярко свидѣтельствовали красновато-сизый носъ и многочисленныя красныя жилки на его, все еще красивомъ лицѣ. — Изъ

Харькова привозился замесловатый тортъ-улей, съ летающими надъ нимъ пчелами, изъ Воронежа — Тамбовскіе окорока и вина. Внушительныхъ размѣровъ домашняго кормленія бѣлая индѣйка, малороссійскія колбасы и гордость самой хозяйки — пасхи — заварныя, сырыя, орѣховыя и сливочныя, дополняли обильный столъ. Сильно пахнушіе гіацинты, распустившіеся разноцвѣтные тюльпаны и высокая горка, покрытая ярко зеленымъ крессъ салатомъ, изъ котораго выглядывали искусственно раскрашенныя яйца, доказывали вкусъ хозяйки и любовь ея къ этому дѣлу. Красивый сервизъ, тонкое бѣлье, стекло, серебро и полная свѣта, комфортабельная, съ модной обстановкой, просторная квартира — все это могъ собѣ лишь позволить, — назначенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ на вновь проведенной вѣткѣ желѣзной дороги. — инженеръ, для котораго и былъ выстроенъ весь домъ. На первый день Пасхи у бездѣтныхъ Малиновскихъ собираются все городское общество и офицеры, холостые и семейные, расположеннаго за городомъ въ казармахъ запаснаго кавалерійскаго полка. —

Въ свѣтломъ платьѣ, шелковыхъ чулочкахъ и туфелькахъ, румяная, съ усиками надъ хорошенькомъ ротикомъ, карими глазками и красивыми бровями, съ большими золотыми кольцами-серьгами въ ушахъ, Людмила Николаевна, немножко утомленная отъ довольно неинтересныхъ поздравительныхъ визитовъ, готовилась къ вечернему приему. — Чуть-чуть попудривъ слегка блестящій, покраснѣвшій носикъ и попрыскавъ себя ея любимымъ «Coeur de Jeannette,» она вошла изъ своей спальни въ столовую и хозяйскимъ окомъ оглядѣла еще разъ столъ. Пришлось повернуть другой стороной начатая пасхи и дополнить два графина наливки. Шуршавшая крахмальной юбкой и передникомъ, Фрося уже собирала съ одного уголка незамѣченныя крошки. Все

остальное было въ порядкѣ, и Людмила Николаевна, успокоенная, прошла въ кабинетъ мужа. Василій Іосифовичъ, высокій, плотный, съ конной темныхъ волосъ надъ покатымъ лбомъ, крупнымъ носомъ и ртомъ, и опущенными рыжеватыми усами, полудремалъ — вытянувши длинныя ноги — въ креслѣ. Его клонило къ послѣобѣденному сну, который сегодня, по случая перваго дня Пасхи, исключался, но ему столько разъ пришлось сегодня христосоваться и по этому случаю выпить съ каждымъ визитеромъ по одной, двѣ рюмочки и попробовать то ветчинки, то поросенка, то еще чего нибудь, что онъ чувствовалъ себя довольно отяжелѣвшимъ и, закрывши свои выпуклыя, голубыя глаза, изрѣдка слабо похрапывалъ.

«Василій Іосифовичъ, проснись. Вотъ тоже нашелъ время спать», низкимъ контраalto, неполнѣ гармонизирующимъ съ ея небольшимъ ростомъ, недовольно произнесла Людмила Николаевна, слегка дотрагиваясь до плеча мужа.

«А что, развѣ уже кто нибудь есть?» — сонно спросилъ онъ, не открывая глазъ.

«Сейчасъ будутъ; вѣдь я просила всѣхъ къ семи, а теперь безъ четверти семь.»

«Да ты не кипятись, Людмила», все также протянулъ ея супругъ. «У всѣхъ были визиты, навѣрное хорошо выпили и такъ рано не соберутся.»

«Ну, не думаю; вѣдь это ты съ исправникомъ приложился, какъ слѣдуетъ, къ наливкѣ; другіе выпьютъ рюмку, да и довольно. А этотъ, тянулъ, тянулъ, даже смотрѣть противно. И сидѣлъ безъ конца. Не люблю я эту полицію,» совсѣмъ неожиданно заключила она.

«Ну, поѣхала. Не любишь его, такъ и сказала бы прямо, а причемъ тутъ вся полиція?» — изъ духа вѣчнаго противорѣчія запротестовалъ, вдобавокъ недоволь-

ный, что нарушили его легкій сонъ, Малиновскій. Людмила Николаевна уже готовилась, какъ слѣдуетъ, отвѣтить мужу, какъ послышался въ передней звонокъ, и молодая женщина заторопилась въ гостинную. — Чета Малиновскихъ не могла служить образцомъ семейныхъ отношеній. Василій Юсифовичъ принадлежалъ къ тому, часто встрѣчающемуся типу мужей, которые выше всего на свѣтѣ ставятъ свои удобства и все то пріятное, что даетъ жизнь, не брезгая ничѣмъ, что можетъ имъ доставить удовольствіе. Вышедшій довольно быстро и удачно изъ маленькихъ людей въ инженеры, онъ, женившись на интересной и умненькой Людмилѣ Николаевнѣ, дочери Командира бригады города X. — уже по прошествіи года сталъ ухаживать для перемѣны впечатлѣній за миленькими дамами, молоденькими гимназистками, не пропуская и смазливенькихъ горничныхъ. Людмила Николаевна, сначала искренно погорѣвавшая при этомъ открытіи, рѣшила не портить оboюдной жизни, не задумываться надъ легкомысліемъ невѣрнаго супруга, а наполнить свое время болѣе или менѣе интересно. Любившая музыку и сама недурно пѣвшая, молодая женщина нашла и въ O. интересующихся этимъ знакомыхъ, съ которыми часто музицировала; общество тамъ тоже было премилое, за веселой, пользующейся свободой, Малиновской ухаживали самые интересные кавалеры города и даже, наѣзжающіе на земскія собранія, уѣздный предводитель и одинъ земскій начальникъ. Въ общемъ, она не скучала и на жизнь не жаловалась. Приемы у Малиновскихъ считались въ городѣ самыми пріятными, не только благодаря веселымъ хозяйевамъ. — Хорошо было прокатиться за городъ, въ полный удобствъ, комфорта и даже извѣстной роскоши домъ, вкусно покушать, послушать музыку и услышать послѣднія новости въ области театровъ, концертовъ, модъ, а иногда даже и политики,

отъ живой Людмилы Николаевны, довольно часто ѣздившей въ Харьковъ и Воронежъ.

«Вотъ это мило, Александръ Александровичъ. Вы никогда не опоздаете», встрѣтила кокетливо хозяйка дома своего постоянного поклонника, товарища предсѣдателя Окружного Суда, Ховрина, сухого, извѣстнаго своимъ острымъ языкомъ старика и молодящагося, всегда эlegantнаго вдовца. «Христось Воскресе!»

«Воистину Воскресе! — но позвольте, позвольте, нѣтъ, по настоящему,» запротестовалъ онъ, когда Малиновская протянула ему руку.

«Хорошо, давайте по настоящему,» засмѣялась она и подставила ему свое хорошенькое личико.

«Какъ жалко, что Пасха разъ въ году,» вздохнулъ онъ послѣ трехъ поцѣлуевъ, немного покраснѣвъ и глядя на Людмилу Николаевну заблестѣвшими глазами.

«Не жалѣйте, тогда бы это не было такъ хорошо,» шутливо утѣшила она, готоваго къ болѣе серьезному сердечному изліянію, строгаго служителя Θεмиды.

«А, Александръ Александровичъ. Здравствуйте, Христось Воскресе!» — появляясь, привѣтствовала гостя, окончательно проснувшійся и по обыкновенію немного медлительный, Малиновскій и громко, сочно съ нимъ похристосовался. «Много визитовъ передѣлали? А я, знаете, по вольности дворянства, отложилъ свои на второй и третій день и сегодня помогаль Людмилѣ Николаевнѣ.»

«Хороша помощь. Я съ успѣхомъ могла бы безъ нея обойтись,» съ игривой колкостью, въ которой тонкій слухъ могъ уловить и искреннюю нотку раздраженія, возразила Малиновская.

«Ну, садитесь же, дорогой.» — обратился, не замѣчая колкости жены, Василій Юсифовичъ къ Ховрину.

Фрося, не выходявшая изъ передней, открывала дверь уже слѣдующимъ, и въ гостинную входила черноволосая, среднихъ лѣтъ, блѣдная, желавшая казаться привѣтливой, жена предсѣдателя земской управы — Марія Федоровна Софронова, а за нею слѣдовалъ ея супругъ — высокій, красивый, тучный Илья Афанасьевичъ, — извѣстный охотникъ, поэтъ, музыкантъ и приверженецъ Лукулла, что однако не мѣшало ему быть и порядочнымъ земскимъ дѣятелемъ.

«Христось Воскресе,» вяло похристосовалась она съ оживленно ихъ встрѣтившей Людмилой Николаевной.

«Воистину Воскресе,» едва успѣла отвѣтить хозяйка дома Ильѣ Афанасьевичу, который, вслѣдъ за женой, не спрашивая разрѣшенія, уже наклонился къ маленькой Людмилѣ Николаевнѣ и тутъ-же ее крѣпко трижды поцѣловалъ.

«Повинтимъ Марія Феодоровна, а?» спросилъ Малиновскій Софронову, предпочитавшую всему остальному карты.

«Стоить-ли сегодня?» слабо, нерѣшительно протянула она.

«Ну натурально стоить. Будеть ваша всегдашняя пулъка: — Катерина Александровна, Иванъ Ивановичъ и докторъ. Но сегодня мы немножко измѣнимъ порядокъ. Ужина горячаго не полагается, мы сначала хорошенько закусимъ и тогда за дѣло, каждый за свое,» мягко произнося букву «г,» и напирая на «о,» обрисовалъ картину предстоящаго вечера Василій Юсифовичъ.

«Погода сегодня какая прекрасная, совѣтъ тепло даже сейчасъ,» начала разговоръ Марія Феодоровна, не обращаясь особенно ни къ кому и разглядывая внимательно новое Харьковское платье Людмилы Николаевны, которую она немного ревновала за ея дуэты съ мужемъ. «Какъ пріятно, когда Пасха поздняя. А вы гдѣ были

у Заутрени, Василий Юсифовичъ?» задала она вопросъ, подсѣвшему къ ней хозяину. «Ужъ навѣрное въ гимназической церкви? Тамъ столько хорошенькихъ барышень, а вы вѣдь любитель ихъ?» — стараясь быть милой, язвительно прибавила она.

Приглашенные продолжали все прїѣзжать, и было уже больше восьми часовъ, когда Людмила Николаевна, нетерпѣливо прислушивавшаяся послѣ каждаго звонка къ голосамъ въ передней и замѣтно чѣмъ то раздосадованная, попросила всѣхъ въ столовую. Гости, не сразу, неловко — стали появляться изъ кабинета, подниматься съ дивана, кресель, съ преувеличеннымъ интересомъ продолжая начатый разговоръ и, слегка наклоняясь въ сторону настойчиво повторяющаго просьбу жены Машиновскаго, проходить въ столовую.

«Господа, прошу покорно. Выбирайте себѣ сами дамъ и садитесь, гдѣ кому угодно,» — превозгласилъ хозяинъ дома, предлагая руку своей дамѣ, хорошенькой синеглазой женѣ довольно пожилого, ревниваго полковника, прозваннаго молодыми офицерами «Суконнымъ», за сходство его не только внѣшностью, но и неприятным нравомъ — съ одной изъ его же выѣздныхъ лошадей, носящей это благозвучное названіе. «Софія Ѳедоровна, садитесь вотъ тутъ, подальше отъ мужа,» указалъ Василій Юсифовичъ мѣсто постоянно краснѣющей, но далеко незастѣнчивой молодой женщинѣ, ставя и для себя около нея стулъ у противоположнаго конца стола, и издали засмѣялся вдругъ насупившемуся, широкоплечему офицеру съ полковничьими погонами. «Ну, нечего, нечего, Михаилъ Семеновичъ, поухаживаете сегодня за другими дамами; около собственной жены сидѣть не полагается. А Софія Ѳедоровна скучать не будетъ,» шутилъ онъ дальше, будто не замѣчая неудовольствія грознаго мужа. «Андрей Александровичъ, а вамъ мѣста не хватило?

Вотъ пожалуйте сюда, къ Маріи Пстровнѣ,» — и заботливый хозяинъ усадилъ подлѣ жены директора гимназіи — желтаго, худого, скромнаго старичка, мирового судью — Васильева, вѣчно трепетавшаго передъ своей грозной, необъятныхъ размѣровъ супругой и приходящаго въ нормальное состояніе лишь въ своей камерѣ, куда его дражайшая половина доступа не имѣла.

«Милая хозяйюшка, пожалуйте вашу ручку. И настойка же, чортъ возьми, хороша. А все таки, барыня лучше!» — пріявшій за день уже много возліяній, съ совсѣмъ краснымъ лицомъ, говорилъ Николай Николаевичъ Гирьяковъ. дихой ротмистръ, какъ его звали «чортъ возьми,» съ рюмкой въ рукахъ, цѣлуя поочередно ручки, не успѣвающей отвѣчать на вопросы и комплименты ухаживающихъ за ней мужчинъ — Людмилы Николаевны.

«Илья Афанасьевичъ, дорогой мой, что же это вы? Я уже четвертую выпиваю, а вы все еще надъ третьей думаете? Этакъ не годится», журилъ Василій Іосифовичъ Софронова, замѣтивъ передъ его тарелкой полную рюмку. «Вѣдь для васъ рюмка, все равно что воробей въ сараѣ.»

«Все придетъ въ свое время, я не тороплюсь. Подъ поросеночка. Ваше здоровье! Людмила Николаевна, за ваши золотыя ручки,» поднимая рюмку въ сторону хозяевъ и кланяясь имъ, произнесъ предсѣдатель земской управы.

Выхоленный прокуроръ, съ бородкой а la Henri IV — ухаживалъ за шикантной вдовушкой нотаріуса и не переставалъ незамѣтно дополнять ее рюмку вишневкой, любуясь все больше разгоравшимися глазками своей сосѣдки.

«Вамъ не скучно оставаться въ одиночествѣ, Анна Александровна?»

«Нисколько, все равно, вамъ, мужчннамъ, вѣрить нельзя.»

«Неужели всѣмъ?» спрашивалъ онъ, внимательно на нее глядя и приблизившись, прижалъ къ себѣ локоть ея открытой, довольно полной руки.

Разговоры дѣлались все непринужденнѣе и громче, то тутъ, то тамъ раздавался дамскій смѣхъ и возгласы мужчинъ, произнесены уже были и тосты — удачные и неудачные, когда раздался, услышанный лишь хозяйкой и пробѣжавшей въ переднюю Фросей, звонокъ, и въ столовой появился запоздалый гость, интересный земскій начальникъ, дамскій сердцеѣдъ — Михаилъ Ильичъ Курдомовъ.

«Ага! наконецъ то! Гдѣ пропадали? Сознávajíтесь, сознávajíтесь,» понеслось навстрѣчу ему со всѣхъ сторонъ.

«Прошу прощенія за невольное опозданіе», наклоняя, съ ровнымъ пробормомъ и блестящими волосами, голову къ рукѣ, неожиданно принявшей холодно-равнодушный видъ, Людмилы Николаевны, проговорилъ красивый, съ небольшими усиками, блондинъ. «Я былъ у старика Савелова, и, хотя его хуторъ лишь всего въ пяти верстахъ отсюда, никакъ не могъ во время добраться. Людмила Николаевна, вы не сердитесь?»

«Нѣтъ, за что же?» — небрежно отвѣтила Малиновская, но отъ опытнаго въ ухаживаніяхъ земскаго начальника не укрылся злой огонекъ въ ея взглядѣ, и онъ, незамѣтно самодовольно улыбнувшись, обратился ко всѣмъ съ общимъ поклономъ и подошелъ къ, сидѣвшей наискосокъ отъ хозяйки, миленькой, съ большими, кроткими глазами, барышнѣ, сестрѣ Софіи Федоровны.

«Вы разрѣшите сѣсть около васъ?», попросилъ онъ у вспыхнувшей молодой дѣвушки, наблюдая незамѣтно за Людмилой Николаевной.

«Конечно, пожалуйста.» смутясь, пробормотала не-
связно, чуть не впервые попавшая въ такое большое об-
щество, пріѣхавши на праздники къ сестрѣ институтка.

«Можно вамъ предложить пасхи?»

«Нѣтъ, мерсі, я уже ѣла.»

«Можетъ быть тортъ?»

«Мерсі, я, право, больше ничего не могу.»

«Разрѣшите тогда, я себѣ положу индѣйки и налью
вамъ муската. Мы должны съ вами чокнуться,» умѣло
началъ онъ ухаживать, не замѣчая будто никого и зная,
что его маневръ ему удастся.

«Пожалуйста не стѣсняйтесь, вставайте, кому на-
доѣло сидѣть», предложила Людмила Николаевна, на-
дѣясь такимъ образомъ разъединить не нравившееся ей
сосѣдство Курдюмова и миленькой барышни и уловивъ
на лицахъ винтеровъ нѣкоторое выжиданіе.

«Прошу, не благодарите», цѣлуясь съ дамами, про-
сила хозяйка, сразу ставшихъ подниматься и съ шумомъ
отодвигать свои стулья направлявшихся къ ней, гостей.

«Екатерина Александровна, Марія Федоровна, кар-
точку», обратился къ супругѣ Мирового Судьи и къ Со-
фроновой — Малиновскій, подходя, съ только что распе-
чатанной колодой картъ въ рукахъ. «Игроки мужчины,
гдѣ же вы?»

«Тутъ, тутъ. Позвольте и мнѣ карту», пробасилъ
молчаливый приземистый докторъ и протянулъ руку
за картой.

«И мнѣ», подхватить, всегда веселый, невпопадъ
остряцій, жандармскій ротмистръ. «Столь готовъ, пой-
демте; что же терять золотое время?» — заговорилъ осо-
бенно весело довольный ротмистръ.

«Людмила Николаевна, вы вправду не сердитесь?»
пытливо-вкрадчиво спрашивалъ Курдюмовъ, оставшись
съ ней въ столовой и медленно, медленно, маленькими

поцѣлуютъ покрывая ея ручки. «Вѣдь мы съ вами еще и не христосовались?»

«Вы вспомнили объ этомъ немножко поздно.»

«Вы со мной похристосуетесь, да? но когда мы будемъ совсѣмъ одни, хорошо?» не отводя отъ ея, ставшаго вдругъ покорно-ласковымъ, лица упорнаго краснорѣчиваго взгляда, тихо проговорилъ онъ.

«Людмила, гдѣ же ты?» раздався голосъ. вошедшаго Малиновскаго.

«Михаилъ Ильичъ, да бросьте вы ухаживать? Давайте, потанцуемъ лучше.»

«Послѣ ужина?»

«Пустяки, ваше дѣло молодое. Дамы просятъ; даже и я пройдусь въ мазуркѣ,» увлекая и жену, настояль Василій Юсифовичъ. — Бодрящая, задорная музыка мазурки такъ и подмывала къ танцу, и Василій Юсифовичъ, первый, понесся по скользкому паркету, легко побрякивая и подпрыгивая всѣмъ своимъ тѣломъ то на одной, то на другой ножкѣ, ведя за руку Софью Федоровну, которая шла довольно плавно, играя длинной талией и круглыми боками. За ними послѣдовала вдовушка съ прокуроромъ, не дающимъ себѣ труда соблюдать «па» мазурки, а довольствуясь шагомъ въ тактъ, съ неслышнымъ приотпываніемъ на поворотахъ. Стремительно вылетѣль, звеня шпорами, съ постукиваніемъ одной ноги о другую, немного согнувшись, полковой адъютантъ, красивый черноглазый офицеръ, увлекая свою даму, застѣнчивую и скромную жену веселаго жандармскаго ротмистра, за которой онъ рѣшилъ послѣднее время поухаживать. Легкой Сильфидой летѣла сверкавшая оживленіемъ Людмила Николаевна, съ принявшимъ вдругъ необычайно достойный видъ — Курдюмовымъ. Не выдержалъ Илья

Афанасьевичъ и прошелся «по старинному», гордо держа высоко поднятую голову и не спуская глазъ со своей дамы, переконфузившейся молоденькой институтки. Мазурка смѣнилась вальсомъ, въ которомъ Софія Федоровна замирала на плечѣ, сильно ей нравящагося статнаго, изящнаго штабсъ-ротмистра, и безъ конца кружилъ тонкую, съ осинымъ выраженіемъ лица, супругу молчаливаго доктора — самъ директоръ гимназіи.

Въ полкъ, разрѣшенной ради курьеза, попрыгаль, даже, всегда испуганный, мировой судья. Игравшій танцы, изъ желанія доставить удовольствіе хозяевамъ, Ховринъ, взялъ, наконецъ, заключительный аккордъ и всталъ.

«Большое спасибо, какой вы милый», поблагодарила своего поклонника Людмила Николаевна и подарила его многообщающимъ взглядомъ.

«Пась, три черви, пась, четыре пики», раздавалось въ кабинетѣ за зеленымъ столомъ.

Катерина Александровна, не выпуская изо рта папиросы и держа въ страхѣ своего партнера, пошла съ дамы. Невозмутимый докторъ побилъ ее королемъ.

«Не ходи одна, ходи съ матерью», съострилъ веселый ротмистръ, за что и получилъ уничтожающій взглядъ не любившей шутить жены мирового судьи.

«Ну и играете же вы, Иванъ Ивановичъ», напала она на вдругъ смолкнувшаго остряка. «Какъ же вы меня поддерживаете безъ короля? Совсѣмъ какъ заяцъ на гитарѣ», — уже презрительно добавила она.

«Марія Федоровна, вамъ назначать».

«Кажется, Людмила Николаевна собирается пѣть», замѣтилъ ротмистръ при первыхъ донесшихся аккордахъ пѣсенки о золотой рыбкѣ, изъ вошедшей въ моду оперетки — «Гейша».

«Да вы лучше внимательноѣе играйте», уколола его все еще разгнѣванная за ремизъ Катерина Александровна.

«Если рыбка плесъ-плесъ-плещеть, — и нарядъ ея такъ блещеть», пѣла красивымъ груднымъ голосомъ, сама себѣ аккомпанируя, Людмила Николаевна.

Товарищъ предсѣдателя окружного суда совсѣмъ пожираль ея глазами. Взглядъ Курдюмова сталъ томно мечтательнымъ. Адъютантъ магнетизироваль жгучимъ взглядомъ совсѣмъ безпомощную, не привыкшую къ такимъ блестящимъ кавалерамъ, жену • жандармскаго ротмистра. —

«Суконный» металлъ свирѣпыя взгляды на черезъ-чуръ близко сидящую къ штабсъ-ротмистру жену. —

«Божественно, дивно,» послышалось со всѣхъ сторонъ.

«Чортъ возьми, какъ хорошо,» отъ пѣнія пришедшій немного въ себя, восхитился и Кирьяковъ.

«Еще пожалуйста! — «Ты каждый меня пытаешь».

«Съ удовольствіемъ; это мнѣ больше по голосу, — рыбка слишкомъ высока,» согласилась польщенная Малиновская и перешла къ романсу. —

«Ты каждый меня пытаешь», вдругъ неожиданно промычалъ за карточнымъ столомъ молчаливый докторъ, уставившись на пробиравшую и его Екатерину Александровну. Всѣ громко разсмѣялись, а ротмистръ залился высокимъ, радостнымъ смѣхомъ.

«Да уймитесь наконецъ», проговорила, и сама улыбнувшись, грозная дама.

«Послѣдній робберъ, пора кончать,» замѣтила Марія Федоровна, услыхавши покашливанія мужа, который должно быть, готовился къ дуэту съ Людмилой Николаевной. —

Но ея опасенія не подтвердились, и Илья Афанасьевичъ свободнымъ баритономъ легко и широко запѣлъ «Кубокъ янтарный.»

«Великолѣпно, превосходно, вотъ голосъ!» — восхищались дамы въ одинъ голосъ.

«Ну, а теперь дуэть — просимъ, просимъ.» «Уймись волненія страсти».

«Да это не выйдетъ, для меня высоко,» отказывалась Людмила Николаевна, но пришлось уступить просьбамъ, и былъ спѣтъ и дуэть. Всѣ пріумолкли. Музыка Глинки и грустные слова романса навели на другія мысли...

«Господа, да вѣдь уже два часа», сказалъ Илья Афанасьевичъ и, какъ всегда, всѣ сразу вдругъ стали собираться.

«Да подождите, куда такъ торопиться?» слабо протестовалъ сильно уставшій хозяинъ дома. Изъ кабинета выходили винтеры, пряча въ карманы и сумочки портмонэ. Катерина Александровна проигралась и была не въ духѣ, отчего ея супругъ весь какъ то съезжился.

«Фрося, скажи, чтобы лошади выѣзжали», распорядилась неслышно Людмила Николаевна.

«А кучеровъ накормили?»

«Ну, до свиданія Людмила Николаевна, Василій Юсифовичъ. Спасибо за прекрасный вечеръ», начались прощанія, благодарности, поочереди цѣлующихся съ Малиновской дамъ, и поклоны, прикладывающихся къ ручкѣ хозяйки, мужчинъ. Фрося ловко разбирала и подавала пальто, шляпки, платки и также ловко опускала въ карманъ «чай».

Дверь изъ передней на крыльцо была открыта, и слышно было, какъ выѣзжали со двора и подвѣзжали къ калиткѣ сада экипажи.

«Савелій, тутъ?» зычно крикнулъ, уже вышедшій съ женой, Илья Афанасьевичъ.

«Здѣсь», отвѣтилъ несомнѣнно твердо голосъ, и слабо вырисовалось, въ чуть-чуть начинающей блѣднѣть ночи, линейка съ высокой лошадыю.

«А ночь какая теплая, звѣздная. Савелій, смотри же, поѣзжай осторожно,» уговаривала, неувѣренная въ трезвости кучера, Марія Федоровна.

«Манчжура, готовъ?»

«Такъ точно, ваше высокоблагородіе», подавая мягкій экипажъ на парѣ сѣрыхъ, бодро закричалъ кучерь-солдатъ. «Суконный» сталъ торопливо подсаживать жену и молоденькую свояченицу, уже приготовясь отчитать дома, какъ слѣдуетъ, легкомысленно держащую себя съ мужчинами Софію Федоровну. Послѣднихъ гостей провожалъ на крыльцѣ Малиновскій, вышла и Фрося, а въ гостиной, дольше другихъ, прощался съ утомленной, но совсѣмъ сейчасъ счастливой Людмилой Николаевной—Курдюмовъ и, пользуясь тѣмъ, что они наконецъ одни, держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и быстро покрывалъ поцѣлуями совсѣмъ обезсиленную молодую женщину.

«Значить до будущей недѣли, въ Харьковѣ?» прошепталъ онъ между поцѣлуями и, слышавъ шаги въ передней, громко проговорилъ:

«Я очень радъ, что вы меня простили Людмила Николаевна. До свиданія. Прощайте Василій Іосифовичъ и еще разъ, спасибо за прелестный вечеръ.»

Фрося подала послѣдному гостю пальто, закрыла на ключъ дверь и опустила въ карманъ цѣлыхъ три рубля.

«Василій Іосифовичъ, по моему у насъ было недурно? Какъ ты находишь?»

«Да, ничего. — Славненькая эта институтка. Ты не знаешь, она пріѣдетъ и на лѣто къ Софіи Федоровнѣ?»

«Кажется. Устала я все таки. Спокойной ночи. Фрося, открой на нѣсколько минутъ окно въ кабинетѣ, да не забудь потомъ закрыть. Какъ тамъ накурили!»

«Ну, пойду и я къ себѣ. Людмила, скажи Фросѣ, чтобы она не очень рано завтра начинала уборку. Надо хорошенько выспаться. Вѣдь завтра я тоже не буду спать послѣ обѣда. Придется ѣхать съ визитами.» —

И супруги Малиновскіе мирно разошлись.

Старшая.

У Елены Павловны Бестужевой не было секретовъ отъ своей сестры, Вавы. Разница въ годахъ у нихъ была небольшая, всего два года, росли онѣ вмѣстѣ, въ гимназію ходили тоже обѣ, и лишь по окончаніи ея, Леля, два года не встававшая рано утромъ одновременно съ сестрой, оставалась дома, а Вава отправлялась на Моховую въ сопровожденіи Шарлотты Ивановны, нѣмки, живущей въ ихъ домѣ со дня ея рожденія. Зато черезъ два года, когда Вава блестяще, съ золотой медалью, получила аттестатъ объ окончаніи всѣхъ наукъ, сестры уже были неразлучны и пользовались вмѣстѣ, полной удовольствіемъ и интересомъ для выѣзжающихъ барышенъ, Петербургской свѣтской жизнью. Наружностью онѣ не походили одна на другую. Леля была смутной брюнеткой, съ большими цыганскими глазами, неправильными чертами лица, съ чуть-чуть крупнымъ для небольшого личика носомъ и густыми, невьющимся, изсиня-черными волосами, высокая, тонкая, съ удивительной красоты руками и ногами.

Средняго роста, неполная, съ маленькими, хорошенькими ручками, блѣденькая, съ чудеснымъ цвѣтомъ лица, зелено-сѣрыми глазами, пепельными, волнистыми волосами и чуть-чуть вздернутымъ носикомъ — Вава была полною противоположностью сестры. Характеры у нихъ были тоже разные. Молчаливая, скрытная, глубокая Леля была откровенна лишь съ Вавой, къ которой она

питала, кромѣ любви и пѣвности, еще нѣкоторую жалость, какъ сильная къ слабому.

Веселая хохотунка, довѣрчивая, сердечная но похлѣбностная Вава — сестру очень любила и безсознательно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ухажала, чувствуя въ ней всегда опору и смотря на нее, какъ на старшую. Несмотря на несходство характеровъ — сестры, одна другую дополняя, жили дружно, безъ размолвоекъ и дѣлились впечатлѣніями, повѣряли свои мысли, тайны, обыкновенно по вечерамъ, такъ какъ Вава любила поспать дольше, въ то время, какъ Леля вставала раньше и въ девять часовъ уже садилась къ свой любимый рояль. Вава относилась къ серьезной музыкѣ равнодушно, но обладала способностію къ рикованію и недурно пѣла небольшимъ голоскомъ пѣсенки и легкіе романсы. Леля изъ легкой музыки признавала лишь цыганское пѣніе и не пропускала ни одного цыганскаго концерта въ Дворянскомъ Собраніи.

Ольга Александровна Ракина. мать Лели и Вавы, умерла, когда дѣвочкамъ было одной 14. а другой 12 лѣтъ, и въ домѣ ихъ поселилась тетушка ихъ отца, добрая, но несносная старая дѣва, на обязанности которой лежало слѣдить за занятіями племянницъ и вести домъ. На самомъ же дѣлѣ, всѣмъ завѣдывала честная, преданная семьѣ Шарлотта Ивановна, и тетушка Ларисса Аристарховна оказалась на высотѣ своего призванія лишь тогда, когда дѣвочки превратились въ барышень и стали выѣзжать. Овдогѣвшій сравнительно рано, но часто тяготившейся и при жизни жены семейной обстановкой, Павелъ Николаевичъ Ракинъ, директоръ департамента въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, дома бывалъ рѣдко, и дочери видѣли отца большею частью лишь за обѣдомъ, а иногда и по вечерамъ, когда у нихъ бывали приемы, или онъ ихъ сопровождалъ на какой нибудь вечеръ, гдѣ

и его присутствіе могло быть, по какимъ либо соображеніямъ, полезнымъ. Всѣ эти обстоятельства сильно облизили сестеръ, и когда Леля сдѣлалась невѣстой — Константина Петровича Бестужева, Вава, радуясь счастью сестры, въ то же время сильно горевала и чувствовала себя покинутой и одинокой.

«Вавуся, да вѣдь и ты скоро выйдешь замужъ. Мы объ знаемъ, какъ сильно въ тебя влюбленъ Масловъ и вотъ увидишь, онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе втеченіе этого мѣсяца. Ну знаешь что, Вавочка? Я тебѣ обещаю не выходить за Константина Петровича, пока и у тебя не будетъ все ясно. Хорошо?»

«Дорогая ты моя, добрая Леля; какъ я тебя люблю, какой ты мнѣ другъ,» обнимая сестру, проговорила Вава и, вытеревъ слезы, сразу повеселѣла. —

Константинъ Петровичъ Бестужевъ былъ уже не первой молодости, когда, послѣ удачно сдѣланной служебной карьеры, ожидая обѣщаннаго поста губернатора въ одной изъ Приволжскихъ губерній, встрѣтилъ на одномъ вечерѣ Ракитина съ его двумя очаровательными дочерьми. По натурѣ немного суховатый, корректный, высоко-порядочный, эгоистичный, а когда желалъ нравиться, то и обаятельный — Бестужевъ пользовался успѣхомъ у прекраснаго, слабаго пола, но самъ оставался холоденъ. Спокойная черноволосая смуглая Леля, въ которой Константинъ Петровичъ почувалъ глубокую, а въ будущемъ и страстную женщину, такъ ему понравилась, что онъ, сдѣлавъ Ракитинымъ визитъ, сталъ у нихъ бывать, все ближе приглядываясь къ молодой дѣвушкѣ и обстановкѣ, въ которой она выросла. Придя къ заключенію, что женившись на ней, онъ будетъ счастливъ и спокоенъ за свою семейную жизнь, и что бракъ этотъ вообще подходящъ для него, и какъ для будущаго губернатора, Бестужевъ

сталъ оказывать Лелѣ такое явное вниманіе и предпочтеніе, что общество не удивилось, когда Елена Павловна Ракитина и Константинъ Петровичъ Бестужевъ были объявлены женихомъ и невѣстой.

У Лели, вообще нелегко увлекающейся, къ Бестужеву было двойное чувство. Въ началѣ знакомства онъ ей понравился своей внѣшностью и увѣренностью во всемъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Когда же Константинъ Петровичъ сталъ за ней ухаживать, и ухаживать такъ красиво, со множествомъ обдуманнхъ мелочей, которыя такъ подкупаютъ каждую женщину и даютъ ей иллюзію большого чувства, она къ нему почувствовала настоящее влеченіе и стала въ душѣ желать себѣ такого мужа. Это не укрылось отъ Константина Петровича, и онъ, взвѣсивъ все, объяснился Лелѣ въ любви и попросилъ у Павла Николаевича Ракитина руки его дочери. Со свадьбой не торопились. Бестужевъ ждалъ своего назначенія, а пока, почти каждый день видѣлся съ невѣстой, проводя вечера у Ракитиныхъ и слушая итру Лели на рояли, вмѣстѣ читая, или сопровождая обѣихъ сестеръ въ театры, концерты, на вечера, обѣды. Все было передъ ними ясно. жизнь Лели, какъ ей казалось, полна, Константинъ Петровичъ былъ внимателенъ, нѣженъ, баловалъ ее, а замужество должно было открыть ей еще много неизрѣстнаго изъ его проплато, жизни, мыслей, впечатлѣній, пережитаго. Особенно скоро выходить замужъ ей не хотѣлось, чтобы не оставлять Вавы одной, а потому она такъ легко дала ей это обѣщаніе, будучи кромѣ того исполнѣ увѣренной, что простой, симпатичный и красивый Масловъ, — гвардейскій офицеръ одной изъ военныхъ частей въ Царскомъ Селѣ, влюбленный въ Ваву и пользующійся и ея взаимностью, въ недалекомъ будущемъ сдѣлаетъ сестрѣ предложеніе.

Леля не ошиблась. Подъ самый Новый Годъ Дмiтрій Алексѣевичъ Масловъ получилъ согласіе отъ Павла Николаевича Ракитина на бракъ Вавы съ нимъ, и свадьба обѣихъ сестеръ была назначена въ одинъ день, на Красную Горку.

Леля подъ вѣнцомъ не была интересна. Подвѣнчный нарядъ не красилъ ея смуглаго, безъ яркихъ красокъ лица, но стройная, тонкая, съ серьезнымъ выраженіемъ прекрасныхъ глазъ, она была такъ величественно прекрасна всѣмъ своимъ, полнымъ достоинства и горделивой граціи, обликомъ, что не только Константинъ Петровичъ но и всѣ приглашенные, во время церковнаго обряда съ особеннымъ чувствомъ осторожнаго уваженія присутствовали на немъ. а по окончаніи его, цѣловали руку у новобрачной. Представительный, со строгими чертами лица и невыразительными, неопредѣленнаго цвѣта, такъ часто встрѣчающимися у блондиновъ, глазами, Бестужевъ держалъ себя сосредоточенно спокойно и, лишь обмѣнявшись трижды кольцами и основательно надѣвъ свое на безымянный палецъ правой руки, онъ чуть замѣтно улыбнулся и съ чувствомъ собственности взглянулъ на, рядомъ стоявщую, молодую жену.

Вава подъ бѣлой фатой вся сіяла прелестью молодости, свѣжестью и оживленіемъ, и ея часто мѣняющіеся, то зеленые, то сѣрые глаза, не разъ влюбленно взглядывали на выразительное, тоже сіяющее счастьемъ красивое лицо жениха. Присутствующіе, не скрывая, любовались прелестной парой, внимательно слѣдили, кто первый встанетъ на розовый атласъ, и обмѣнивались довольно громко замѣчаніями, улыбаясь посматривавшей иногда на нихъ невѣстѣ.

Послѣ церкви молодыхъ чествовали шампанскимъ, конфектами, цвѣтами, и обѣ четы въ тотъ же день разставались съ Петербургомъ. Бестужевы уѣзжали въ Н.

— гдѣ заново отдѣланный губернаторскій домъ уже былъ готовъ къ принятію новаго начальника губерніи съ молодой женой, а Масловыхъ курьерскій поѣздъ уносилъ на четыре недѣли въ цвѣтущій, благоухающій Крымъ, послѣ котораго, Вава съ мужемъ поселялась въ уютной, прелестной квартиркѣ свѣтлаго, симпатичнаго Царскаго.

Прошло четыре года.

Молодая губернаторша, Елена Павловна Бестужева, пользовалась большимъ уваженіемъ всего общества города Н. Такъ любящія позлословить словоохотливыя кумушки, несмотря на неослабное вниманіе и любопытство, не могли ни замѣтить, ни узнать чего либо такого, что могло бы бросить малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ безоблачномъ счастіи молодой жены, уже сравнительно пожилого, губернатора. На благотворительныхъ концертахъ, балахъ, приемахъ, или у себя, въ небольшомъ, болѣе интимномъ крутѣ, на засѣданіяхъ различныхъ комитетовъ, обществъ — всюду и всегда, Елена Павловна была одинаково ровна, спокойна, любезна, а къ мужу неизмѣнно внимательна. Самъ Константинъ Петровичъ, выполнѣ удовлетворенный своимъ постомъ и пріятной семейной жизнью, не желалъ больше ничего, хотя его предположеніе оказалось ошибочнымъ, и въ женѣ онъ не нашелъ той страстной женщины, какою онъ ее опредѣлялъ въ первое время ихъ знакомства. Его мужской гордости и самолюбію льстило сознаніе, что его жена съ такимъ тактомъ и достоинствомъ исполняетъ, иногда скучную, обязанность супруги начальника губерніи, а какъ молодая красивая женщина, для всѣхъ стоитъ на такой недостигаемой высотѣ.

Но спокойная, всегда казалась довольная, Елена Павловна, никому, кромѣ, быть можетъ, Вавы, не повѣдала бы той сложной внутренней борьбы, разочарованій, обманутыхъ надеждъ — которыя она пережила со времени

своего замужества. То, что она считала сильным чувством со стороны мужа, оказалось лишь простым физическим увлечением, опытного съ женщинами, Константина Петровича, а когда оно остыло, она увидѣла въ Бестужевѣ — сухого карьериста, все также прекрасно воспитаннаго, уравновѣшеннаго человѣка, довольнаго своей женой супругою, внимательнаго къ ней постолько, поскольку это не касалось ея духовныхъ запросовъ, стремлений, надеждъ, однимъ словомъ всего того, что онъ, по своему эгоизму, считалъ осложнениемъ для удобной жизни. Глубоко оскорбленная въ своей гордости, увидавъ, что ея личная жизнь мужу неинтересна, молодая женщина, затаивъ обиду, ушла въ себя, отдаляясь отъ Константина Петровича все больше и больше, и съ нетерпѣніемъ ожидая своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, гдѣ она, часто видясь съ сестрой, а иногда и проводя нѣсколько дней въ Царскомъ, у Масловыхъ — согрѣвалась душой и, радуясь счастью Вавы, съ грустью останавливалась на своей неудавшейся, одинокой жизни.

У Вавы все сложилось такъ, какъ она объ этомъ мечтала. Ласковый, веселый, любящій мужъ, прелестный ребенокъ, двухлѣтняя Марочка, полная удовольствій, пріятныхъ впечатлѣній, обезпеченная жизнь, милые друзья и знакомые въ Петербургѣ и Царскомъ, прекрасная, уютная квартира, удачная для Марочки няня, все ей улыбалось, удавалось, и она жила беззаботно, весело и тепло. Приѣзды старшей сестры дополняли ея счастье, хотя иногда Вавѣ казалось, что всегда молчаливая, скрытная Леля не такъ довольна своей судьбой, но она приписывала это лишь несимпатичному Еленѣ Павловнѣ городу Н. — съ отсутствиемъ въ немъ серьезной музыки и другихъ интересовъ, которыми сестра, живя въ Петербургѣ, была такъ избалована.

Дмитрій Алексѣевичъ Масловъ искренно любилъ Ваву и часто, не желая отказывать женѣ въ удовольствіяхъ, сопровождалъ ее безъ всякаго желанія на обѣды, балы, въ которыхъ онъ не находилъ большого интереса, предпочитая проводить вечера съ женой вдвоемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Марочка стала подрастать и такъ мило говорить. Воспитанный разошедшейся съ его отцомъ матерью, онъ привыкъ съ дѣтства къ женской ласкѣ и домашнему уюту, которымъ окружала своего единственнаго сына отъ неудачнаго брака еще молодая, Вѣра Михайловна Маслова, и ни товарищи, ни увлеченія веселящимися дамами, ни кутежи, свойственные извѣстному возрасту, не могли нарушить обязанностей, ставшаго молодымъ человѣкомъ, Маслова къ обожавшей его матери. Незадолго до его женитьбы Вѣра Михайловна скончалась и, ставъ женатымъ, Масловъ особенно цѣнилъ семью, желая найти въ ней еще и то, чего онъ съ кончиной матери былъ лишенъ. Еще мальчикомъ, видя грустные глаза Вѣры Михайловны, часто и ея слезы, а впоследствии узнавши и причину ихъ, Масловъ, выросши вблизи женщины вѣрующей, съ серьезными взглядами на жизнь — выпелъ человѣкомъ крѣпкихъ правилъ, съ сильно развитымъ чувствомъ долга. Не получивъ основательнаго, всесторонняго образованія, но по природѣ неглупый, живой, онъ интересовался многимъ, много читалъ, одно время даже началъ было посѣщать лекціи, но настоящей страстью его была музыка, и часто, въ симфоническихъ концертахъ или оперѣ, публика съ удивленіемъ смотрѣла на, сидящаго съ партитурой въ рукахъ и внимательно въ нее углубившагося, молодого офицера.

Въ хорошенькомъ, свѣтломъ будуарѣ Вавы, на низенькомъ, обитомъ веселымъ крѣстономъ, диванчикѣ, сидѣла, лишь наканунѣ пріѣхавшая изъ Н. на цѣлый мѣсяць въ Петербургъ — Елена Павловна и слушала,

захлебывающуюся съ желанія все скорѣе разсказать своей дорогой Лелѣ — сестру. Марочка играла рядомъ на коврѣ, и молодая жепница, съ интересомъ прислушиваясь къ разсказамъ Вавы, любовалась хорошенькой, забавной дѣлочкой. Вава разсказывала ей о семейной трагедіи ихъ знакомыхъ, Лосевыхъ.

«И представь себѣ, Леля. Послѣ десяти лѣтъ счастливой, казалось, семейной жизни — они расходятся. Анна Петровна, разочаровавшись въ Федорѣ Ивановичѣ, увлеклась Дедюлинымъ, сказала объ этомъ мужу, и они развѣхались; уже начинается разводъ, дѣти остаются при ней.»

«А мы всегда думали, что она мужа любитъ?»

«И любила. Но оказывается, онъ страшный эгоистъ, думалъ больше о своей карьерѣ, жена была на второмъ планѣ и даже, какъ говсрять, увлекался на сторонѣ. Онъ отнесся ко всему очень спокойно и хлопочетъ, чтобы разводъ скорѣй окончился, и свадьба Анны Петровны не стягивалась.»

«Да, часто бываетъ, что браки, на видъ счастливые, въ сущности очень несчастны и держатся изъ-за малодушія, если хочешь» — задумчиво-неопредѣленно замѣтила Елена Павловна. Въ голосѣ сестры что-то заставило Ваву насторожиться, и она быстро на нее взглянула. Лицо Елены Павловны было спокойно, но въ глазахъ свѣтилась нескрываемая грусть.

«Лелечка — ты несчастна?» — придвигаясь къ сестрѣ и охвативъ ея шею руками, тревожно горячо спросила она, стараясь заглянуть ей въ лицо. Елена Павловна молчала. Она всеѣмъ дѣлилась всегда съ сестрой, но сознаться, даже ей, въ всемъ несчастіи для гордой Бестужевой было нелегко, и она, уже справившись съ минутной слабостью, отвѣтила Вавѣ, ласково улыбаясь.

«Что ты, Вава? Я говорю не о себѣ, а вообще. Для моего полного счастья не хватаетъ вотъ такой радости,» сказала она, бѣря на руки дѣвочку и нѣжно ее цѣлуя.

«Ну, можетъ и это у тебя будетъ,» успокоившись за сестру, уже просто сказала Вава.

«Пожалуйте кушать», объявила, въ черномъ платьѣ, съ бѣлымъ передникомъ и наколкой, появившаяся горничная, и сестры поднялись чтобы пройти въ столовую, пока няня уносила въ дѣтскую расплакавшуюся Марочку.

«Лиза, а баринъ пришелъ?» — спросила Варвара Павловна у ждущей, пока сядутъ господа, чтобы поднести имъ блюдо съ кокилемъ изъ судака, горничной. —

«Конечно пришелъ,» отвѣтилъ, услыхавъ ея вопросъ, уже вошедшій Масловъ, и, подойдя къ Лелѣ, дружески и тепло заговорилъ, цѣлуя ея руку.

«Какъ я радъ, что вы опять съ нами, милая Елена Павловна. Ну, а Вава, та не могла васъ дожидаться,» прибавилъ онъ, поцѣловавъ жену.

«Меля, ты конечно остаешься у насъ ночевать, а завтра поѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ. Мы приглашены къ Верховскимъ. У нихъ большой обѣдъ, они знаютъ, что ты пріѣхала, и на тебя рассчитываютъ. Отказываться уже поздно, я за тебя обѣщала,» послѣшно прибавила она, увидавъ немного удивленное лицо сестры.

«Какъ жаль», невольно вздохнула Бестужева.

«И мнѣ тоже», замѣтилъ Масловъ. «Горе мнѣ съ Вавой. Вотъ любительница выгѣздовъ. А я, откровенно говоря, скучаю. — Ну ничего, ничего, я пошутить,» смѣясь, добавилъ онъ, видя, что молодой женщинѣ это неприятно.

«Мнѣ такъ стали въ тягость приемы, обѣды въ Н. — что я рада отъ нихъ отдохнуть,» сказала Елена Павловна.

«Вавочка, давай, пока я тутъ — больше ѣздить въ концерты и, по возможности, избѣгать обѣдовъ, вечеровъ.» «Леля, тебя всё такъ хотять видѣть,» постаралась привести доводъ Варвара Павловна.

«И я ихъ тоже, но не будемъ отдавать имъ нашихъ вечеровъ; четыре недѣли такъ быстро пролежать, а къ десятому декабря мнѣ необходимо вернуться въ Н. Передъ праздникомъ и у меня много дѣлъ. Вѣдь я состою попечительницей пріюта, яслей; нѣужно приготовить праздничныя пособія, я думаю устроить благотворительный вечеръ съ аллегри.» —

«Вотъ видишь, Леля! Какой ты молодецъ. Можетъ и лучше, что у тебя нѣтъ своихъ дѣтей?» — стараясь утѣшить сестру, замѣтила Вава.

«Ну положимъ, это утѣшеніе слабое», возразила Елена Павловна.

«Митя, ты торопишься или выпьешь съ нами кофе?»

«Нѣтъ, Вавочка, мнѣ нужно еще въ канцелярію. Вы, вѣроятно, пойдете въ паркъ? встрѣтимся тамъ. Погода сегодня хороша; морозно — но тихо.»

«Я такъ люблю вашъ паркъ, пойдѣмъ Вава», попросила и Бестужева.

«Ходить много я не люблю, ты знаешь, Леля, но ужъ такъ и быть, пойдѣмъ,» согласилась Варвара Павловна.

«Вотъ и будешь полнѣть, а это тебя портить,» постаралась испугать боявшуюся располнѣть сестру Елена Павловна.

Какъ зачарованный — стоялъ бѣлый, съ махровыми, покрытыми густымъ снѣгомъ, величественными деревьями — Екатерининскій Паркъ. На полянкахъ, маленькими брилліантками сверкалъ голубоватый снѣгъ, и кое гдѣ виднѣлся неровный слѣдъ, вѣроятно недавно, неуклюже прогуливавшейся вороны. Тишина стояла полная.

Иногда лишь, слышалось легкое потрескиваніе вѣтвей подъ граціозно перепрыгивающей съ дерева на дерево бѣлки, влѣдъ за ней — бѣлой пылью, а иногда и хлопьями, осыпался быстро снѣгъ, и вдругъ потемнѣвшіе некрасивые сучья, качнувшись, опять застывали въ неподвижномъ воздухѣ. На безоблачномъ синемъ небѣ холодно блестяло блѣдное солнце. Молодые женщины шли по боковой дорожкѣ вдоль озера.

«Какъ люблю я нашу русскую зиму,» видимо наслаждаясь, искренно сказала Елена Павловна. «Знаешь Вава? — Меня никуда не тянетъ. Ни въ Италію съ ея яркой красотой, ни на Ривьеру съ ея вѣчнымъ праздникомъ, ни даже въ таинственный, солнечный Египеть — когда я чувствую, вижу — нашу бодрую, здоровую, русскую зиму. Нашему Н. я прощаю его неблагоустройство, пыль, лѣтомъ духоту и нестерпимую жару, даже его сплетни и полное отсутствіе всякихъ интересовъ — когда наступаетъ зима, и, надъ замерзшей, конца не видной Волгой, гуляетъ широкій вольный просторъ. Я и сама чувствую себя такой вольной, освобожденной отъ всякихъ условностей, съ большимъ приливомъ непонятной мнѣ силы.» заговорила съ увлеченіемъ Елена Павловна. «Тутъ у меня совсѣмъ другое чувство. Нѣтъ простора — но къ этой торжественной тишинѣ, застываемаго въ зимнемъ нарядѣ парка, и къ нему самому, бывшему свидѣтелемъ блестящей Екатерининской эпохи, а теперь такъ безмолвно-равнодушно покоившемуся у покинутаго дворца — въ душѣ моей поднимается благоговѣніе къ прошлому, сожалѣніе о томъ, что оно ушло, и въ то же время гордость отъ сознанія — что оно когда-то было.»

«Леля, какая ты русская, настоящая русская, и какъ я завидую тебѣ. Это даетъ иногда столько удовольствія. Вотъ теперь, я не могу чувствовать какъ ты, мнѣ это не дано. Тебѣ я въ этомъ сознаюсь.»

«Ахъ Вава, у тебя такъ полна жизнь, а мнѣ нужно ее часто заполнять; не завидуи мнѣ и повѣрь, что ты такая же; но тебѣ просто не приходилось на этомъ останавливаться, увѣряю тебя.»

«Нѣтъ Леля, не скромничай. Ты — совсѣмъ другая, и я такъ горжусь тобой.»

«Дурочка ты моя, тебѣ незачѣмъ мною гордиться,» грустно улыбнулась Елена Павловна.

«А вотъ и Митя,» замѣтила Варвара Павловна, увидавъ около «Большого Каприза» уже идущаго къ нимъ Маслова.

«Не замерзли?» — спросилъ онъ.

«Еще нѣтъ», отвѣтила Вава, «но я ничего не имѣю противъ чашки чая; вѣдь мы гуляемъ уже давно. Леля, пойдемъ домой», обратилась она къ Еленѣ Павловнѣ.

«Хорошо, хорошо,» уступила ей Бестужева.

«Не любить Вава ходить. Ну пойдемъ, кошечка, я тебѣ помогу,» сказалъ, засмѣявшись, Дмитрій Алексѣевичъ и, поддерживая жену подъ руку, направился съ сестрами на Захаржевскую, гдѣ они жили.

Елена Павловна, сыграйте намъ Шумана, «Nachtstück», пожалуйста,» попросилъ Масловъ молодую женщину, когда, послѣ обѣда съ любимыми блюдами Лели, они сидѣли втроемъ въ просторной — выдержанной въ свѣтлыхъ тонахъ — гостиной, которую освѣщала высокая, подъ большимъ золотистымъ абажуромъ, лампа. Небольшой, покрытый живописно брошеннымъ на него шелковымъ покрываломъ и уставленный рамками, рояль — свободно занималъ часть угла, выдвигаясь къ серединѣ комнаты.

«Съ радостью, но только пожалуйста уберите всѣ эти карточки и шелкъ. Сразу видно, Вава, что ты не играешь,» отвѣтила Елена Павловна, подходя къ роялю.

«Да, мнѣ очень, очень не хватаетъ дома музыки,» сказалъ, убирая все съ рояля и поднимая крышку, Дмитрій Алексѣевичъ.

«Нѣтъ, крышку не поднимайте, я не буду играть шумныхъ вещей,» остановила его Бестужева и, сѣвъ, взяла нѣсколько аккордовъ. Простой, полный поэзии, романсъ Шумана плавно полился изъ подъ ея тонкихъ, красивыхъ пальцевъ. Вава слушала сестру довольно внимательно, но музыка ее не трогала; зато ея мужъ, откинувъ на спинку кресла голову, казалось, вмѣстѣ съ Шуманомъ переживалъ мирную тишину лѣтней ночи.

Молодая женщина взяла послѣдній аккордъ и, дождавъ пока звуки не замерли, оглянулась.

«Еще что нибудь, милая Елена Павловна, прошу васъ.»

«Опять Шумана?»

«Да.»

«Я сыграю вамъ часть изъ моей любимой фантазіи.»

«Какъ глубоко, хорошо чувствуете и передаете вы все, что исполняете,» воскликнулъ Масловъ, когда она кончила и встала.

«Я люблю музыку, и потому это естественно», просто отвѣтила Бестужева.

Дмитрій Алексѣевичъ, молча, дольше обыкновеннаго, на нее посмотрѣлъ. Она стояла около Вавы, которая, подвернувъ ноги, мягкимъ комочкомъ ушла въ удобное кресло и слушала ихъ со скучающимъ видомъ. Что-то неприятно кольнуло Дмитрія Алексѣевича, и онъ, скользнувъ взглядомъ по женѣ, остановилъ его опять на Еленѣ Павловнѣ. Его поразило грустное, задумчивое выраженіе ея глазъ и какая-то беспомощность въ опущенныхъ безсильно рукахъ.

«Она не можетъ быть счастлива», вдругъ, почему-то, промелькнуло у него въ головѣ, и онъ удивился, что замѣтилъ это впервые.

«Пора расходиться, ты, Лелечка, навѣрное устала,» вдругъ проговорила Вава, и слова ея прозвучали, какъ показалось Маслову, некстати, неприятно его поразивъ.

Хотя Леля и Дмитрій Алексѣевичъ просили Ваву поменьше выѣзжать, это оказалось почти невозможнымъ, ввиду обширнаго круга знакомыхъ, и Елена Павловна радовалась, если одинъ, два раза въ недѣлю, они проводили вечера одни, какъ въ первый день ея приѣзда, чтобы быть больше съ сестрой, ей не хотѣлось отказываться отъ приглашеній, которыя принимала Вава, и исключеніемъ являлись лишь концерты, которые она посѣщала со своимъ beau-frère' омъ.

Концертировалъ извѣстный піанистъ, симфоническіе были тоже особенно интересны, и нѣсколько разъ, за промелькнувшія мгновеніемъ три недѣли — она и Масловъ, вдвоемъ, наслаждались музыкой, совершенно незамѣтно сблизившей ихъ гораздо больше, чѣмъ всѣ пять лѣтъ знакомства. Выйдя замужъ, Вава сначала бывала съ Димитріемъ Алексѣевичемъ на неинтересныхъ для нея концертахъ, но на второй годъ женитьбы Маслова стали видѣть на нихъ, какъ и раньше, одного.

«Вава, цыганъ ты поѣдешь съ нами слушать? Они поютъ въ Дворянскомъ Собраніи,» — незадолго до отъѣзда Елены Павловны, объявилъ Масловъ женѣ, входя въ ея будуаръ съ Новымъ Временемъ въ рукахъ.

«Конечно, ихъ я люблю. Поетъ одинъ хоръ Николая Шишкина, или оба?»

«Кажется, оба».

«Какъ это удачно для Лели. Она ихъ такъ любитъ. Когда ты возьмешь билеты? Или, знаешь что, Митя, я ѣду въ Петербургъ, мы условились съ Лелей поѣхать вмѣстѣ

къ Тата Русовой, сегодня ея приемный день, и къ обѣду вернемся сюда. Леля остается у насъ до субботы. Мы сами и возьмемъ билеты.»

«Ну и прекрасно. Значить, къ шести вы будете обратно.» —

«Нѣтъ, скорѣе къ семи. И вечеромъ мы дома.»

«Неужели? Слава Богу», засмѣялся съ облегченіемъ Дмитрій Алексѣевичъ. —

«Какъ неудобно, все таки, жить въ Царскомъ!» говорила Вава сестрѣ, когда обѣ онѣ, побывавъ у знакомыхъ и запасшись билетами, успѣли въ удобный, мягко освѣщенный вагонъ перваго класса, поздоровались съ вѣдущими изъ Петербурга знакомыми, и поѣздъ неслышно тронулся.

«Надо вѣчно торопиться и съ каждаго вечера такъ рано уѣзжать.»

«А я, наоборотъ, нахожу это большимъ преимуществомъ. Нервы отдыхаютъ въ миломъ, тихомъ Царскомъ отъ Петербургской суетоки. И живя въ Петербургѣ, ужъ навѣрное всѣ твои вечера были бы заняты,» отвѣтила Елена Павловна.

«Знаешь, Вава? Мнѣ кажется, à la longue, Дмитрію Алексѣевичу будетъ дѣйствительно неприятно и утомительно столько выѣзжать? Онъ такъ любитъ сидѣть съ тобой дома, и у васъ такъ хорошо, что я бы, на твоёмъ мѣстѣ, прекратила нѣкоторыя знакомства.»

«Леля, это невысказуемо. За что я буду кого-нибудь обижать? Всѣ такъ хорошо къ намъ относятся, такъ меня балуютъ вниманіемъ, а мы платимъ имъ только обѣдами и приглашеніями на воскресенье.»

«Ну, этого вполне, положимъ, достаточно. Провести воскресенье у васъ, нагуляться и надышаться въ Царскомъ, это такое удовольствіе, на которое я бы промѣняла любой вечеръ. Да и какъ всѣ эти вечера скучны.»

«Отчего скучны? я съ тобою несогласна», живо возразила Вава.

«Что тебя въ нихъ можетъ занимать? Пустой флиртъ? Да кажется, ухаживанія тебя неособенно трогаютъ?».

«Не трогаютъ, но иногда забавны,» лукаво улыбнувшись, замѣтила Вава.

«Развѣ только, что отъ скуки забавны,» — смѣясь, протянула Елена Павловна. «Но впрочемъ, я, кажется, дѣйствительно разыгрываю роль старшей. Ты на меня, дорогая, не сердись! Вѣдь я тебѣ это говорю по моимъ наблюденіямъ, быть можетъ, и ошибочнымъ?»

Молодыя женщины такъ заговорились, что не замѣтили, какъ поѣздъ, чуть замедляя ходъ, уже останавливался у залитого электричествомъ, небольшого Царско-сельскаго вокзала. Большая часть ѣдущихъ въ этотъ часъ, главнымъ образомъ — чиновники съ портфелями, дамы съ покупками, изрѣдка блестящій гусарь, поддерживающая волочившуюся саблю, нерѣдко напыщенный желтый кирасиръ и болѣе скромные офицеры другихъ военныхъ частей — покинули поѣздъ и быстро направились къ выходу. — Нѣсколько прекрасныхъ собственныхъ выѣздовъ, одна, другая, придворная карета и ряды извозчиковъ на низкихъ санкахъ и такихъ же лошадакахъ — стояли передъ невысокимъ зданіемъ, на освѣщенной, сильно горѣвшимъ блѣднымъ свѣтомъ электрическаго фонаря — площадкѣ.

Неособенно торопясь, сѣстры вышли на подъѣздъ и, сѣвъ въ маленькія саночки проворно отъѣзжающихъ извозчиковъ — понеслись по длинной, ведущей къ Софіи, аллеѣ. Послѣ Петербурга тутъ невольно поражали тишина, чистый, живительный воздухъ и ослѣпительно бѣлый свѣтъ.

«Ужъ ради одного воздуха и этого удивительнаго спокойствія, чистоты, которыми дышетъ все Царское, я

бы ни за что съ нимъ не разсталась,» говорила Елена Павловна, любясь бѣлой пеленой, которая растилалась по лѣвой сторонѣ и уходила, теряясь въ темнотѣ. Мелкія, мелкія снѣжинки кружились въ блѣдномъ блескѣ электричества; точно на стражѣ, стояли, вытянувшись, прямыя пихты; веселые извошники, обгоняя другъ дружку, обмѣнивались шутками; миролюбиво свѣтились огни въ домахъ показавшейся Софіи. Сани выѣхали на широкую Захаржевскую и остановились у бѣлаго, двухэтажнаго, съ большимъ палисадникомъ — дома. Во второмъ этажѣ, въ двухъ окнахъ виднѣлся свѣтъ. —

«Митя насъ ждетъ въ кабинетѣ, а Марочку, вѣроятно, няня уже уложила,» сказала Варвара Павловна, поднявшись по ступенькамъ на крыльцо, и надавила пуговку звонка.

«Жаль уходить, такъ хорошо,» замѣтила Елена Павловна, нехотя входя въ открытую Лизой дверь.

«Получили билеты?» весело поздоровавшись, встрѣтить ихъ Масловъ въ передней и сталъ помогать женѣ снять шубу, пока Лиза, нагнувшись, разстегивала ботики Бестужевой.

«Получили, и совсѣмъ близко, въ четвертомъ ряду. А Марочка уже спитъ?» торопливо спросила Варвара Павловна.

«Кажется, да, — я слышала, какъ няня вышла изъ дѣтской.»

Елена Павловна, въ строгомъ англійскомъ костюмѣ, съ высокимъ, прекрасно облегающемъ ея красивую, тонкую шею, воротникомъ — простой, свѣтлой рубашечки — и ниткой жемчуга, показалась Дмитрію Алексѣвичу очень красивой. Ея смуглыя щеки торѣли послѣ морознаго воздуха, отчего глаза казались еще больше и глубже, а густые, гладко причесанные волосы открывали прекрасный лобъ и дѣлали маленькое лицо особенно породи-

стымъ. Вава, тоже раздумываясь, въ изящномъ, падающимъ мягкими складками сѣромъ платьѣ — была очень хорошенькой, но такіе типы, какъ ея, были нерѣдки, въ то время, какъ строгая, и вмѣстѣ съ тѣмъ женственная простота Елены Павловны, ея спокойная грація и вдумчивые глаза — невольно останавливали вниманіе.

«Какъ странно; отчего я раньше не находить ее красивой?» — мысленно задать себѣ вопросъ Дмитрій Алексѣевичъ.

Два дня, проведенные опять Еленой Павловной у Масловыхъ, внѣшне ничѣмъ не отличались отъ всѣхъ предыдущихъ ея пріѣздовъ. Съ такимъ же искреннимъ сожалѣніемъ отпускала сестру Вава, а Леля также нехотя уѣзжала въ Петербургъ, въ холодную квартиру отца, гдѣ неизмѣнно процвѣтали тетушка Ларисса Аристарховна, и вѣчно дѣятельная Шарлотта Ивановна. Но въ этотъ разъ, пріѣхавъ изъ яснаго дома сестры — ей показалось все особенно мрачнымъ, а о скоромъ своемъ возвращеніи въ Н. не хотѣлось и думать.

Съ непонятнымъ нетерпѣніемъ ожидая цыганскаго концерта и пріѣзда Вавы съ мужемъ, въ этотъ день обладающихъ у Павла Николаевича, съ тѣмъ, чтобы потомъ вмѣстѣ ѣхать въ Дворянское Собраніе, молодая женщина старалась заполнить время кое-какими покупками и сдѣлала нѣсколько скучныхъ визитовъ. Уже совсѣмъ готовая, въ прелестномъ, черномъ, какъ чешуей покрытомъ блестящемъ, платьѣ, съ волненіемъ услышала она голоса Масловыхъ и, радостно вспыхнувъ, обняла входившую Ваву и подала руку Дмитрію Алексѣевичу.

«Леля, что съ тобой? Я тебя такой, необыкновенной, еще никогда не видала,» съ восторгомъ глядя на сестру, воскликнула Вава.

«Неправда-ли, Митя?» — спросила она у мужа, который тоже изумленно смотрѣлъ на Елену Павловну. —

«У тебя совсѣмъ, совсѣмъ другое лицо. И это очаровательное платьѣ. Нѣтъ, съ Вгизас никого сравнить нельзя,» заключила она.

«Что ты, Вава?» — оправляясь отъ такъ непривычнаго ей смущенія, отвѣтила Бестужева. «Я никакой перемѣны въ себѣ не замѣчаю. А платьѣ дѣйствительно удачно. — Пойдемъ обѣдать, папа уже дома,» постаралась она прекратить ненаврядіеся ей, почему-то, похвалы. Обѣдъ прошелъ скоро. Масловы и Елена Павловна боялись опоздать, и ровно въ три четверти восьмого позволившій швейцаръ объявилъ, что карета подана.

«Скорѣй, скорѣй», заторопила даже Вава; «такъ жаль будетъ пропустить — Матушку».

И дѣйствительно, съѣздъ былъ такъ великъ, что когда, черезъ полчаса, долго прождавъ внизу очереди, они поднялись въ залъ и стали занимать свои мѣста, на эстраду уже выходили цыгане.

Странно было видѣть въ торжественномъ, роскошномъ, съ рядомъ колоннъ и блестящей, особенно нарядной публикой — бѣломъ залѣ, пестрыхъ, неловко появляющихся и разсаживающихся съ глухимъ говоромъ, цыганокъ. Мужчины, съ гитарами, въ ихъ типичныхъ кафтанахъ и шелковыхъ цвѣтныхъ рубашкахъ, вышли первыми и стояли, наблюдая за размѣщающимся хоромъ. Въ первомъ ряду, любимицы публики — Домаша Масальская, Шура Морозова, Зина Васильева — уже улыбались знакомымъ, — офицерамъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ, засѣдающимъ впереди. Дирижеръ и три другихъ цыгана перебирали струны гитаръ, не спуская глазъ съ хора. — Залъ затихъ. — Николай Шишкинъ, приподнявъ красивую, съ волнистыми, густыми волосами — голову, далъ знакъ — и тихо, плавно, издалека, подъ звуки зазвенѣвшихъ гитаръ — принеслись звуки из-

вѣстной хоровой: «Ай матушка — скучно мнѣ — сударыня — грустно мнѣ...»

Звуки нарастали, крѣпли, приближались — повѣяло степью, завиднѣлся среди необъятныхъ полей — кочевой таборъ...

Все чаще притоптывалъ ногой Шишкинъ, все быстрѣе перебиралъ свою гитару и наконецъ, ужъ совсѣмъ близко — хоръ грянулъ, остановился... Шишкинъ обернулся, развелъ руками, улыбнулся и, потряхнувъ головой — опять на него взглянулъ. — И лихо, живо, съ безудержной страстью, отчаяніемъ и весельемъ — понеслась дальше пѣсня. «Возьму въ руки гребешки, да пойду къ дѣвкамъ во лужки.» выводили высокіе и низкіе голоса, а смуглыя лица, съ затаенной страстью — отдавались имъ, или смѣялись, заражая всѣхъ весельемъ.

За Хоровой одинъ романсъ слѣдовалъ за другимъ. Пѣла Зина Васильевна своимъ чарующимъ контральто. «Очи дорогія», — Маня Морозова — «Письмецо» и «Полно тебѣ солнышко» — Домапа Массальская, за свое всегдашнее — «Отойди, не гляди.» получившая гигантскую корзину ярко-красныхъ розъ.... Прогѣты были и дуэты, — «Ночи безумныя», «Что это сердце сильно такъ бьется». —

Пришла и плясовая. — Стройная, гибкая цыганка, съ яркой, красной шалью на синемъ, васильковаго цвѣта платьѣ — медленно встала, ровно будто не двигаясь, сдѣлала два круга, остановилась, не мѣняя выраженія лица, быстро, быстро зашевелила, затрясла худенькими плечами и вдругъ, ужъ не задумываясь, вся пришла въ движеніе и унеслась въ пляскѣ....

И подъ конецъ, навѣялъ на всѣхъ грусть Дмитрій Шишкинъ, спѣвъ излюбленный, «Однозвучно гремитъ колокольчикъ»...

Ещё никогда это пѣніе не дѣйствовало такъ на Елену Павловну. Ей, то становилось безконечно грустно за свою одинокую жизнь, и тогда глаза ея больше не мерцали, — то страстно хотѣлось настоящей любви — и губы и тонкія ноздри начинали трепетать, — то становилось безконечно весело, все казалось праздникомъ, и хотѣлось остановить время, — то, унылая, желтая тоска — тихо подползала, и забирала ее всю, не выпускала.....

Когда Дмитрій Шишкинъ кончалъ романсъ словами: — «И на очи, давно ужъ сухія, набижала, какъ искра, слеза,» — она, раньше всегда улыбаясь сквозь дымку грусти, этому «набижала» — сейчасъ почувствовала, какъ слезы, такой рѣдкой для нея гость — подступили къ глазамъ....

Вава, съ увлеченіемъ слушающая пѣніе, съ меньшимъ увлеченіемъ разсматривала залъ, находила знакомыхъ, кивала имъ, разговаривала, и съ маленькой, протительной каждой хорошенькой женщиной, завистью — присматривалась къ извѣстной, бѣлокурой, съ лицомъ мадонны, красавицѣ, дамѣ полусвѣта, въ цѣнныхъ мѣхахъ и дорогомъ бѣломъ туалетѣ сидѣвшей «скромно» въ первомъ ряду — недалеко отъ самыхъ блестящихъ гвардейцевъ.

Дмитрій Алексѣевичъ слушалъ, видѣлъ, внимательно наблюдая за Еленой Павловной, что съ ней происходило, и пока, лишь одинъ начиналъ глухо, со страхомъ ожидать того, что вдругъ на него надвинулось. Когда Бестужева отъ нихъ уѣхала, онъ въ тотъ же вечеръ, въ первый разъ почувствовалъ дома скуку, — а Вава, раза два втеченіи вечера, показалась ему неприятной, скучной... Ему стало не по себѣ, и онъ, всегда просившій жену подольше посидѣть, поднялся и ушелъ спать. Масловъ не могъ дать себѣ отчета, когда именно и какъ произошло, что сестра его жены, Леля, которую

онъ давно зналъ и въ то же время не зналъ совсѣмъ, не замѣчалъ, какова она, стала для него такой близкой, — гораздо ближе его Вавы, и что было страшнѣе всего — она влекла его къ себѣ, какъ обаятельная, всесильная женщина. Онъ не слыхалъ ни отъ Вавы, ни отъ нея самой, чтобы она была несчастна, одинока, но, чутьемъ начинающаго любить мужчины, съ увѣренностью уже могъ сказать, что она никого не любитъ, и что это и есть ея несчастье и горе.

Дмитрій Алексѣевичъ не задавалъ себѣ вопроса — можетъ ли она его полюбить, такъ какъ одна эта мысль, наполняя его уже теперь блаженствомъ и мучительнымъ счастьемъ — казалась ему такой страшной и невозможной — что онъ ее отъ себя тотчасъ же отгонялъ. И однако, когда Зина Васильева замолкла, давши его мыслямъ совсѣмъ грустное направленіе послѣ романа: «Ты спросила сегодня съ укоромъ», онъ невольно встрѣтился съ глазами Елены Павловны и прочелъ въ нихъ то, для нея еще безсознательное, что ему хотѣлось знать, и отчего сердце его захолонуло, а разнорѣчивыя мысли и надежды бурей пронеслись въ мозгу.

Послѣ концерта Масловы уѣхали прямо въ Царское, а Елена Павловна, проводивъ ихъ до вокзала — возвращалась одна домой. Запахнувшись своей теплой шубой и почти совсѣмъ спрятавъ лицо въ густой мѣхъ черной бурею лисицы, она закрыла глаза и отдалась, неясному ей самой — странному, пріятному возбужденію. Впечатлѣнія смѣнялись одно за другимъ То, въ ухахъ ея раздавались страстные слова одного изъ романсовъ, то, почему-то, представлялось, особенно запомнившееся желтое лицо старухи цыганки, то, стояла передъ ней Вава — оживленно-кокетливо болтающая съ лысымъ молодымъ чловѣкомъ, и она опять улыбнулась контрасту — между розовой, съ щепельными локонами, Вавой — и

ся блѣднымъ, съ голымъ черепомъ — собесѣдникомъ... И вдругъ, кровь горячей волной прилила къ сердцу, въ вискахъ застучало, а широко открытые глаза остановились... — Она внезапно вспомнила и увидала выраженіе, на хорошо ей знакомомъ, красивомъ лицѣ Дмитрія Алексѣевича — съ которымъ онъ на нее посмотрѣлъ, когда Зина Васильева, умолкая, договаривала послѣднія слова «и зачѣмъ я при встрѣчахъ молчу»... И со жгучей краской стыда, въ полномъ смятеніи, — Елена Павловна опять ясно почувствовала, какъ безотчетно хорошо ей отъ него, стало...

«Богъ мой! Да вѣдь это ужасъ,» — прошептала она и закрыла лицо руками.

Вава нѣсколько разъ подходила къ окну, ожидая сестру. — Извозчики уже привезли сѣдоковъ того поѣзда, съ которымъ обыкновенно пріѣзжала Елена Павловна. завтракъ начинать переставать, чѣмъ то недovolный Дмитрій Алексѣевичъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы — а Лели все не было.

«Вѣроятно она опоздала и пріѣдетъ со слѣдующимъ поѣздомъ», сказала, наконецъ, Варвара Павловна; «давай, Митя завтракать.» Супруги не успѣли еще приняться за второе блюдо, какъ въ передней раздался звонокъ, и вышедшая на него Лиза — поспѣшно вернулась съ телеграммой въ рукахъ. —

«Леля не пріѣдетъ, простудилась», — пробѣжавъ депешу, проговорила, слегка покраснѣвъ и отодвигая тарелку, Варвара Павловна.

«Я поѣду къ ней. ты за мной, Митя, пріѣдешь?» спросила она, взглянувъ на странно молчавшаго мужа.

«А ты развѣ долго пробудешь?»

«Весь вечеръ, думаю. Вѣдь послѣ завтра она уѣзжаетъ и къ намъ больше не попадетъ.»

«Конечно, конечно. я приѣду, но не раньше девяти часовъ; пообѣдаю дома.» чуть-чуть загнувшись, отвѣтила Маслова.

«Хорошо. — Лиза, скорѣе, одѣваться. Я сейчасъ ѣду,» вставъ и проходя къ себѣ, заторопилась Вава.

«Няня, вы ужъ пожалуйста покормите и уложите Марочку, какъ всегда,» попросила молодая женщина, зайдя, совсѣмъ готовая въ дѣтскую и нѣсколько разъ цѣлуя, съ улыбкой смотрѣвшую на мать и что-то старательно начавшую ей разсказывать — Марочку.

«Будьте покойны, барыня, мы и покушаемъ хорошо и спатки ляжемъ. Правда Марочка?»

«Ну, до свиданія, крошка», еще разъ обнявъ дѣвочку и поклонившись нянѣ, произнесла Варвара Павловна и быстро вышла. —

«Леля, что съ тобой, дорогая?» — вбѣгая къ сестрѣ, снявъ лишь ботики, озабоченно спрашивала, всю дорогу отъ Царскаго волнованная, Вава. «Есть жаръ? Чтонибудь болитъ?»

Елена Павловна хворать не любила, болѣзнямъ поддавалась не легко, а потому Вава не на шутку испугалась, заставъ сестру въ мягкомъ халатѣ, поблѣднѣвшую, со впалыми глазами, лежащей на кушеткѣ въ ихъ прежней дѣвичьей комнатѣ.

«Ничего страшнаго», невѣрно улыбаясь, произнесла Елена Павловна. «У меня сильная головная боль; должно быть невралгическая. Вчера былъ такой сквознякъ въ швейцарской»

«Ну, слава Богу. Я съ тобой останусь весь день. Митя за мной приѣдетъ вечеромъ.»

Легкая краска появилась и быстро сбѣжала съ потмнѣвшаго вдругъ лица Бестужевой, но Вава этого не замѣтила и, усѣвшись въ кресло рядомъ съ сестрой, начала ее посвящать въ мелочи своей семейной жизни.

Леля слушала ее, по обыкновенію, съ интересомъ, но два раза, когда Вава упомянула о мужѣ и пожаловалась на его, продолжавшееся уже нѣсколько дней, безпричинное, скверное настроеніе — Елена Павловна не утѣшила сестру, не поддержала, не постаралась этого чѣмъ либо объяснить — а, лишь сдвинувъ брови — закрыла глаза.

«Можетъ, я тебя утомляю своей болтовней? Скажи мнѣ, Леля.»

«Нѣтъ, нѣтъ, продолжай; я такъ люблю тебя слушать, а теперь мы разстанемся до весны, — пожалуйста, наговорись со мной вдоволь.»

Къ вечеру голова Лели не прошла, повидимому, такъ какъ, пріѣхавшаго за женой Маслова — она приняла лишь на нѣсколько минутъ, мало съ нимъ говорила, почти не глядѣла, и уже на возвратномъ пути Вава, привыкшая всѣмъ дѣлиться съ мужемъ, удивленно замѣтила, что Леля теперь стала черезъ чуръ внимательно и даже мнительно относиться къ своему здоровью, на что Дмитрій Алексѣевичъ ничего не возразилъ. —

Вернувшуюся жену Константинъ Петровичъ нашелъ осунувшейся, и такъ этимъ былъ обезпокоенъ, что Елена Павловна искренно удивилась, а въ прежнее время и обрадовалась-бы. — Но теперь, на заботливые, полные участія вопросы, она отвѣчала шутливо и увѣряла, что чувствуетъ себя вполне здоровой. —

Послѣ такъ ужаснувшего ее въ каретѣ открытія, Елена Павловна уѣзжала изъ Петербурга съ облегченіемъ, желая убѣжать, укрыться отъ всего того, что такъ или иначе связывало ее съ Царскимъ, и рѣшила не возвращаться туда до тѣхъ поръ, пока чудовищныя, страшныя мысли Дмитрія Алексѣевича — не исчезнуть окончательно. Ни одного мгновенія не предполагая, что онъ замѣтилъ ея минутную слабость, но для того, чтобы у Маслова не появилась ни малѣйшей тѣни сомнѣнія или

надежды въ этомъ направленіи — молодая женщина — своей особенной сдержанностью и, небывалой раньше, сухостью давала ему ясно понять — поскольку это ее отъ него оттолкнуло. —

Вава, отъ которой не ускользнула холодность Лели къ ея мужу, объяснила это недомоганіемъ, зная еще съ дѣтства, что не любившая хворать сестра, заболѣвъ, всегда чуждалась постороннихъ. Масловъ прекрасно разобрался въ душевномъ состояніи Бестужевой, и еще больше утвердившись въ своемъ предположеніи — страдалъ за себя и за нее.

Прошли праздники и наступилъ январь, когда Петербургская свѣтская жизнь въ полномъ разгарѣ. Приглашенія сыпались на Ваву, какъ изъ рога изобилія, и она, и прежде любившая выѣзды — окунулась въ нихъ теперь окончательно. — Неровное, непонятное состояніе — прежде всегда ровнаго, любящаго ее мужа — продолжалось. Дмитрій Алексѣевичъ сталъ раздражителенъ, иногда несправедливъ къ Вавѣ и, чего еще никогда не случалось — мужъ и жена днями не говорили другъ съ другомъ. Вава чувствовала, что въ ея семейной жизни происходитъ что-то, что подрываетъ и подтачиваетъ ихъ взаимное благополучіе, но, какъ она ни искала причины или вины въ себѣ самой — она ее не находила и, теряясь въ предположеніяхъ и страдая — повѣряла все въ длинныхъ, откровенныхъ письмахъ Лелѣ. — Масловъ не стремился больше къ уютнымъ вечерамъ, вдвоемъ, съ Варварой Павловной. Онъ скучалъ, какъ ни старался скрыть это отъ жены, рано уходилъ къ себѣ, и Вава, сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ съ горечью отнесаяся къ этой переменѣ — рѣшила больше не задумываться и пользоваться удовольствіями одна.

Елена Павловна, зная по письмамъ Вавы — что у нихъ происходитъ — мучилась вдвойнѣ. Не чувствуя

за собой прямой вины, она косвенно считала себя виновницей этого разлада. Но въ самыхъ тайникахъ души — голосъ справедливости настойчиво твердилъ ей, что началомъ и поводомъ къ тому, что привело серьезнаго, глубокаго Маслова къ такимъ мыслямъ и послѣдствіямъ, была сама же Вава. И наряду съ этимъ — поднимался еще слабо и другой голосъ, соблазнительно говорившій ей, что она и Дмитрій Алексѣевичъ созданы одинъ для другого, и что языкъ, на которомъ они оба говорятъ — понятенъ имъ обоимъ. И тогда, въ минуты тягостнаго одиночества, прислушиваясь къ нему, улыбка счастья озаряло ея лицо, глаза уходили глубоко внутрь и оттуда мерцали таинственно — то страстно, то нѣжно, а грудь вздымалась порывисто и часто. Но это случалось такъ рѣдко и такъ недолго продолжалось... Опять сурово, строго смотрѣли ея непроницаемые глаза, и вызываемая чѣмъ-то гнѣвная морщинка появлялась на лбу.....

Нѣсколько дней на дворѣ таяло. На улицахъ стояли лужи, и по канавкамъ бѣжали ручьи. Извозчики съ трудомъ тащились еще на санкахъ, съ визгомъ и скрипомъ задѣвая выползающіе, изъ подъ смѣшаннаго съ грязью, почернѣвшаго снѣга — булыжники. Надъ Волгой бѣлая равнина посѣрѣла, и издали темнѣли пятнами, появившіеся на проложенной черезъ нея дорогѣ — небольшія прогалины.

Въ небольшой, съ высокимъ угловымъ окномъ открывающимъ видъ на рѣку, а за нею на дали и лѣса, гостинной, на низкомъ диванѣ — сидѣла Елена Павловна и внимательно читала. лишь сейчасъ полученное изъ Царскаго письмо. —

Прочитавъ до конца, она положила его передъ собой на круглый столъ, облокотилась и задумалась.

Это былъ тотъ уголокъ, гдѣ она проводила большую часть дня, что сразу можно было угадать по интимному

характеру, который Бестужева сумѣла придать комнатѣ въ обширной казенной квартирѣ. Цвѣты, портреты въ изящныхъ рамкахъ, подушки самыхъ разнообразныхъ формъ и рисунковъ, рукодѣлье на столѣ, около низкой, подъ широкимъ, бѣлымъ, въ частую складку — полотнянымъ абажуромъ — лампы, два, три недавно вышедшихъ французскихъ романа, изъ которыхъ одинъ не былъ еще до конца разрѣзанъ, послѣдній номеръ Вѣстника Европы и *Revue des deux mondes*, серебряная вазочка съ конфетами — все это говорило, что именно тутъ протекаетъ, съ ея ежедневными интересами, жизнь молодой женщины.

Повидимому, — Елену Павловну извѣстіе встревожило; такъ какъ, подумавъ, она перевернула листокъ, перечла его опять и спокойно встала. Вава сообщала ей о весело прошедшей масленицѣ, жаловалась на то, что еще почти цѣлыхъ три мѣсяца не увидитъ Лелю и въ припискѣ вскользь замѣчала, что у нихъ все то же, но что такъ близко къ сердцу она этого больше рѣшила не принимать. —

На Елену Павловну письмо это произвело тяжелое впечатлѣніе. — Она видѣла, что семейное счастье сестры идетъ къ вѣрному концу, и предвидѣла, что если даже Масловы не разойдутся, ихъ бракъ превратится въ одинъ изъ тѣхъ, гдѣ супруговъ объединяетъ лишь общій кровь и матеріальные интересы. Зная неглубокій характеръ Вавы, она, не безъ основанія, опасалась, что потерявъ въ мужѣ нравственную опору, сестра легко поддастся флирту и ухаживаніямъ и сдѣлаетъ непоправимыя ошибки, послѣ которыхъ самое понятіе «о семьѣ», разъ навсегда будетъ разбито. Но что дѣлать, какъ этому помѣшать — Елена Павловна рѣшительно не знала? Лишь какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство могло спасти, удержать, распадающуюся семью.

Прошла недѣля. Елена Павловна принимала въ

своей гостинной докладъ начальника дѣтскаго пріюта, симпатичнаго, скромнаго старичка, когда лакей подаль на подносѣ телеграмму, при видѣ которой рука ея, державшая отчетный листъ — невольно дрогнула.

«Пріѣзжай немедленно Вава сильно захворала
ждать тебя Бѣгичева».

прочла она и не поняла сразу, кто такой эта Бѣгина, забывъ отъ волненія о самомъ существованіи тетушки Ларисы Аристарховны. Растерявшійся при видѣ взволнованной губернаторши старичекъ собрался поспѣшно уходить, но, уже овладѣвшая собою, Елена Павловна дослушала его, и лишь, когда онъ ушелъ, оставшись одна — тяжело, бессильно — опустилась въ кресло.

Цѣлую недѣлю Вава перемогалась, но не желая много сидѣть дома — продолжала, почти ежедневно, уѣзжать въ Петербургъ. На седьмой день, послѣ бессонной ночи, утро застало ее въ такомъ сильномъ жару и съ такой страшной головной болью, что обезпокоенный Дмитрій Алексѣевичъ пригласилъ доктора, который опредѣлилъ брюшной тифъ. — Болѣзнь предстояла затяжная, требующая бдительнаго ухода, была приставлена сидѣлка, но на третьи сутки выяснилось, что случай обѣщаетъ быть исключительно тяжелымъ: Вава металась, въ бреду звала Лелю и переселившаяся къ Масловымъ, не успѣвшая еще сообщить Еленѣ Павловнѣ о заболѣваніи сестры, тетушка — рѣшила вызвать Бестужеву депешей, противъ чего, сумрачный, озабоченный Масловъ — не протестовалъ. —

Ровно двѣ недѣли боролась, неустанно ищущая новыхъ жертвъ — смерть съ молодымъ, полнымъ жизни, силъ — организмомъ Вавы и, наконецъ, побѣжденная, должна была покориться и уйти, терпѣливо выжидая, когда пробьетъ неизбѣжный часъ ея торжества.

Приѣхавшая на второй день послѣ депеши Елена Павловна — не выходила отъ сестры. День и ночь проводила она неотлучно при то мечущейся, то стонущей, обезсиленной Вавѣ, съ любовью и нѣжностію глядя на похудѣвшее личико и ставшіе огромными сѣро-зеленые глаза, и какъ въ дѣтствѣ, — по матерински, — сердце ея наполнялось жалостію къ маленькой сестрѣ.

Съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ она видѣлась мелькомъ, по нѣскольکو разъ въ день, когда онъ на цыпочка въ входилъ въ полутемную, пахнущую лѣкарствомъ комнату и со страхомъ взглядывалъ на такъ сильно измѣнившееся, съ совѣтъ новымъ для него выраженіемъ — маленькое личико, не узнающей его Вавы. — И каждый разъ чувство раскаянія, невольной вины — просыпалось въ его душѣ, и онъ еще тише и осторожнѣе покидалъ обѣихъ сестеръ.

Мучительные, безконечные часы кризиса миновали. Окончательно разбитая, измученная физически и нравственно, отъ еще недавняго безнадежнаго отчаянія перешедшая къ счастью и радости, Елена Павловна, сама похожая на тѣнь, сидѣла въ будуарѣ, изрѣдка подходя къ двери и прислушиваясь къ ровному дыханію спокойно спящей Вавы.

Было 11 часовъ вечера, кругомъ все тихо. Послѣ безсонныхъ ночей сидѣлка тоже спала. Марочки и няни не было слышно. Изъ кабинета лишь доносились равномѣрные шаги ходившаго взадъ и впередъ Маслова, къ которымъ, усталая, не въ состояніи ни о чемъ мыслить, Елена Павловна машинально прислушивалась. Но вдругъ они остановились, неслышно открылась дверь, и молодая женщина увидѣла передъ собой, незамѣтно вошедшаго въ будуаръ, Дмитрія Алексѣвича.

Она спокойно подняла глаза и только теперь замѣтила усталое, постарѣвшее выраженіе на его, тоже поху-

дѣвшемъ, лицѣ. — Натянутые ли нервы, усталость-ли, полный физическій упадокъ, или рѣзкій переходъ отъ отчаянія къ радости были тому причиной? — Но Елена Павловна почувствовала, какъ непрощенныя тяжелыя слезы подступили къ ея горлу.

Усиліемъ воли она ихъ не допустила до глазъ и, на мгновеніе опустивъ голову, взглянула опять спокойно на безмолвнаго Дмитрія Алексѣевича. Холодныя, жесткія слова готовы были сорваться съ ея устъ, и во взглядѣ загоралось недоброе чувство, но вмѣсто этого, совсѣмъ неожиданно, необъяснимая жалость къ нему, покорному, слабому, молчаливо страдающему — и къ себѣ самой — охватила ее и, не противясь больше, а какъ-бы ища у него самого и защиту и поддержки, она протянула Маслову свои руки. — Также молча, покорно опустился онъ передъ нею и, беззвучно зарыдавъ, спрятать свою голову въ мягкихъ складкахъ ея темнаго платья. Долго не произносила Елена Павловна ни одного слова и только красивой рукой гладила склоненную передъ нею голову, такого же несчастнаго, какъ и она сама, мужа ея маленькой Вавы.

«Дмитрій Алексѣевичъ, мы съ вами должны быть сильными,» наконецъ, черезъ силу проговорила она. — «Жизнь беспощадна и жестока. Отчего судьба не свела насъ обоихъ раньше — извѣстно лишь ей одной...» добавила она еще тише и остановилась. —

Масловъ молчалъ. — Бестужева, казалось, ждала, чтобы онъ заговорилъ, но Дмитрій Алексѣевичъ не поднималъ головы и все тѣснѣе прижимался къ ея ногамъ.

Выраженіе острой боли появилась на блѣдномъ лицѣ Елены Павловны. — Медленно наклонилась она къ тому, кто первый и послѣдній могъ дать ей въ жизни ту красоту любви и смыслъ ея, безъ которыхъ душа женщины пуста и одинока. Обѣими руками приподняла и

приблизила она къ себѣ его лицо и грустно, не отрываясь, будто навсегда желая запомнить его черты, посмотрѣла на Маслова...

Столько отчаянія и безавѣтной страсти свѣтилось въ устремленныхъ на нее глазахъ, что, всегда сильная, сдержанная Елена Павловна должна была имъ покориться и съ глухимъ стономъ прильнула къ его губамъ... И въ мучительномъ, страстномъ поцѣлуѣ, забывъ страданія, пережили они свое запретное счастье...

Крѣпко стиснувъ холодныя руки, неподвижная, жуткая, чуть слышно говорила Бестужева, съ тоской смотрѣвшему на нее, Дмитрію Алексѣвичу:

«Любовь наша — нашъ крестъ. Въ тяжелыя минуты вспоминайте обо мнѣ, такой одинокой, далекой и въ то-же время близкой вамъ — и ради меня — щадите и берегите Ваву.» —

Масловъ не отвѣтилъ ничего, но долгимъ, долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Елену Павловну, сухими губами припалъ къ ея рукѣ и, не оглядываясь, тихо вышелъ изъ комнаты.

Послѣ сверкнувшаго и угасшаго мига счастья — безотрадный мракъ надвинулся и повисъ надъ молодой женщиной... Поникнувъ головой и скрестивъ на колѣняхъ руки, окаменѣлая, вперивъ въ пространство потухшіе глаза — долго бы просидѣла такъ Елена Павловна, если-бы изъ за двери не послышался вдругъ слабый голосъ зовущей ее Вавы и, быстро поднявшись, она неслышно вошла къ проснувшейся, улыбающейся сестрѣ.

Конецъ.